

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM



Збигнев БЖЕЗИНСКИЙ
Стратегический взгляд
Америка и глобальный кризис

Нью-Классик

Annotation

Никогда ещё знаменитый «американский ястреб» Збигнев Бжезинский так резко не критиковал политику США, как в этой книге.

Времена меняются, мир становится многополярным - и если США не пересмотрят свою концепцию глобальной роли «Богом избранного гегемона в мировой политике», то их ждёт точно такой же системный кризис, какой погубил в своё время СССР, считает он.

- [ВВЕДЕНИЕ](#)

- ЧАСТЬ I. Угасающий Запад
 - 1. Становление глобальной власти
 - 2. Подъём Азии и рассредоточение мировых сил
 - 3. Влияние глобального политического пробуждения
- ЧАСТЬ II. Закат «Американской мечты»
 - 1. Общая «Американская мечта»
 - 2. Долой самообман!
 - 3. Сильные стороны Америки
 - 4. Долгая имперская война Америки

- ЧАСТЬ III. Мир после Америки к 2025 году. Не Китай, но хаос
 - 1. Постамериканская неразбериха
 - 2. Наиболее геополитически уязвимые государства
 - 3. Конец добрососедства
 - 4. Отчуждённое всеобщее достояние
- ЧАСТЬ IV. После 2025 года. Новое геополитическое равновесие
 - 1. Геополитическая нестабильность Евразии
 - 2. Расширенный и более энергичный Запад
 - 3. Стабильный и готовый к

сотрудничеству Восток

- ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Двойная роль Америки
- Примечания
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
 - 13
 - 14

- [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
-

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир отличается интерактивностью и взаимозависимостью. Кроме того, впервые в истории привычные международные конфликты померкли перед общей проблемой выживания человечества в целом. К сожалению, ведущим державам ещё только предстоит выработать совместные пути решения новых растущих угроз человеческому благополучию — экологических, климатических, социоэкономических, продовольственных и

демографических. Однако без опоры на геополитическую стабильность любые попытки добиться необходимого международного взаимодействия обречены на провал.

Перераспределение мирового баланса сил и зарождающееся масштабное политическое пробуждение увеличивают - каждое по-своему - нестабильность современных международных отношений. По мере того как растет влияние Китая и как другие претенденты на мировое лидерство — Россия, Индия, Бразилия — конкурируют друг с другом за ресурсы, безопасность и экономическое преимущество,

растет вероятность недопонимания и конфликтов. Соответственно Соединённым Штатам необходимо стремиться к выстраиванию более широкого геополитического фундамента для конструктивного сотрудничества на мировой арене, учитывая растущие ожидания всё более беспокойного мирового сообщества.

С учетом вышеперечисленного в этой книге мы попытаемся ответить на четыре основных вопроса:

1. Каковы возможные последствия смещения баланса мировых сил с Запада на Восток и как отражается на нем новый фактор пробуждения политической

сознательности?

2. Почему слабеет мировое влияние Америки; каковы симптомы её внутриэкономического и внешнеполитического упадка; как Америка упустила уникальную возможность, полученную после мирного окончания «холодной войны»? И напротив, каковы регенерационные ресурсы Америки и какая необходима геополитическая переориентация, чтобы вернуть мировое влияние в прежнем объеме?

3. Каковы возможные геополитические последствия в том случае, если международное главенство Америки действительно ослабнет, кто пострадает от такого

развития геополитических событий прежде всего и как оно отразится на мировых проблемах XXI века? Отберет ли Китай у Америки ведущую роль на мировой арене к 2025 году?

4. Какие долгосрочные цели должна наметить себе возрождающаяся Америка на период после 2025 года? Как ей с её традиционными европейскими союзниками привлечь к сотрудничеству Турцию и Россию, чтобы расширить и оздоровить нынешний Запад? Как одновременно с этим выстроить на Востоке тесное сотрудничество с Китаем, не сосредоточивая свое конструктивное

присутствие в Азии исключительно на нём и избегая опасного вмешательства в азиатские конфликты?

Ответы на эти вопросы строятся на убеждении, что Америка в ближайшие годы не утратит своей ведущей роли на мировой арене. В свете перераспределения мировых сил и растущего международного противостояния тем более важно, чтобы Америка не превратилась в невежественное полицейское государство и не увязла в трясине присущего её культуре потребительства. Иначе геополитические перспективы в мире, где центр тяжести смещается с

Запада на Восток, будут становиться все безнадежнее. Миру нужна экономически сильная Америка, социально привлекательная, ответственно распоряжающаяся своим могуществом, стратегически целеустремлённая, пользующаяся международным уважением и исторически грамотная в своих отношениях с новым Востоком.

Насколько вероятна такая глобальная целеустремленность Америки? Сейчас её идейный настрой нетвёрд, и рассуждения об исторической неизбежности её упадка ведутся сплошь и рядом. Однако периоды подобного пессимизма уже случались, а

прогнозы такого рода не оправдываются. Даже широко распространенное после Второй мировой войны убеждение, что XX век - это век Америки, не исключало приступов тревоги, касающихся далекого будущего страны.

Когда во времена президентства Эйзенхауэра Советский Союз запустил свой первый космический спутник, американцев начали одолевать сомнения по поводу перспектив страны в мирном и военно-стратегическом соревновании. Затем, когда США не сумели одержать убедительную победу во Вьетнаме во времена Никсона, советское руководство

уверенно предрекало Америке скорое поражение, а пессимистически настроенные американские руководители взяли курс на разрядку напряженности, чтобы сохранить статус-кво в разделённой на два лагеря Европе. Однако вопреки прогнозам Америка выстояла, а советская система развалилась.

К 1991 году, после развала сперва советского блока, а затем и самого Советского Союза, Соединённые Штаты остались единственной мировой сверхдержавой. Теперь американским обещал стать уже не только XX, но и XXI век. Это подтверждали и президенты Билл

Клинтон и Джордж Буш. В академических кругах им вторили смелыми заявлениями, что конец «холодной войны» означает, по сути, «конец истории», конец споров о преимуществе того или иного государственного строя. Победа либеральной демократии и провозглашалась не только решающей, но и окончательной. Учитывая, что либеральная демократия зародилась на Западе, подразумевалось, что отныне именно Запад и будет диктовать стандарты остальному миру.

Однако этот бьющий через край оптимизм длился недолго. Потребительская культура и

разрегулирование экономики, наметившееся при Клинтоне и продолжившееся при Буше-младшем, привели к тому, что на рубеже столетий лопнул мыльный пузырь фондового рынка, а менее чем десятилетие спустя начался крупномасштабный финансовый кризис. Результатом разорительного одностороннего курса Буша-младшего стали десятилетняя война на Ближнем Востоке и развал внешней политики США в целом. Финансовая катастрофа 2008 года чуть не повергла страну в новую экономическую депрессию, заставив Америку - и бóльшую часть Запада - задуматься о том, к каким пагубным

последствиям ведёт необузданное потребительство. При этом в Китае и других азиатских странах немыслимый на первый взгляд сплав экономического либерализма с государственным капитализмом оказался неожиданно благоприятной почвой для экономического и технологического роста. Что, в свою очередь, спровоцировало новые тревоги о будущем Америки как ведущей мировой державы.

Между Советским Союзом на закате его дней и Америкой начала XXI века действительно наблюдается тревожное сходство. Советский Союз - с его коснеющим государственным аппаратом, неспособным к

серьёзному пересмотру политической программы, - по сути разорил сам себя, отчисляя неподъёмную долю ВВП на многолетнее военное соперничество с США плюс дополнительные затраты на десятилетние попытки завоевать Афганистан. Неудивительно, что Союз не выдержал конкуренции с Америкой в области передовых технологий и отстал ещё сильнее, экономика забуксовала и качество жизни по сравнению с западным ещё больше ухудшилось; правящая коммунистическая верхушка цинично игнорировала растущую социальную пропасть, лицемерно

скрывая собственное привилегированное положение; и наконец, на международной арене Союз всё больше обособливался, портя отношения со своим когда-то главным союзником в Евразии - коммунистическим Китаем.

Эти параллели, пусть даже несколько утрированные, убеждают нас, что Америке необходим новый путь, всеобъемлющая и долгосрочная геополитическая программа, отвечающая требованиям меняющегося исторического контекста. Только динамичная и стратегически мыслящая Америка вместе с объединяющейся Европой смогут совместными силами

работать над созданием расширенного и более энергичного Запада, способного стать ответственным партнёром расправляющему плечи Востоку В противном случае геополитически расколотый эгоцентричный Запад рискует повторить бесславную судьбу ослабевшего в XIX веке Китая, тогда как Востоку грозит опасность, по аналогии с европейскими государствами XX века, погрязнуть в саморазрушительной борьбе за власть.

Задача этой книги - наметить необходимую стратегическую линию, попытавшись заглянуть в будущее после 2025 года.

Збигнев Бжезинский
Март 2011

ЧАСТЬ I.

Угасающий Запад

1. Становление глобальной власти

В конце концов мировой политике непременно станет всё больше несвойственна концентрация власти в руках одного государства. Следовательно, США не только первая и единственная сверхдержава в поистине глобальном масштабе, но, вероятнее всего, и последняя. <...> Маловероятно, чтобы в

ближайшие годы какое-либо государство достигло 30-процентного уровня мирового валового внутреннего продукта, который США имели на протяжении большей части нынешнего столетия, не говоря уже о 50%, которых они достигли в 1945 году.

Из заключения к
«Великой
шахматной
доске» Збигнева
Бжезинского,
1997, пер. О.Ю.

Уральской

Долгое политическое господство Запада на мировой арене уже несколько десятилетий идёт на спад. В 1990-х на краткий миг возникло ощущение, что Запад вопреки двум попыткам Европы совершить коллективное самоубийство в первой половине XX века ещё может вернуть прежний статус. Мирное окончание «холодной войны», завершившееся распадом Советского Союза, знаменовало последний этап становления Соединённых Штатов как первой по-настоящему глобальной сверхдержавы. Вместе с Евросоюзом в качестве политически

мотивированного и экономически динамичного партнёра этот международный лидер казался способным не только возродить мировую гегемонию Запада, но и определить себе конструктивную ведущую роль.

Сегодня, двадцать лет спустя, мало кто видит Евросоюз серьёзным политическим игроком в ближайшем будущем, и господствующее положение Америки на мировой арене тоже под вопросом. Поскольку Запад больше не способен действовать как единое целое, долговечность его политического наследия также сомнительна. Канул в Лету тот недолгий период, когда

казалось, что Запад оставит миру в наследство международную демократию, мир во всем мире и устраивающий всех общественный договор. Однако перераспределение мировых сил, отражающееся на применении этих сил глобальное политическое пробуждение, а также печальные последствия недавних внешнеполитических действий США и рост сомнений относительно жизнеспособности американского строя в совокупности сильно пошатнули веру в это благополучное наследие Запада.

Самое понятие державы, обладающей мировым влиянием, появилось относительно недавно.

Тысячелетиями люди жили в обособленных сообществах, не подозревая о существовании далеких соседей по планете. Миграции и спорадические столкновения с чужаками происходили на фоне полного отсутствия представлений о мире в целом. Лишь в последние лет восемьсот люди стали понемногу - поначалу весьма смутно - осознавать, что где-то есть другие народы. Сперва этому способствовали экспедиции и нанесение на карту прежде неизведанных территорий, а затем колонизация и массовые переселения. Все это привело в конечном итоге к соперничеству империи, которое, в свою очередь,

вылилось в две кровопролитные войны за мировое господство, а затем мировое системное противостояние «холодной войны». Совсем недавно «тесноте» нашего мира добавили наглядности космические исследования, а на ночных фотографиях из космоса виден разительный контраст между скоплениями огней цивилизованных территорий - особенно тех, которые относятся к геополитическому Западу, - и темными, технологически менее развитыми, но всё более перенаселенными частями остального мира.

Государства, расположенные на западноевропейском побережье

Северной Атлантики, первыми пустились в целенаправленное активное исследование планеты. Ими двигала мощная совокупность факторов: развитие навигационных приборов, стремление обратить другие народы в свою веру, жажда монархической и личной славы и, не в последнюю очередь, тяга к обогащению. Отчасти благодаря этому гандикапу почти половину тысячелетия западноевропейские страны владели территориями, сильно удаленными от континентального доминиона. Таким образом границы Запада раздвинулись - сперва благодаря завоеваниям, затем переселению - от

Атлантического побережья Европы до Западного полушария. Португалия с Испанией завоевали и колонизировали Южную Америку, Британия с Францией - Северную. Когда впоследствии обе Америки получили политическую независимость от Европы, началась широкомасштабная миграция европейцев в Западное полушарие. К тому времени западноевропейские морские державы, имеющие выход в Атлантику, добрались до Индийского и Тихого океанов, установили свою власть на территории нынешней Индии и Индонезии, подчинили некоторые части Китая, отхватили себе почти всю Африку и Ближний

Восток, а также прибрали к рукам многочисленные острова Тихого и Индийского океанов и Карибского моря.

С XVI до середины XX века этот культурно-политический охват обеспечил европейским государствам североатлантического региона дискретное политическое господство почти по всему земному шару (В этом отношении колониальные империи фундаментально отличались от древних региональных империй, обособленных и охватывающих какую-то территорию целиком, - Римской, Персидской, империи Великих Моголов, Монгольской,

Китайской и империи инков, каждая из которых считала себя центром земли, почти ничего не зная о географии мира за пределами своих земель). Активно расширяла свои сухопутные границы с XVII по XIX век царская Россия, однако и она, за кратковременным исключением в виде Аляски, присоединяла лишь прилегающие территории. Тоже самое можно сказать и о расширении границ Османской империи на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе.

Империи на пике территориального охвата

1. Британская империя (1920)	34 000 000 кв. км
2. Монгольская империя (1309)	24 000 000 кв. км
3. Российская империя (1905)	23 000 000 кв. км
4. Вторая Французская колониальная империя (1920)	15 000 000 кв. км
5. Маньчжурская (Цинская) империя, Китай (1800)	15 000 000 кв. км
6. Испанская империя (1800)	14 000 000 кв. км
7. Омейядский халифат (720)	11 000 000 кв. км
8. Юаньская династия, Китай (1320)	11 000 000 кв. км
9. Аббасидский халифат (750)	11 000 000 кв. км
10. Португальская империя (1815)	10 400 000 кв. км
11. Империя Ахеменидов, Персия (480 до н.э.)	8 000 000 кв. км
12. Римская империя (117)	6 500 000 кв. км

Однако затяжные конфликты между властвующими над миром атлантическими морскими державами Европы пошатнули их геополитическое положение относительно набирающих силу государств, располагающихся в

глубине Европы и в Северной Америке. К XVIII веку в результате этой непрекращающейся борьбы претендентами на заокеанское господство остались лишь две державы - Великобритания и Франция. Силы иберийцев истощили разорительные в финансовом и стратегическом отношении бесконечные войны XVI-XVII веков с Нидерландами и немецкими провинциями, а голландское могущество начало слабеть в конце XVII века, подавляемое Британией на море и воинственной соседкой Францией на суше.

Когда к середине XVIII века дым сражений рассеялся,

Великобритания и Франция остались единственными соперницами в борьбе за имперское господство. В XIX веке это трансокеанское соперничество за колониальные владения перетекло в борьбу за господство и в самой Европе, а в начале XX века - в альянс против Германии, набирающей силы континентальной европейской державы, которая, по неслучайному совпадению, тоже вступила в международную борьбу за колонии. Из двух вспыхнувших вслед за тем мировых войн Европа вышла разоренной, расколотой и деморализованной. Неудивительно, учитывая, что после 1945 года

евразийский гигант под названием Советский Союз, победно закрепившись в самом сердце Европы, явно намеревался, как монголы семью сотнями лет ранее, прокатиться ещё дальше на Запад.

Тем временем на другом берегу Северной Атлантики Соединённые Штаты на протяжении всего XIX века наращивали свою промышленную и военную мощь, пользуясь географической удалённостью от разорявших Европу имперских и континентальных распрей. Своим вмешательством в две мировые войны первой половины XX века Штаты уберегли Европу от германского господства, однако

действия свои они вели на расстоянии, поэтому избежали беспрецедентной разрухи и массовых жертв. Более того, благодаря своему завидному экономическому и геополитическому положению в конце Второй мировой войны Америка обрела новый статус - хозяйки мировой арены. В результате во время последовавшей «холодной войны» между Востоком и Западом мир наблюдал появление нового, трансатлантического, Запада, где Штаты играли роль кормильца, а значит, и главы.

Америка и независимые западные остатки Европы - связанные общей задачей сдержать

натиск Советского Союза, а также
общностью политического и
экономического строя, а значит, и
идеологией - образовали
геополитический костяк
перекроенного заново
Атлантического альянса,
пытающегося устоять перед
трансевразийским китайско-
советским блоком.
Институционализировать эти узы
помогло создание НАТО, а Западная
Европа тем временем, пытаясь
ускорить послевоенное
восстановление, начала
экономическую интеграцию,
объединившись в Европейское
экономическое сообщество,

преемником которого впоследствии стал Евросоюз. Однако Западная Европа оставалась уязвимой для Советской державы, поэтому почти официально превратилась в протекторат Америки, попав к ней же в неофициальную финансово-экономическую зависимость.

Тем не менее по прошествии четырех десятилетий тот самый трансатлантический обороняющийся Запад вдруг превратился в сильнейшего игрока на мировой арене. К краху Советского Союза в 1991 году, последовавшему за распадом советского блока в Восточной Европе двумя годами ранее, привело сочетание

социальной усталости, политической несостоятельности, идеологических и экономических просчетов марксизма, а также успешной внешней политики Запада по «военному сдерживанию» и мирному идеологическому проникновению. Непосредственным результатом этого краха стало окончание полувекового разделения Европы. В глобальном смысле он также знаменовал превращение Евросоюза в самостоятельный источник весомого финансового и экономического (а в перспективе даже военно-политического) влияния. Таким образом, поскольку объединяющаяся Европа оставалась в

геополитическом союзе с Соединёнными Штатами - к тому времени единственной в мире военной сверхдержавой, обладающей самой передовой и процветающей экономикой, - атлантический Запад на пороге XXI века готовился к наступлению новой эры своего господства.

Финансово-экономический фундамент для этой мировой гегемонии уже существовал. Даже во время «холодной войны» капиталистический строй и невероятный динамизм американской экономики обеспечивал атлантический Запад несомненным финансово-

экономическим преимуществом перед своим геополитическим и идеологическим противником, Советским Союзом. Поэтому, несмотря на серьёзную военную угрозу, атлантические державы смогли закрепить свое господствующее положение на мировой арене посредством развивающейся сети взаимодействующих международных организаций, начиная от Всемирного банка и МВФ и заканчивая ООН, тем самым создавая фундамент для долгосрочной мировой гегемонии.

Аналогичным образом выросла в этот период идеологическая привлекательность Запада. В

Центральной и Восточной Европе Запад рождает благоприятный образ соблюдения прав человека и политической свободы, тем самым ставя Советский Союз в невыгодное положение. К концу «холодной войны» Америка и западные страны уже прочно ассоциировались с универсально привлекательными принципами человеческого достоинства, свободы и процветания.

Если притягательность Запада возрастала, то географический охват после Второй мировой, наоборот, существенно сузился. Две мировые войны значительно подорвали силы западных империй, а новый гегемон - Америка - отказался от имперского

наследия европейских союзников. Президент Рузвельт открыто заявлял, что активное участие Штатов в освобождении Европы во время Второй мировой не подразумевает реставрации колониальных империй Великобритании, Франции, Нидерландов, Бельгии и Португалии.

Однако принципиальное неприятие Рузвельтом колониализма не мешало ему проводить захватническую политику, нацеленную на занятие ключевых позиций в основных нефтяных странах Ближнего Востока. В 1943 году, беседуя с британским послом в США у карты Ближнего Востока, Рузвельт высказался без обиняков:

«Персидская нефть ваша. Иракская и кувейтская - пополам. Но саудовско-арабийская - наша»^[1]. Так началось обернувшееся впоследствии серьёзными проблемами политическое вторжение США в этот регион.

Конец европейских империй во многом приблизила растущая напряженность в колониях. Началась борьба за национальное освобождение, советская идеологическая и вооружённая поддержка угнетённых сильно осложняла репрессивные меры. В новой политической действительности распад старых колониальных империй

европоцентрического Запада
оказался неизбежным. Британия
мудро (не дожидаясь, пока её
вынудят силой) предпочла удалиться
из Индии, а потом и с Ближнего
Востока (оставив после себя
религиозную и этническую
неразбериху, которая обернулась
колоссальной гуманитарной
трагедией в Индии и вылилась в
непрекращающийся палестино-
израильский политический
конфликт, от которого по-прежнему
стонет и Запад, и Ближний Восток).
С подачи США британцы почти
добровольно отказались от своих
африканских колоний. Голландцы в
Индонезии предпочли остаться и

применить силу - но потерпели поражение. Точно так же проиграли и французы в двух кровопролитных колониальных войнах - сперва вьетнамской, затем алжирской. Португальцев вынудили уйти из Мозамбика и Анголы. Таким образом, географические границы Запада сжимались, тогда как геополитическое и экономическое влияние, наоборот, росло - в основном благодаря расширяющемуся международному господству американской культуры, экономики и политики.

В то же самое время — скрытый от широкой публики туманом «холодной войны» — наметился

более фундаментальный сдвиг в глобальном распределении политических и экономических сил. В конечном итоге он привел к перетасовкам в мировой иерархии, которые начали проявляться в результате финансового кризиса конца 2007 года. В процессе кризиса стало ясно, что для преодоления экономических трудностей уже недостаточно усилий единственной мировой сверхдержавы или Запада в целом и теперь требуется участие государств, которых до сих пор к решению мировых финансово-экономических проблем не допускали.

Практическое осознание этой

новой действительности пришло, когда в 2008 году новыми участниками из Азии, Африки и Латинской Америки пополнилась «Большая восьмерка», превратившись из закрытого, преимущественно западного клуба в «Большую двадцатку», с более равномерным представительством частей света. О переменах свидетельствовало и то, что ведущие роли на первом собрании «двадцатки», созванном в США в 2009 году, отводились президентам двух государств — Соединённых Штатов Америки и Китайской Народной Республики.

Совокупным результатом этих

событий стало осознание новой геополитической реальности: смещения центра тяжести мировой власти и экономического динамизма с атлантического региона на тихоокеанский, с Запада на Восток. Впрочем, как напоминают нам историки экономики, в течение восемнадцати столетий в общемировом ВВП неизменно преобладала доля Азии. Ещё в 1800 году на Азию приходилось около 60% мирового ВВП — по сравнению с европейскими 30%. Одна доля Индии в мировом производстве доходила (согласно Джасванту Сингху, бывшему министру финансов Индии) в 1750 году до 25% —

примерно столько же составляет сегодня доля США. Однако за XIX—XX века, с вторжением европейского империализма, опирающегося на передовые промышленные и финансовые технологии, мировая доля Азии начала стремительно сокращаться. К 1900 году, когда Индия уже достаточно долгое время находилась под владычеством Британии, её доля снизилась до жалких 1,6%.

В Китай, так же как и в Индию, британский империализм пришел по пути, проторенному британскими торговцами. Огромный торговый дефицит от закупок китайского чая, фарфора, шёлка и тому подобных

товаров британские торговые компании надеялись покрыть продажей опиума китайским импортерам. Запоздалые попытки Пекина запретить ввоз опиума и ограничить доступ иностранным торговцам повлекли за собой два вооружённых вмешательства — сперва британское, затем британско-французское, которые ускорили резкое падение доли Китая в мировой экономике.

Былое экономическое превосходство Китая и Индии позволяет утверждать, что нынешний экономический подъём Азии — это, по сути, возвращение утерянного, но достаточно долговременного

могущества. Однако необходимо отметить, что перевес Азии в ВВП достигался на фоне иной картины мира — с обособленностью и крайне ограниченным экономическим взаимодействием между регионами. Экономические связи между Европой и Азией строились в основном на бартерном обмене, осуществлявшемся в нескольких портах (в Калькутте, например), или на доставке товара караванами, медленно шествующими по Шёлковому пути. Мировой экономики, характеризующейся постоянным взаимодействием и растущей взаимозависимостью, тогда не существовало.

Таким образом, в былые времена этот статистически внушительный, но не связанный с остальными регионами экономический прогресс Азии не был направлен вовне. В начале XV века Китай предпочел политику активной самоизоляции, ещё ранее отказавшись воспользоваться технологическим преимуществом своего торгового флота и океанских военных кораблей для закрепления политического влияния. Индия при Великих Моголах обладала огромными богатствами, однако отличалась раздробленностью и не имела внешнеполитических притязаний. И действительно, единственный

сколько-нибудь значимый пример устремления азиатской политической мощи на Запад — это поход Чингисхана, который со своими всадниками отрезал значительный кусок от евразийского пирога. Однако вышла эта дикая орда из страны с совсем уж крошечным ВВП, тем самым доказывая, что в те времена экономическая несостоятельность военным успехам не препятствовала.

2. Подъём Азии и рассредоточение мировых сил

Подъём на вершину мирового господства трёх азиатских держав — Японии, Китая и Индии — не только изменил кардинальным образом баланс мировых сил, но и подчеркнул рассеянный характер геополитической власти. Превращение этих азиатских государств в значимые политико-экономические фигуры — феномен, свойственный исключительно периоду после Второй мировой, поскольку до второй половины XX

века ни одна из этих стран не могла воспользоваться огромной численностью своего населения как преимуществом. Хотя, надо признать, предпосылки выхода Азии на международный уровень проявились ещё во время непродолжительного торжества Японии как сильной военной державы после Русско-японской войны 1905 года. Однако вслед за этим неожиданным триумфом Япония загнала себя в ловушку военного империализма, обернувшегося в 1945 году полным поражением от рук США в войне, где своей основной задачей Япония провозглашала освобождение Азии

от западного доминирования. Процесс последующего восстановления страны из руин, оставленных Второй мировой, уже давал представление о будущей Азии, укрепляющей свой международный статус за счет экономического роста.

Прочная антимилитаристская демократия, принятие оборонного покровительства Америки и целеустремленность в восстановлении разрушенного хозяйства создали в Японии благодатную почву для быстрого экономического роста. ВВП Японии, при высоком уровне сбережений, умеренной заработной плате, целенаправленном упоре на

разработку высоких технологий и притоке иностранного капитала благодаря энергично продвигаемой экспортной продукции, вырос с 500 миллиардов долларов в 1975 году до 5,2 триллиона в 1995 году^[2]. Непродолжительное время спустя успех Японии повторили — правда, в условиях более авторитарного строя — Китай, Южная Корея, Тайвань, страны АСЕАН и Индонезия, а также более демократическая Индия.

В середине XX века Америка отличалась относительным благодушием и сперва не особенно замечала новую роль Японии в мировой экономике. Однако в 1980-е и в начале 1990-х Япония вдруг

превратилась в источник
беспокойства. Тревогу вызывала не
столько геополитическая
напористость Японии (остававшейся
как-никак верным союзником
Америки и исповедовавшей
пацифизм), сколько очевидное
преобладание на американском
внутреннем рынке японской
электроники, а затем и автопрома.
Паранойя подогревалась
паникёрскими репортажами СМИ о
приобретении Японией
контрольного пакета акций ключевых
американских промышленных
предприятий (в том числе
символически значимых — как
Рокфеллеровский центр в Нью-

Йорке). Япония превратилась в центр экономического влияния, торговый гигант и даже растущую угрозу американскому промышленному и финансовому мировому господству. Японию как «супергосударство» склоняли на все лады и в паникерских публикациях СМИ, и в демагогических речах в конгрессе. Панику, которая поутихла только после «потерянного» для Японии десятилетия 1990-х, сильно замедлившего её экономический рост, подпитывали научные теории, предвещающие, что Страна восходящего солнца обречет американскую экономику на неизбежный закат.

Несмотря на то что опасения насчет захвата Японией мировой экономики не оправдались, её послевоенный скачок открыл Западу глаза на имеющийся у Азии потенциал для экономического и политического первенства. Это подтвердили последующие экономические успехи региона, особенно начатая по японскому примеру Южной Кореей в 1960-х годах программа развития экспортно-ориентированной экономики. К 2010 году президент когда-то нищей Южной Кореи мог с уверенностью заявлять о готовности страны играть ведущую роль в принятии глобальных экономических решений,

— символическим тому подтверждением послужило проведение в Сеуле форума «Большой двадцатки» в 2010 году. Тайвань и Сингапур также продемонстрировали пример динамичного экономического роста и социального развития, далеко обогнав во второй половине XX века западноевропейские страны периода восстановления экономики после Второй мировой.

Однако все это лишь прелюдия к самому решительному рывку в ранней истории мировой геополитики и экономики — реактивному взлёту Китая на вершину мирового Олимпа к первому

десятилетию XXI века. Предпосылки к этому взлёту нужно искать в далёком прошлом, с борьбы за национальное обновление, начатой более века назад молодыми китайскими интеллектуалами-националистами и несколько десятилетий спустя завершившейся победой китайской компартии. Несмотря на то что губительные для социально-экономического развития «Большой скачок» и «Культурная революция» Мао отбросили Китай на несколько лет назад, в 1978 году беспрецедентный толчок социально-экономической модернизации Китая дал Дэн Сяопин с его смелой либерализацией рынка,

«распахнувшей» Китай навстречу внешнему миру и задавшей направление для небывалого роста. Этот экономический скачок означает конец единоличного главенства Запада и смещение мирового центра тяжести на Восток.

Переориентация внутренней экономики Китая совпала с драматичной геополитической перестановкой — разрывом с Советским Союзом. Постепенное охлаждение и растущая взаимная неприязнь в 1960-х вылились в открытый конфликт. Так у США появилась уникальная возможность, которой воспользовался сперва президент Ричард Никсон в 1972

году, а затем Джимми Картер в 1978-м, — выступить с Китаем единым фронтом против Москвы. За три последующих столетия Китай, который, избавившись от потенциальной советской угрозы, мог теперь сосредоточить силы на внутреннем развитии, вышел в модернизации инфраструктуры примерно на тот же уровень, которого добился Запад за предыдущее столетие. Несмотря на не решенные пока внутренние этнические вопросы, касающиеся Тибета и Синьцзяна, серьёзную внутривнутриполитическую встряску 1989 года и социальный разрыв между развитием города и деревни,

достижения Китая впечатляют. Однако в конце концов и они подогрели народные и геополитические опасения Америки. Заявления о «скупке» Штатов Китаем звучали эхом былого возмущения тем, что японцы скупают акции американской недвижимости и промышленных предприятий. К 2010 году панические настроения, напоминаящие вызванные в конце 1980-х Японией, заставили многих опасаться, что Китай вскоре вытеснит Америку с пьедестала ведущей мировой супердержавы.

Смещению мирового баланса сил на Восток способствовал также недавний выход на международную

арену постколониальной Индии, одной из двух самых густонаселенных стран мира и тоже лелеющей глобальные амбиции. В современной Индии причудливо переплетаются демократическое самоуправление, острое социальное неравенство, экономический динамизм и масштабная коррупция в политике. Поэтому её становление как влиятельного политического игрока состоялось позже Китая. Индия старалась держаться в тени так называемых неприсоединившихся стран — сохраняющих нейтралитет, но колеблющихся в политическом отношении государств, в числе

которых были такие, как Куба и Югославия, декларирующие неучастие в «холодной войне». Короткое военное столкновение с Китаем в 1962 году, закончившееся поражением Индии, было затем частично заглажено победами в двух войнах с Пакистаном в 1965 и 1971 годах. В общем и целом до недавнего времени Индия представлялась носителем авторитетного морализаторского мнения по мировым проблемам, не обладающей достаточно авторитетным влиянием.

Это представление начало меняться в результате двух значительных подвижек: собственных ядерных испытаний,

проведённых Индией в 1974 и в 1998 годах, и впечатляющего экономического роста, начавшегося в 1990-х. Либеральные реформы, включающие разгосударствление внешней торговли и инвестиций, а также поддержку приватизации, превратили когда-то анемичную и неповоротливую квази-социалистическую экономику в более динамичную, основанную на услугах и высоких технологиях, тем самым обеспечивая Индии экономический рост за счёт экспорта, по примеру Японии и Китая. К 2010 году Индию, начавшую опережать Китай по численности населения, уже считали способной

перехватить у Китая пальму политического первенства в Азиатском регионе — несмотря на нерешенные внутренние проблемы (от религиозной, языковой и этнической розни до низкого уровня грамотности, острого социального неравенства, беспорядков в сельских районах и устаревшей инфраструктуры).

Политической верхушкой Индии движут стратегические амбиции, заключающиеся в усилении мирового влияния и обеспечении главенства в своём регионе. Постепенное улучшение индийско-американских отношений в первом десятилетии XXI века также укрепило мировой

статус Индии, удовлетворяя её амбиции. Однако от более широких геополитических устремлений её удерживает незатухающий конфликт с Пакистаном, частью которого выступает борьба за влияние в Афганистане. В этом свете мнение внешнеполитической верхушки Индии о своей стране не только как о сопернице Китая, но и состоявшейся мировой супердержаве не выдерживает критики.

Тем не менее появление на мировой арене Китая как экономического соперника Америки, Индии как регионального центра тяжести и богатой Японии как тихоокеанской союзницы Америки

не только кардинальным образом изменило расстановку мировых сил, но и подчеркнуло их рассредоточение. Это чревато серьёзными последствиями. У азиатских держав в отличие от атлантических государств времен «холодной войны» нет (и не было) регионального союза. Они соперники, поэтому в некотором отношении напоминают европейские приатлантические страны эпохи колониального, а затем континентального соперничества за геополитическое превосходство, которое в конце концов вылилось в две кровопролитные мировые войны. Азиатское соперничество может

создать угрозу региональной стабильности, особенно если принять во внимание огромное население азиатских стран и наличие у некоторых из них ядерного оружия.

Разумеется, между былым трансокеанским имперским соперничеством европейских держав и современным азиатским есть основополагающее различие. Главные азиатские соперники не борются за дальние заокеанские владения, а в Европе именно из-за этой борьбы мелкие столкновения переросли в крупные межгосударственные конфликты. Стычки между азиатскими странами не выплескиваются за рамки

региона. И тем не менее даже региональный конфликт между любыми азиатскими странами (из-за островов, морских путей, береговых границ) может отразиться на глобальной экономике.

Более вероятная опасность, проистекающая из рассредоточения сил, — потенциальная нестабильность глобальной иерархии. Соединённые Штаты по-прежнему главенствуют, однако легитимность, эффективность и прочность этого лидерства вызывает всё больше сомнений у мирового сообщества, наблюдающего, как Штаты вязнут во внутренних и внешних противоречиях. Тем не

менее во всех значимых и ощутимых традиционных сферах влияния — военной, технологической, экономической и финансовой — Америка по-прежнему на коне. Она обладает самым крупным единым национальным хозяйством, сильнейшим финансовым влиянием, самыми передовыми технологиями и военным бюджетом, превышающим бюджеты всех остальных стран, вместе взятых, а также вооружёнными силами, дислоцированными в разных частях света либо готовыми к быстрой переброске за границу. Возможно, такое положение дел продержится недолго, но пока для международных

отношений это данность.

Евросоюз мог бы побороться за второе место в расстановке мировых сил, однако для этого нужен более спаянный политический альянс, с общей внешнеполитической программой и общей обороноспособностью. Но к сожалению для Запада, Европейское экономическое сообщество, расширившееся после «холодной войны» до Европейского союза, осталось союзом только на словах, на самом же деле названия следовало бы поменять местами. Более тесное «сообщество» западноевропейских стран в политическом отношении было сплоченнее, чем сменивший его

«Союз», охвативший почти всю Европу и обозначивший свое единство частично общей валютой, однако лишенный по-настоящему весомой центральной политической власти и единой финансовой политики. В экономическом отношении Евросоюз играет ведущую роль на мировой арене, значительно превосходя Штаты численностью населения и объемами внешней торговли. Однако благодаря своим культурным, идеологическим и экономическим связям с Америкой и особенно с НАТО Европа остается младшим геополитическим партнёром Штатов на разобщенном Западе. Евросоюз мог бы сочетать

мировое величие с глобальной системной актуальностью, но после окончательного падения империй европейские державы предпочли передать более затратную задачу поддержания мировой безопасности Америке, чтобы самим пустить свои ресурсы на обеспечение безопасности социальной (от колыбели до — и после — ранней пенсии), финансирующейся за счет растущего государственного долга, не связанного с экономическим ростом.

В свете вышеизложенного Евросоюз как таковой нельзя назвать крупной независимой величиной на глобальной арене, хотя Великобритания, Франция и

Германия пока ещё сохраняют остатки своего глобального статуса. Великобритания и Франция с 1945 года вместе с Америкой, Россией и Китаем обладают правом вето в Совете Безопасности ООН и — как и перечисленные три страны — владеют ядерным оружием. Однако Великобритания относится к Евросоюзу настороженно, а Франция не уверена в его далеко идущих глобальных планах. Германия — экономический двигатель Европы и по успехам в экспорте сопоставима с Китаем, однако принимать на себя оборонную ответственность за пределами Европы не спешит. Следовательно, эти европейские

государства на деле пользуются глобальным влиянием лишь как участники более широкого альянса, несмотря на общую слабость Евросоюза в данный момент.

И напротив, мощный экономический импульс, способность принимать четкие политические решения, продиктованные здоровыми национальными интересами; относительная свобода от сковывающих внешних обязательств; стабильно растущий военный потенциал вкупе с ожиданиями мировой общественности, что вскоре Китай потеснит США с пьедестала, оправдывают помещение Китая на

вторую ступень после США в текущей мировой иерархии. О растущей уверенности Китая в собственных силах свидетельствует и частота появления в его подцензурных государству СМИ высказываний о том, что он способен в будущем оспорить мировое лидерство Америки, несмотря на нерешенные внутренние проблемы, связанные с неравенством между городом и деревней и недовольством абсолютной политической властью со стороны народа.

Попытки ранжирования остальных крупных держав вслед за указанными двумя ведущими

игроками обречены в лучшем случае на неточность. Однако в любом случае список будет включать Россию, Японию и Индию, а также неофициальных лидеров Евросоюза — Великобританию, Германию и Францию. Россия удерживает высокую геополитическую позицию в основном благодаря своим обширным нефтегазовым запасам, а также прочному статусу ядерной державы, уступающей только США, хотя это военное преимущество ослабляется внутренними экономическими, политическими и демографическими недостатками, не говоря уже о более сильном в экономическом отношении

соседстве с востока и запада. Без ядерного оружия и зависимости некоторых европейских государств от российской нефти и газа Россия не поднялась бы так высоко в расстановке глобальных геополитических сил. В экономическом отношении она значительно отстает от Японии, и если та решит активизировать свою международную роль, то обгонит Россию и на большой геополитической арене. Индия, с её отстаиванием региональных позиций и глобальными устремлениями, тоже попадает в верхние строки, однако её тянет вниз стратегический антагонизм с двумя ближайшими

соседями, Китаем и Пакистаном, а также различные социальные и демографические проблемы. Бразилия с Индонезией уже претендуют на участие в принятии глобальных экономических решений в составе «Большой двадцатки» и надеются занять ведущие региональные позиции в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии соответственно.

Обозначенный состав глобальной верхушки знаменует, как уже отмечалось, исторический сдвиг центра мировых сил в сторону от Запада, а также рассредоточение этих сил по четырем различным регионам. Теперь, когда

эксплуататорское господство европейских держав на обширных территориях земного шара осталось в прошлом, новое распределение власти гораздо точнее отражает культурное многообразие.

Сокращение продолжительности жизни империй

Duration	Продолжительность
Byzantine	Византийская
Holy Roman	Священная Римская
Arabian	Арабская
Ottoman	Османская
Roman	Римская
Spanish	Испанская
Qin & Han Dynasties	Династии Цинь и Хань
Portuguese	Португальская
Sassanian	Сасаниды
British	Британская
Sui & Tang Dynasties	Династии Суй и Тан
French	Французская
Dutch	Голландская
Mogul	Великие Моголы
Ming Dynasty	Династия Мин
Qing Dynasty	Династия Цин
Russian	Российская
Mongol & successor states	Монгольская и наследники
Austro-Hungarian	Австро-Венгерская
Japanese	Японская
Italian Colonial	Итальянская колониальная
German	Немецкая

Времена, когда участники
закрытого западного клуба — во
главе с Великобританией, Францией

и США — собирались, чтобы поделить власть на Венском конгрессе, на Версальской или Бреттон-Вудской конференциях, прошли безвозвратно. Однако (учитывая не изжитый давний антагонизм и региональное соперничество между более разрозненными в настоящее время и шире рассредоточенными десятью ведущими державами) новая расстановка сил усложняет достижение консенсуса в принятии глобальных решений — причем в эпоху, когда человечество вынуждено решать всё более важные проблемы, среди которых есть и угрожающие самому его существованию.

Трудно предсказать, сколько продержится эта новая пирамида ведущих держав. Не нужно забывать, что всего за одно столетие — приблизительно с 1910 по 2010 год — иерархия мировых сил успела кардинальным образом поменяться по меньшей мере пять раз, во всех случаях кроме четвертого, сигнала ослаблением мирового господства Запада. 1) В преддверии Первой мировой балом правили Британская и Французская империи, состоящие в союзе с ослабленной царской Россией, недавно потерпевшей поражение от расправляющей крылья Японии. Этому альянсу бросили вызов соседи по Европе —

амбициозная имперская Германия, поддерживаемая слабой Австро-Венгрией и разваливающейся Османской империей. Переживающая промышленный подъём Америка сперва держала нейтралитет, однако в конце концов внесла весомый вклад в победу англо-французского альянса. 2) В промежутке между мировыми войнами пальма международного первенства отошла к Великобритании, хотя и Америка находилась на подъёме. Однако к началу 1930-х стремительно перевооружающаяся и проникающаяся ревизионистскими настроениями нацистская Германия,

с одной стороны, и Советская Россия — с другой уже строили планы по разрушению этого статус-кво. 3) По Европе прокатилась Вторая мировая, повлекшая за собой сорокалетнее противостояние между американской и советской супердержавами, затмевавшими своей мощью все остальные страны. 4) Вслед за окончательным «поражением» Советского Союза в «холодной войне» наступил недолгий период верховенства Америки на мировой арене как единственной супердержавы мира. 5) К 2010 году при непреложном главенстве Америки все же стало очевидным формирование нового, более

сложного созвездия мировых сил с растущим участием Азии.

В данной диаграмме представлены, начиная с древнеримской, основные империи, определяемые как институционализированные системы власти над многоязыковым и многонациональным сообществом, осуществляемой исполнителями, способными понимать и выполнять письменные распоряжения из центра. Диаграмма не включает недолговечное владычество над завоёванными территориями, удерживаемое лишь при жизни завоевателя. Отсчет жизни империи ведется от первого установления

власти над чужеземным населением, гибелью считается утрата большей части иноземных доминионов. Диаграмма подготовлена Томом Уильямсом и Бреттом Эдкинсом.

Частота этих переделов власти свидетельствует об ускоряющемся характере перераспределения глобального баланса сил. До XX века ведущая держава могла удерживать мировое господство около столетия. Однако по мере распространения сознательной политической активности как социального явления господство теряло устойчивость и мировое лидерство становилось сложнее удерживать. Несмотря на сохраняющуюся на протяжении всего

XX века гегемонию Запада, не следует забывать о внутренних конфликтах, расшатавших устои его господства.

Даже сегодня сомнения в прочности нынешнего международного лидерства Америки; утрата Европой ведущего положения на мировой арене и политическая слабость Евросоюза; тоска России по первым ролям, которые она сейчас не способна играть; прогнозируемый скорый подъём Китая на вершину мирового Олимпа; Индия, при всех её внутренних и внешних слабостях рвущаяся оказаться в числе мировых лидеров; упорное нежелание Японии

превратить свой экономический вес
в политический — все это в
совокупности отражает бóльший
охват и вместе с тем большую
рассредоточенность мировой власти.

3. Влияние глобального политического пробуждения

Происходящему
рассредоточению мировых сил
способствует такой неуправляемый
феномен, как политическое
пробуждение народов, до недавнего
времени отличавшихся политической
пассивностью или подавленностью.
Это пробуждение, начавшееся сперва
в Центральной и Восточной Европе,
затем в арабских странах, вызвано
ростом взаимодействия и
взаимозависимости в мире,
связанном средствами мгновенной

визуальной коммуникации, а также демографическим преобладанием молодежи в менее развитых обществах, состоящих из легко мобилизуемых и политически активных студентов вузов и социально ущемлённых безработных. Представители обеих групп отличаются нетерпимостью по отношению к более богатым слоям и привилегированному положению коррумпированных властей. Эта враждебность к властям и привилегированности подогревает народную активность, обладающую невиданным потенциалом перерастания в масштабные беспорядки. С исторической точки

зрения это явление беспрецедентно по своему универсальному охвату и динамическому влиянию. До недавнего времени народы существовали не только в изоляции друг от друга, но и в политическом вакууме. Основная масса населения большинства стран не отличалась ни политической сознательностью, ни политической активностью. Повседневные заботы сводились к тому, чтобы выжить в условиях физических и материальных лишений. Некоторым утешением служила религия, а традиции обеспечивали определенную степень культурной стабильности и периодическую общую передышку от

тягот жизни. Правители были недостижимы, зачастую провозглашались проводниками Господней воли, законность их власти закреплялась наследственной преемственностью. Борьба за власть велась среди узкого круга участников, а общественные конфликты с соседями носили в основном территориальный или имущественный характер и подогревались этнической либо религиозной враждой. Политические переговоры, убеждения и амбиции были уделом привилегированного социального класса, то есть ближайшего окружения самого правителя.

По мере усложнения структуры общества на его вершине появился определенный класс людей, вовлеченных в политический дискурс и в борьбу за политическую власть. И при римском дворе, и при дворе китайского императора находились активные «серые кардиналы», больше, правда, интересующиеся дворцовыми интригами, чем широкими политическими вопросами. Однако общество развивалось, повышался уровень грамотности, и в политический диалог включалось всё больше участников: земельная аристократия в сельской местности, богатые торговцы и ремесленники в

растущих городах, а также узкая прослойка интеллектуалов. Народные массы тем не менее по-прежнему оставались далеки от политики, если не считать бурных, но анархичных вспышек протеста — крестьянских восстаний например.

Первым охватившим все слои общества, но географически ограниченным проявлением политического пробуждения стала Французская революция. В ней сочетались атакистический бунт низов и невиданное доселе руководство массами сверху. Она произошла в обществе, где традиционная монархия поддерживалась политически

грамотной, однако внутренне расколотой аристократией и материально привилегированной церковью. Против этой структуры власти выступила также политически грамотная, но недовольная буржуазия, поднимающая народ на борьбу в ключевых муниципальных центрах, и даже крестьянство, всё более убеждающееся в своей ущемлённости относительно других слоев. Беспрецедентная по тем временам пропаганда посредством политических памфлетов, распространению которых способствовал печатный станок, быстро трансформировала

общественное недовольство в революционные политические цели, выразившиеся в чеканном лозунге: «Свобода, равенство, братство!»

Суровая политическая встряска послужила неожиданному сплочению общественного и национального самосознания. Именно ему в той же степени, что и своему полководческому гению, обязан своими военными триумфами Наполеон. Эта волна стремительно покатилась дальше по всей Европе, сперва способствуя победам Наполеона, а затем (пробудив патриотические чувства у пруссов, австрийцев и русских) — его поражению. К 1848 году («Весне

народов») большая часть Европы — прежде всего Германия, но также Италия, Польша, а затем и Венгрия — вступила в эпоху горячего патриотизма и робкого политического пробуждения. К тому времени наиболее политически грамотные европейцы уже начали проникаться демократическими идеалами не столь революционного, но политически более вдохновляющего гуманизма далекой и открытой Американской республики.

Однако менее века спустя по Европе прокатились войны, вызванные конфликтом её собственных популистских амбиций.

Две мировые войны в сочетании с неприкрытым анти-империализмом большевистской революции способствовали глобализации массового политического пробуждения. Призывники из колоний британской и французской империй возвращались домой с новым политическим, расовым и религиозным самосознанием, но одновременно ощущением своей экономической ущемлённости. Открывающийся доступ к западному высшему образованию, а значит, и к западным идеям заставлял высшие слои коренного населения европейских колоний задумываться о национализме и социализме.

Неру в Индии, Джинна в Пакистане, Сукарно в Индонезии, Нкрума в Гане и Сенгор в Сенегале прошли путь от личного политического пробуждения до харизматичного руководства пробуждающимися народными массами, а затем и до командования национальным освобождением соответствующих стран. Внезапный прорыв Японии на политическую сцену рубежа XIX—XX веков спровоцировал параллельное политическое пробуждение и в Китае, впоследствии, впрочем, увядшее под уничижительным давлением европейских держав. Сунь Ятсен начал борьбу за возрождение

Китая в начале XX века, получив возможность своими глазами наблюдать добровольную модернизацию Японии по западному образцу; другой молодой китаец, Дэн Сяопин, в это же время изучал основы марксизма в далеком Париже.

Один из самых памятных моментов моей государственной карьеры относится к 1978 году, когда я прибыл в Пекин с секретной миссией по нормализации китайско-американских отношений и по формированию взаимовыгодной коалиции против расширяющего тогда свое влияние Советского Союза. После напряженных

переговоров с Дэн Сяопином в узком кругу я неожиданно получил от него приглашение на обед. Мы сидели в беседке с видом на небольшое озеро на территории Запретного города, и, когда я поинтересовался у Дэн Сяопина историей развития его политических взглядов, он начал вспоминать молодость. Совсем юным студентом он пропутешествовал из Центрального Китая (сперва на речном судне до побережья, а оттуда пароходом) на другой край света — в Париж 20-х. Эта поездка стала в буквальном смысле экскурсом в прекрасное далёко. Он рассказывал, как у него открылись глаза на социальную

отсталость Китая по сравнению с Францией и как осознание униженности своего народа заставило его искать руководство к действию в учении Маркса о социальной революции как кратчайшем пути к национальному возрождению. Именно тогда в нем соединились обида за народ, политическое пробуждение и идеологическое становление, приведя к последующему участию в двух революциях — сперва под предводительством Мао, чтобы порвать с прошлым, а затем возглавленной уже им самим и направленной на строительство нового будущего страны.

За два столетия личное политическое пробуждение благодаря революции в массовых коммуникациях и постепенному распространению грамотности, особенно среди растущего городского населения, превратилось в массовый феномен. Политические брошюры и появившиеся в XIX веке периодические печатные издания развивали в народе тягу к политическим переменам. Когда у среднего и высшего класса вошло в привычку регулярно читать прессу, начало крепнуть политическое сознание, теперь обсудить в светской беседе состояние государственных дел стало в порядке вещей. Приход

радио в начале XX века позволил транслировать политические выступления на широкую аудиторию (вспомним Гитлера) и заставил переживать как личную драму даже происходящее в удаленных уголках мира, тем самым погружая политически пассивные прежде и полуобособленные народы в гущу политических событий.

Недавнее появление общемирового телевидения, а затем и Интернета послужило дальнейшему налаживанию связи между отрезанными прежде от мира группами населения, а также увеличило возможности политических активистов

пробуждать сознательность у миллионов. Благодаря всепланетному охвату средствами массовой информации в конце XX века политические волнения превратились во всеобщие курсы уличной борьбы, в которых прежде разрозненные и обособленные политические группировки могли обмениваться тактическим опытом. Мгновенно попадая на телевизионные и компьютерные экраны по всему миру, из Непала в Боливию быстро перекочевывали лозунги, из Ирана в Таиланд — цветные платки, из Сараева в Газу — кадры шокирующей видеосъемки, а из Туниса в Каир — приемы уличных

демонстраций. Благодаря новым средствам связи массовая политическая агитация теперь подразумевает и стремительное географическое распространение совместно набранного опыта.

В некоторых странах наблюдается так называемый демографический приоритет молодежи — непропорционально большая доля молодого населения, испытывающего трудности культурной и экономической ассимиляции. Революция в коммуникационных технологиях делает этот фактор опасным вдвойне. Образованная, но зачастую безработная и оттого отчаявшаяся и

отчуждённая молодежь пополняет ряды военизированных группировок. Согласно докладу международной организации *Population Action International* за 2007 год, 80% гражданских конфликтов с 1970 по 1999 год происходило на фоне демографического приоритета молодежи. Немаловажно, что на Ближнем Востоке и в остальных мусульманских странах доля молодежи также выше среднего. Ирак, Афганистан, Палестина, Саудовская Аравия, Пакистан — все они обладают значительным молодежным контингентом, не находящим себе места в экономике и склонным к недовольству и

воинственности. Именно в этом регионе, с востока Египта до запада Китая, растущее политическое пробуждение чревато наиболее неуправляемыми беспорядками. По сути, это демографическая пороховая бочка. Похожая потенциально опасная демографическая обстановка преобладает и в африканских странах, таких как Конго и Нигерия, а также в некоторых государствах Латинской Америки.

Под воздействие политического пробуждения попадает прежде всего молодежь, поскольку Интернет и сотовые телефоны выводят её за сковывающие подчас рамки местной

политической действительности. Кроме того, молодежь представляет собой политическую массу, наиболее склонную к агрессии. Поэтому в большинстве стран сегодняшнего мира миллионы университетских студентов являют собой эквивалент марксистского пролетариата — беспокойных, недовольных, недавно покинувших деревню рабочих начала индустриальной эпохи, подчиняющихся идеологической агитации и революционной мобилизации. Политические лозунги в СМИ переводят их зачастую смутные ощущения в простые и четкие формулы руководства к действию. Чем теснее эти лозунги

будут связаны с конкретными обидами и глубинными чувствами, тем сильнее мобилизующее воздействие. Неудивительно, что речи о демократии, власти закона и религиозной терпимости не получают такого отклика. В некоторых случаях, как, например, в Иране в 1979 году, гораздо сильнее действуют манихейские взгляды, коренящиеся в реакциях на субъективно ощущаемые расовые, этнические и религиозные притеснения. Они гораздо лучше выражают чувства молодежи, оправдывая их жажду справедливости и даже иногда мести.

Убедительным примером того, какими последствиями чревато растущее политическое пробуждение, характеризующееся сочетанием демографического приоритета недовольной молодежи со всё более доступными средствами массовой коммуникации, могут служить народные беспорядки в Северной Африке и на Ближнем Востоке в начале 2011 года, направленные против коррумпированных и безответственных государственных властей. Непосредственным поводом послужило недовольство безработицей, поражение в политических правах и затянувшееся

действие «чрезвычайных» мер. На
власти, десятилетиями
чувствовавшие себя в безопасности,
неожиданно обрушилось
политическое пробуждение, зревшее
на Ближнем Востоке с самого
окончания имперской эпохи.
Взаимосвязь между ущемлённой в
гражданских правах, но политически
разбуженной молодежью Ближнего
Востока и революцией в средствах
коммуникации стала в нынешнем
столетии непреложной
геополитической данностью.

На ранних стадиях
политическое пробуждение
отличается особой лихорадочностью
и агрессией. Накалу способствует

глубокое чувство исторически усугубленной уверенности в собственной правоте. Кроме того, вначале политическое пробуждение сосредоточено на национальном, этническом и религиозном самоопределении, которое выливается в оппозицию внешнему врагу, а не в абстрактные политические концепции. Так, патриотически-националистические настроения в Европе изначально вспыхивали в ответ на посягательства Наполеона. Расшевелить Японию конца периода Эдо (правления клана Токугава) в XIX веке помогла пропаганда против иностранного влияния, которая к

первой половине XX века обернулась экспансивным милитаристским национализмом. В Китае протест против имперского владычества, вскипевший во время Боксерского восстания на рубеже XIX—XX веков, постепенно перерастал в националистическую революцию и гражданские войны.

В нынешнем постколониальном мире политически пробудившихся объединяет общий взгляд на историю, который трактует их ущемлённость относительно других, длительное притеснение извне, отсутствие самоуважения и личную неустроенность как коллективное наследие западного господства.

Острые антиколониального протеста,
подогреваемого ещё не
изгладившимися воспоминаниями о
британском, французском,
португальском, испанском,
бельгийском, голландском,
итальянском и немецком
колониальном владычестве,
направлено на Запад. В
мусульманских странах Ближнего
Востока, несмотря на преклонение
многих молодых мусульман перед
американской массовой культурой,
велико недовольство американским
военным вмешательством на
Ближнем Востоке и поддержкой
Израиля, которые рассматриваются
как проявления западного

империализма, а значит, и основная причина их ущемлённости^[3].

Внимательный анализ этого явления вскоре после окончания «холодной войны» позволил заключить, что «общий фундаментальный элемент культуры незападных народов — это вызванное Западом глубочайшее негодование»^[4], что подтверждают, например, строки сенегальского поэта Давида Диопа из стихотворения «Стервятники»:

*В те дни,
Когда цивилизация была нас
ногами в лицо,
Когда в наши нахмуренные*

*лбы плескали святой водой,
Стервятники в тени своих
когтей
Возводили окровавленный
памятник своему
попечительству...*

Стихотворение выразило
антиимпериалистические чувства
значительной части новой
интеллигенции постколониальных
регионов. Если мировоззрение
политически разбуженного
населения развивающихся стран
будет складываться из подобной
неприязни к Западу, более
благотворные демократические

ценности, которые Запад, хочется надеяться, нес миру на заре XXI века, могут утратить историческую актуальность.

Примечательны также два дальнейших косвенных последствия глобального политического пробуждения. Во-первых, оно означает конец относительно недорогих односторонних военных кампаний, проводимых технологически более совершенными экспедиционными силами Запада против политически пассивного, плохо вооружённого и обычно разрозненного местного населения. В XIX веке воины Центральной Африки в лобовом

столкновении с британцами,
кавказцы — с российскими
войсками или индейцы — с
американскими обычно терпели
стоцентные потери по сравнению
со своими более организованными и
лучше вооружёнными противниками.
Политическое пробуждение
способствует сплоченности, тем
самым делая внешнее
доминирование более трудоемким,
как демонстрирует в последние годы
высокомотивированное, более
стойкое и тактически
изобретательное народное
сопротивление («народная война»)
вьетнамцев, алжирцев, чеченцев и
афганцев иностранному

вмешательству. В этой борьбе победа не всегда достается тем, кто имеет технологическое преимущество.

Во-вторых, распространяющееся политическое пробуждение подчеркивает прежде незаметную грань соревновательной международной политики — глобальное системное соперничество. До наступления индустриальной эры центральным и определяющим фактором в борьбе за доминирование было военное превосходство (вооружение, организация, мотивация, подготовка и стратегическое командование), подкрепленное соответствующими финансами, притом что зачастую

исход соперничества решался одной-единственной морской или сухопутной битвой.

В наше время существенным компонентом национального влияния в глазах общественности становятся сравнительные показатели развития. До XIX века никто не принимал во внимание (да они и не были доступны) сравнительные социальные характеристики в соперничестве между Францией и Великобританией, Австро-Венгрией и Османской империей, не говоря уже о Китае и Японии. Однако менее чем за столетие сравнение социальных характеристик обрело

большую значимость в борьбе за создание положительного образа в глазах международной общественности, особенно для главных конкурентов, таких как СССР и США в годы «холодной войны» или для США и Китая в нынешнее время. Сейчас варьирующиеся социальные условия принимаются в расчет повсеместно. Быстрый и неограниченный доступ к международным новостям и информации, доступность многочисленных социальных и экономических индексов, растущее взаимодействие между географически разделенными экономиками и биржами,

распространенная привычка полагаться на телевидение и Интернет — все это приводит к непрерывному сравнению текущих и прогнозируемых успехов основных социальных систем. Системное соперничество между основными конкурентами находится под пристальным наблюдением, и его исход в глазах мировой общественности во многом зависит от результативности — тщательно измеренной и спрогнозированной на десятилетия вперед — экономики и социальной системы обеих стран по сравнению друг с другом.

В результате мир в беспрецедентной степени

формируется под влиянием общественных эмоций, коллективных представлений и конфликтующих национальных идей, уже не подчиняясь объективной власти какого-то одного региона, обособленного в политическом и культурном отношении. Поэтому хотя Запад как таковой ещё жив, его глобальное доминирование уже в прошлом. Что, в свою очередь, подчеркивает зависимость будущей роли Запада от Америки, от её внутренней стабильности и исторической релевантности внешней политики. От прочности американского строя и от действий Америки за рубежом зависят место и

роль Запада в новом объективном и субъективном глобальном контексте. Оба вопроса сейчас остаются открытыми, и их конструктивное решение — насущная и единственная в своём роде задача Штатов.

Таким образом, если Америка хочет и дальше играть конструктивную глобальную роль, привлекательность её системы необходимо поддерживать, демонстрируя актуальность её основополагающих принципов, динамизм её экономической модели, добрую волю народа и правительства. Только так Америка сможет вернуть свой исторический импульс, особенно учитывая

растущие симпатии к Китаю у «третьего мира». Так, например, выступая непримиримым борцом за антиколониальную политику в конце Второй мировой, именно Штаты стали предпочтительной (по сравнению в первую очередь с Великобританией) моделью для государств, стремящихся достичь модернизации путем свободного предпринимательства. Когда государство держит в руках вожжи истории, ему легче отстаивать свои интересы. И хотя ярко выраженной идеологической альтернативы Соединённым Штатам в этом веке ещё не появилось, если американская система утратит в

глазах общественности свою актуальность, её вполне может затмить своими успехами китайская.

В таком случае опасность грозит всему Западу в целом. Идейный закат Америки ослабит политическую прочность и международное влияние Европы, которая останется одиноким островом в потенциально более бурном политическом море. Евросоюз — с его стареющим населением, снижением уровня рождаемости, государственными долгами, превышающими американские и, на данном этапе исторического развития отсутствием общеевропейского стремления стать ведущей державой — вряд ли сможет

добиться былой притягательности Америки или исполнить её глобальную роль.

Следовательно, Евросоюз рискует потерять статус образца для подражания у других регионов. Слишком богатый для неимущих краев, он притягивает иммигрантов, но не служит примером. Слишком пассивный в вопросах международной безопасности, он не обладает достаточным влиянием, чтобы помешать Америке проводить усугубляющую глобальный раскол политику, особенно в исламских странах. Слишком эгоцентричный, он ведет себя так, будто его главная политическая задача — стать самым

благоустроенным в мире домом для престарелых. Слишком закосневший, он боится культурного многообразия. И когда половина геополитического Запада отстраняется таким образом от активного участия в обеспечении глобальной геополитической стабильности в то время, когда новый баланс мировых сил нуждается в единстве и общем видении будущего, не исключено, что наследием Запада, против его воли, окажется глобальная неразбериха и рост политического экстремизма.

Как ни парадоксально, именно в этом случае Америке, как никогда прежде, необходимо срочно обрести «второе дыхание».

ЧАСТЬ II. Закат «Американской мечты»

1. Общая «Американская мечта»

Хорошо это или плохо, Америка находится в центре международного внимания. её многонациональная демократия больше любой другой страны вызывала и вызывает восхищение, зависть, а временами и неприятие со стороны политически сознательной мировой общественности. Из этой основополагающей данности вытекают несколько ключевых вопросов: по-прежнему ли американская система служит достойным примером для

подражания остальным странам мира? Считают ли политически пробудившиеся массы Америку обнадеживающим символом их собственного будущего? Кажется ли им Америка источником положительного влияния на мировые события? Учитывая, что мировое влияние Америки конструктивно зависит от того, как воспринимает мир её социальный строй и его глобальную роль, неблагоприятная внутренняя обстановка и враждебное отношение мировой общественности к внешнеполитическим действиям Америки непременно скажутся на её статусе. А значит, Соединённые Штаты, с их неотъемлемыми и

уникальными в историческом отношении преимуществами, должны преодолеть внутренние противоречия и переориентировать буксующую внешнюю политику, чтобы вернуть восхищение остальных народов и возродить системное первенство.

Десятилетиями «Американская мечта» будоражила умы миллионов, маня их к американским берегам. Она и сегодня продолжает привлекать наиболее мотивированных, не только из числа получивших или собирающихся получать высшее образование, но и тех, кто жаждет вырваться из порочного круга нищеты

собственной, менее благополучной, родины. Многие иностранные ученые, врачи и предприниматели по-прежнему видят в Америке больше возможностей для профессионального развития, чем у себя дома. Их более молодые коллеги стремятся получить в Америке послевузовское образование, поскольку американская ученая степень повышает их карьерные перспективы как на родине, так и за рубежом. Из почти миллиона студентов, обучающихся в американских вузах ежегодно, многие остаются в Штатах, польстившись на заманчивые возможности. Аналогичным образом

доведенные до нищеты жители Центральной Америки, которые — зачастую с риском для жизни — пробиваются на американский рынок низкоквалифицированного труда, делают личный выбор, отличающий их от тех, кто не отваживается на рискованное предприятие. Для таких мотивированных личностей Америка по-прежнему остается самым привлекательным в мире трамплином в светлое будущее. И в конечном итоге от исполнения их личной мечты выигрывает именно Америка.

Секрет устойчивой исторической притягательности

Америки — сочетание идеализма и материализма, которые служат одинаково мощными источниками мотивации для человеческой психики. Идеализм выявляет в человеке лучшие качества, поскольку поощряет ставить других выше себя и требует социального и политического уважения ко всем людям как носителям священного начала. Составители Американской конституции выразили этот идеализм в попытке структурировать политическую систему, защищающую общие основополагающие истины, касающиеся «неотъемлемых прав» человека (при этом, к сожалению, не

сумев законодательно запретить рабство). Таким образом был институционализирован политический идеализм. В то же время сами американские просторы и отсутствие феодальной традиции сделали молодую страну с её бескрайними границами кладезем материальных возможностей для тех, кто стремился не только к свободе, но и к обогащению. В гражданском и предпринимательском плане Америка могла предложить то, чего не было у Европы и остального мира.

Эта двойная идеалистическо-материалистическая привлекательность отличала Америку с самого начала. Кроме

того, она притягивала с другого берега Атлантики тех, кто желал перенести на родную почву радужные перспективы, открытые Войной за независимость. И Лафайет во Франции, и Костюшко в Польше времен этой войны, и Лайош Кошут в Венгрии середины XIX века своей преданностью американским идеалам популяризировали в Европе образ нового общества, достойного подражания. Дальнейшему восхищению среди европейцев способствовали Токвиль, разобравший молодую американскую демократию на молекулы, и Марк Твен, позволивший приобщиться к уникальной атмосфере

американского Запада.

Однако ничто из этого не сдвинуло бы с места огромные массы иммигрантов, если бы не материальные возможности, которыми изобиловала молодая страна. Людей манила свободная земля и отсутствие феодальных властей. Экономическая экспансия за счет дешевой иммигрантской рабочей силы давала неслыханные возможности развития бизнеса. Письма иммигрантов родным рисовали заманчивую (но зачастую сильно приукрашенную) картину успехов в погоне за «Американской мечтой». Некоторым, увы, на собственном печальном опыте

приходилось убедиться, что Америка вовсе не золотое дно.

Отсутствие (в отличие от заокеанских реалий) серьёзной внешней угрозы и ощущение безопасной отдалённости, непривычное чувство личной и религиозной свободы, а также открывающиеся у западных границ широкие материальные возможности приравнивали идеализированную картину новой жизни к реальной действительности. Так

маскировалось (и даже оправдывалось) то, что в противном случае вызвало бы серьёзный протест: насильственное выселение, а затем и истребление индейцев (в

1830 году конгресс одобрил «Закон о переселении индейцев», ставший первым примером узаконенной этнической чистки), и не изжитое рабство, переросшее в дальнейшее притеснение и сегрегацию темнокожих. Однако глубоко идеализированная картина американской действительности, распространяемая самими американцами, обеляла их не только в собственных глазах, но и за рубежом, особенно в Европе.

В результате менее отлакированный образ Соединённых Штатов, сложившийся у ближайшего южного соседа Америки, практически не принимался во

внимание до первой четверти XX века. Для Мексики новая Америка выглядела совсем по-другому: экспансионистская, захватническая держава, безжалостно преследующая свои материальные выгоды, вынашивающая империалистические амбиции и лицемерящая в своём демократизме. И хотя репутация самой Мексики тоже не безупречна, её обида на Америку во многом исторически оправдана. Америка расширялась за счет захвата мексиканских территорий, с имперским размахом и жадностью к чужим землям, не слишком сочетающимися с привлекательным образом молодой американской

республики в глазах международной общественности. Вскоре размах этой экспансии позволил водрузить американский флаг в Гавайском королевстве, а ещё через несколько десятилетий — в противоположной части Тихого океана, на Филиппинах (откуда Штаты ушли только после Второй мировой). Похожий опыт взаимоотношений с США имеется и у Кубы, и у других стран Центральной Америки.

В других местах отношение к Штатам в XIX — начале XX века было более противоречивым. Одни южноамериканские страны поначалу восхищались противостоянием Штатов европейскому господству,

другие подражали их конституционным нововведениям. Но доктрина Монро, закрывавшая Западное полушарие для европейского вмешательства, вызывала сомнения у некоторых южноамериканских стран относительно её истинных мотивов. Постепенно назревал политический и культурный антагонизм, особенно среди политически активных слоев интеллигенции среднего класса. Две южноамериканские страны с региональными амбициями — Аргентина Перрона и Бразилия Варгаса в открытую выступили против регионального господства Штатов в XX веке. Страны Азии,

географически более удаленные и запоздавшие в своём политическом пробуждении, также восхищались впечатляющими материальными успехами Америки, однако в отличие от Европы идеологической близости не чувствовали и научную базу не подводили.

В XX веке глобальный статус Америки два раза достигал невиданных высот. Первый раз это случилось непосредственно после Первой мировой, второй — по окончании «холодной войны». Новый международный статус Америки воплотился в идеалистических Четырнадцати пунктах президента Вильсона, резко контрастировавших

с европейским имперским и колониальным наследием. Для международных властей было очевидно, что ощутимая военная интервенция Штатов во время Первой мировой и, что ещё важнее, главенствующая роль в определении новых принципов национального самоопределения во внутриевропейском перераспределении сил знаменуют появление на мировой арене могущественного государства, наделенного уникальной идеологической и материальной притягательностью. Эту притягательность не умаляло даже то, что идеализированная Америка

впервые за всю свою историю закрывала ворота для иммиграции. Гораздо важнее на том недолгом этапе было ощущение, что глобальное вмешательство Америки позволит изменить сложившуюся картину международных отношений.

Однако Великая депрессия, грянувшая всего десятилетие спустя, стала тревожным симптомом внутренней уязвимости американского строя и ударом по глобальному престижу Штатов. Внезапный экономический кризис, повлекший за собой массовую безработицу и социальные тяготы, выявил как фундаментальные недостатки и слабости

американского капиталистического строя, так и закономерное отсутствие эффективной системы социальной защиты (с которой как раз в то время начинала экспериментировать Европа). Тем не менее мифические представления об Америке как о кладезе открывающихся возможностей никуда не делись, прежде всего из-за нацистской Германии, в открытую противопоставлявшей себя общим для Европы и Америки ценностям. Более того, когда разразилась Вторая мировая, Америка стала последней надеждой Европы. Атлантическая хартия кодифицировала эти общие поставленные под угрозу ценности,

признавая, по сути, что их сохранность зависит в конечном итоге от Америки. Америка стала главным приютом для европейских иммигрантов, бегущих от поднимающего голову фашизма, от ужасов войны и всё больше проникающих страхом перед распространением коммунистической идеологии. По сравнению с прежними временами среди иммигрантов повысилась доля носителей высшего образования, что ощутимо способствовало социальному развитию страны и повышало её международный престиж.

Вскоре после окончания Второй

мировой перед Америкой встала новая проблема — идеологическое соперничество с Советским Союзом. Новый соперник, помимо того что оказался серьёзным конкурентом в борьбе за мировое господство, выдвигал смелое альтернативное решение в общечеловеческих поисках пути к светлому будущему. Великая депрессия на Западе и одновременное появление Советского Союза как основного победителя Второй мировой (к концу 1940-х Москва главенствовала на большей части Евразии, включая в то время даже Китай) способствовали укреплению престижа советского коммунизма. Его грубое и

идеологически более хитроумное сочетание идеализма и материализма составило в мировом масштабе серьёзную конкуренцию «Американской мечте».

Со своей революционной колыбели молодое Советское государство утверждало, что работает над созданием первого в мире идеально справедливого общества. Опираясь на уникальные идеи марксизма, СССР возвещал новую эру целенаправленно планируемых социальных нововведений, базирующихся на эгалитарных принципах, насильственно институционализированных

просвещенным руководством.
Навязанный идеализм на службе
рационального материализма
оказался заразной утопической
формулой.

Несмотря на лежащий в её
основе массовый террор,
принудительный труд, массовые
депортации и истребление народа с
государственной подачи, советская
формула вызывала отклик многих
представителей политически
пробудившегося человечества,
потрясенного двумя
кровопролитнейшими войнами. Она
будоражила умы беднейших слоев
более развитого Запада, чью веру в
промышленный прогресс подорвала

Великая депрессия; азиатских и африканских народов, освобождающихся от колониального гнета, и в особенности радикальных интеллектуалов, пытающихся в этот бурный век обрести идейную почву под ногами. Даже сразу после Октябрьской революции, когда эксперимент ещё только набирал обороты на фоне социальных лишений и гражданской войны, у посещающих страну иностранных интеллектуалов он вызывал симпатию, сравнимую с симпатией к молодой Америке. «Я видел будущее, и оно работает», — провозгласил увлеченный левыми идеями американский писатель и журналист

Линкольн Стеффенс после краткого визита в Россию в 1919 году.

В последующие десятилетия именно на этой вере строилось превознесение советского эксперимента, игнорирующее и даже оправдывающее беспрецедентный размах массового истребления. Жан-Поль Сартр, Ким Филби, англиканские священники и квакерские проповедники, африканские и азиатские борцы с колониальным режимом и даже бывший вице-президент Соединённых Штатов, посетивший советский исправительный лагерь, представленный ему как центр социальной реабилитации, — все

распространяли убеждение, что советская модель намеренно «рационализированного» строительства будущего — это шаг вперед по сравнению со спонтанным и непредсказуемым американским путем развития. В эпоху, когда социальная инженерия впервые продемонстрировала свою состоятельность, это убеждение оказалось созвучно многим.

Обманчивую привлекательность советской модели подкрепляли утверждения, что в Советском Союзе наконец близилась к осуществлению мечта о социальном равенстве, полной занятости и доступном всеобщем здравоохранении. Кроме

того, к середине 1960-х советские успехи на начальном этапе космического соревнования с США, не говоря уже о формировании российского ядерного арсенала, предзнаменовали неизбежный, казалось бы, триумф Советского Союза в идеалистическо-материалистическом соперничестве с Америкой. Подобный исход официально прогнозировался и самими советскими руководителями, заявлявшими с трибуны, что к 1980-м советская экономика перегонит американскую.

Первое открытое противостояние с Америкой неожиданно оборвалось четверть

века спустя — как раз в те годы, на которые Кремль прогнозировал безоговорочную победу советского строя. По ряду причин, коренящихся как в просчетах советской внешней политики, так и во внутренней идеологической бесплодности, развале управленческого аппарата и социэкономическом застое, не говоря уже о растущей политической напряженности в Восточной Европе и враждебности с китайской стороны, Советский Союз рухнул. В результате его падения обнажилась ироническая истина: почти во всех аспектах социального устройства притязания на системное первенство, подхваченные

иностранными почитателями, основывались на фальши. Этот огромный просчет маскировался интеллектуально притягательной претензией на «научное» социальное руководство, провозглашаемое правящей верхушкой, которая цинично скрывала собственное привилегированное положение, осуществляя тоталитарный контроль над остальным народом. Как только этот контроль дал трещину, под осыпающейся штукатуркой советской политической системы обнажилось неприглядное в своей относительной отсталости и бедности нутро. В действительности Советский Союз мог соперничать с Америкой только

в одной сфере — военной мощи. Так во второй раз на протяжении XX века Америка продемонстрировала, что не имеет себе равных.

Какое-то время после 1991 года казалось, что Америка теперь может долго почивать на лаврах — соперников не предвидится, зато подражателей по всему свету хоть отбавляй, и история как будто приостановилась. Считая системное соперничество законченным, американские руководители, наступая на те же грабли, что и их потерпевшие поражение советские конкуренты, начали с уверенностью называть наступающий XXI век американским. Задал тон президент

Билл Клинтон в своей второй инаугурационной речи 20 января 1997 года: «На этой последней президентской инаугурации XX века давайте обратим взоры к тому, что ждёт нас в следующем столетии... На заре XXI века Америка выступает единственной в мире незаменимой державой». Ему вторил с ещё большим апломбом сменивший его на президентском посту Джордж Буш-младший: «Наша страна избрана Господом и назначена историей образцом для подражания всему остальному миру» (28 августа 2000 года).

Однако вскоре впечатляющий скачок Китая на вершину мировой

иерархии — всколыхнувший
унывшуюся со времен блестящего
экономического подъёма Японии
1980-х тревогу в американской душе
— и растущий в 2000-х
государственный долг вызвали
сомнения относительно
устойчивости американской
экономики в долгосрочной
перспективе. После 11 сентября
неопределенная «война с террором»,
переросшая в 2003 году в
одностороннюю войну против Ирака,
способствовала распространению
неприятия внешней политики
Штатов даже среди их друзей.
Грянувший затем в 2008-2009 годах
финансовый кризис подорвал веру

мировой общественности в долговечность экономического первенства США, одновременно ставя под вопрос социальную справедливость и деловую этику американского строя.

Но даже финансовый кризис и сопровождающий его экономический спад 2007-2009 годов — в сочетании со вскрывшимися безрассудными спекуляциями Уолл-стрит, не сопоставимыми с представлениями о социально ответственном и продуктивном капитализме, — не смогли полностью стереть глубоко укоренившийся за рубежом образ Америки, успешно объединяющий политический идеализм с

экономическим материализмом. Поразительно, насколько скоро после кризиса канцлер Германии Ангела Меркель поспешила в своём обращении к конгрессу США (3 ноября 2009 года) выразить «страстную» приверженность «Американской мечте». Она определила её как «возможность каждого человека добиться успеха в жизни своими собственными силами», добавив убежденно: «Ничто так не вдохновляет меня, не подстегивает и не наполняет положительными эмоциями, как ощущение свободы, присущей американскому строю».

Однако в словах Меркель

таилось предупреждение о том, как отреагирует Запад, если имидж Америки все же померкнет. И он действительно начал меркнуть, ещё до кризиса 2008 года. Этот имидж сильнее всего манил на расстоянии, как было до второй половины XX века, а также когда Америка выступала защитницей демократического Запада в двух мировых войнах или необходимым противовесом советскому тоталитаризму, и особенно когда она вышла безоговорочной победительницей в «холодной войне».

И все же в новой исторической картине, где Америка оказалась на

вершине мира, её
внутриполитические недостатки уже
не могли ускользнуть от
пристального критического
внимания. Массовая идеализация
Америки сменилась более
скептической оценкой. И мир
убедился, что Америку —
остающуюся надеждой всех тех
многочисленных амбициозных
личностей, желающих приобщиться
к «Американской мечте», —
одолевают серьёзные
функциональные проблемы:
массивный растущий
государственный долг,
усугубляющееся социальное
неравенство, превозносящая

материальные блага потребительская
культура, подверженная алчной
спекуляции финансовая система и
поляризованный государственный
строй.

2. Долой самообман!

Американцы должны осознать, что наш престиж за рубежом всё больше будет зависеть от способности справиться с внутренними проблемами. Главным условием для любой адекватной оценки глобальных перспектив Америки сейчас являются государственные меры в отношении необходимых системных преобразований. Что требует от американцев ясно представлять себе как слабые стороны страны в глазах мировой общественности, так и сохраняющиеся сильные. Трезвая оценка — необходимая отправная

точка для реформ, без которых Америка не сможет удерживать глобальное лидерство, защищая основополагающие ценности своего строя.

Главных поводов для беспокойства у Америки насчитывается шесть.

Первый — это растущий и грозящий стать непосильным для экономики государственный долг. Согласно докладу Бюджетного управления конгресса «О состоянии и перспективах бюджета и экономики» от августа 2010 года, американский государственный долг в процентах от ВВП насчитывает около 60% — пугающая цифра, но не

настолько, чтобы поставить США в ряд с ведущими мировыми должниками (национальный долг Японии, например, составляет около 115% ВВП чистой задолженности, согласно подсчетам ОЭСР, хотя основным кредитором является японский же банк; у Греции и Италии — по 100%). Однако структурный дефицит бюджета, вызванный надвигающимся уходом на пенсию поколения «бэби-бумеров», грозит со временем сильно обострить проблему. Согласно исследованию Брукингского института (апрель 2010), прогнозирующего долг США с учетом различных переменных

факторов, к 2025 году национальный долг превысит в процентном отношении экономический взлет времен после Второй мировой войны, когда ВВП составлял 108,6%. Учитывая, что оплата этой расходной статьи потребует существенного повышения налогов, на которое государство сейчас пойти не готово, растущий национальный долг неизбежно увеличит уязвимость США перед махинациями главных кредиторов, таких как Китай, поставит под удар вес американского доллара как резервной мировой валюты, ослабит роль Америки как ведущей экономической модели и соответственно её лидерство в таких

организациях, как «Большая двадцатка», Всемирный банк, МВФ, а также ограничит возможности Штатов по внутриполитическому улучшению и даже способность изыскать средства на ведение необходимых войн.

Эти мрачные перспективы достаточно емко сформулировали два опытных лоббиста государственной политики Роджер Альтман и Ричард Хаас в своей статье для *Foreign Affairs* (2010) под названием «Американская расточительность и американская власть» в следующих пессимистичных строчках: «Фискальные перспективы после 2020 года — это настоящий

апокалипсис. <...> Соединённые Штаты стремительно приближаются к переломному моменту: либо страна наведет порядок в финансовой сфере, вернув тем самым предпосылки к мировому лидерству, либо, не сумев этого сделать, вынуждена будет пожинать внутривнутриполитические и внешнеполитические плоды». Если Америка по-прежнему будет откладывать проведение серьёзных реформ, одновременно уменьшающих расходы и увеличивающих доходы, она с большой долей вероятности рискует повторить судьбу потерпевших финансовый крах великих держав

прошлого, среди которых и Древний Рим, и Великобритания XX века.

Вторым вызывающим опасения пунктом является подгнившая финансовая система. Опасна она по двум причинам: во-первых, это системная мина замедленного действия, поскольку своими рискованными действиями зарвавшиеся финансисты ставят под удар не только Америку, но и глобальную экономику; и во-вторых, они провоцируют проблемы нравственного характера, вызывая негодование у сограждан и подрывая престиж Америки за рубежом обострением социальных дилемм страны.

Неумеренность,

неуравновешенность и безрассудство американских инвестиционных банков и торговых домов — поощряемое безответственным отношением конгресса к разгосударствлению и финансированию домовладения — и алчность спекулянтов Уолл-стрит привели к финансовому кризису 2008 года и последующему экономическому спаду, обрекая миллионы на экономические тяготы [\[5\]](#).

Усугубляя ситуацию, финансовые спекулянты в банках и хеджевых фондах, не подлежащих контролю держателей акций, срывали огромные куши, не

компенсируя их вкладом в экономику в виде инноваций или создания рабочих мест. Кроме того, кризис 2008 года выявил уже обращавший на себя внимание разительный разрыв между уровнем жизни финансовой верхушки и остального населения страны, не говоря уже о развивающихся странах. Согласно рабочему отчету Национального бюро экономических исследований, соотношение уровня заработной платы в финансовом секторе к другим секторам частной экономики непосредственно перед финансовым кризисом 2008 года превышало 1,7 — такого соотношения история не помнит со времен кануна Второй

мировой. Чтобы сохранить экономическую конкурентоспособность Соединённых Штатов, необходимо реформировать финансовую систему путем введения простого, но эффективного регулирования, повышающего прозрачность и финансовую ответственность и одновременно работающего на общий экономический рост.

Третий повод для беспокойства — растущее неравенство доходов вкупе со стагнацией социальной мобильности, ставящее в долгосрочной перспективе под удар общественное согласие и демократическую стабильность (два

фактора, обеспечивающих эффективность внешней политики США). Согласно Бюро переписи населения США, с 1980 года Америка переживает значительный рост неравенства доходов: в 1980 году на долю 5% самых богатых домохозяйств приходилось 16,5% от общего национального дохода, на долю 40% самых бедных домохозяйств — 14,4%; к 2008 году разрыв увеличился до 21,5% и 12% соответственно. Если оценивать не в годовом доходе, а в благосостоянии семьи, картина получается ещё более асимметричная: согласно Федеральному резерву, в 2007 году самому зажиточному 1%

американских семей принадлежала ошеломляющая доля в 33,8% национального богатства США, тогда как на нижние 50% приходилось лишь 2,5%.

Эта тенденция вывела Штаты в верхние строчки международного рейтинга неравенства как доходов, так и благосостояния, превратив Америку в самую несправедливую из крупных развитых стран мира (см. Таблицы 2.1 и 2.2). Неравенство доходов могло бы уравниваться социальной мобильностью, соответствующей представлениям об «Американской мечте». Однако в последние два десятилетия социальная мобильность в Штатах

существенно застопорилась, тогда как неравенство доходов, наоборот, растет. По приведённым ниже недавним исчислениям коэффициента Джини, характеризующего неравенство доходов, США — вместе с Китаем и Россией — удерживает позорные верхние строки. Более высокий уровень неравенства имеется только у Бразилии, принадлежащей к группе основных развивающихся стран.

Таблица 2.1

Неравномерность в распределении доходов
(в порядке убывания неравенства)

	Год	Коэффициент Джини
Бразилия	2005	56,7
США	2007	45
Россия	2009	42,2
Китай	2007	41,5
Япония	2008	37,6
Индонезия	2009	37
Индия	2004	36,8
Великобритания	2005	34
Франция	2008	32,7
Италия	2006	32
Евросоюз	2009	30,4
Германия	2006	27

Источник: «Всемирная книга фактов» ЦРУ.

Более того, недавние исследования, сравнивающие межпоколенческую мобильность заработков в США с различными европейскими странами,

показывают, что общая экономическая мобильность в «кладезе возможностей» на самом деле ниже, чем в остальном развитом мире. Что ещё хуже, Америка в настоящее время отстает от некоторых европейских стран по уровню восходящей вертикальной мобильности доходов. Одной из основных причин выступает несовершенная система государственного образования. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), траты Америки на одного ученика начальной и средней школы одни из самых высоких в мире, однако результаты

тестирования оказываются в числе самых низких среди индустриально развитых стран. Такое положение подрывает экономические перспективы Америки, оставляя незадействованным большой процент человеческого капитала и понижая престиж американского строя.

Доля общего национального богатства

	Год, единица измерения	Верхние 10%	Нижние 50%
США	2001, семья	69,8%	2,8%
Великобритания	2000, взрослый	56,0%	5,0%
Япония	1999, домохозяйство	39,3%	13,9%
Италия	2000, домохозяйство	48,5%	7% (нижние 40%)
Индонезия	1997, домохозяйство	65,4%	5,1%
Индия	2002—2003, домохозяйство	52,9%	8,1%
Германия	1998, домохозяйство	44,4%	3,9%
Франция	1994, человек	61,0%	не оценивалось
Китай	2002, человек	41,4%	14,4%
Канада	1999, семейная ячейка	53,0%	6,0%
Австралия	2002, домохозяйство	45,0%	9,0%

Источник: доклад Университета ООН, 2/2008.

Четвертый источник опасений — упадок национальной инфраструктуры. Если Китай строит

новые аэропорты и дороги, Европа, Япония, а теперь и Китай могут похвастаться высокоскоростными поездами, американские аналоги намертво застряли в XX веке. Только на Китай приходится 5000 км железнодорожного полотна для сверхскоростных пассажирских экспрессов — в США нет ни одного. Пекинский и шанхайский аэропорты на десятилетия опережают по производительности и элегантности своих вашингтонских и нью-йоркских собратьев, которые всё больше отдают «третьим миром». В символическом плане то, что Китай (в сельской местности и маленьких городках ещё не выбравшийся из

Средневековья) обгоняет Штаты в таких наглядных примерах структурных инноваций, говорит само за себя.

Американское общество инженеров-строителей в своём докладе по американской инфраструктуре за 2009 год поставило Америке общую позорную «двойку», складывающуюся из «двойки» за авиацию, «тройки с минусом» за железнодорожное хозяйство, «двойки с минусом» за дорожные службы и «двойки с плюсом» за энергетику. Городская реконструкция движется медленно, трущобы и ветшающий муниципальный жилой фонд во

многих городах (включая столицу страны) — наглядное свидетельство социального небрежения. Достаточно прокатиться на поезде из Нью-Йорка в Вашингтон (на медленном трясущемся «Акеле», «скоростном» американском поезде), чтобы воочию увидеть из окна вагона удручающую картину инфраструктурного застоя, резко контрастирующую с социальными инновациями, отличавшими Америку на протяжении почти всего XX века.

Без надёжной инфраструктуры невозможны экономическая производительность и экономический рост; кроме того, она служит символом динамичного

развития страны в целом. Испокон веков системные успехи ведущих стран оценивались в том числе по состоянию и уровню национальной инфраструктуры — от римских дорог и акведуков до железных дорог Британии. Состояние американской инфраструктуры, как отмечалось выше, сейчас характерно скорее для слабеющей державы, чем для самой инновационной экономики мира. Продолжающийся упадок инфраструктуры неизбежно скажется на объемах производства, причем, возможно, в тот момент, когда конкуренция с развивающимися странами ужесточится. Если системное соперничество между

США и Китаем усилится, ветшающая инфраструктура окажется одновременно и символом, и симптомом американской слабости.

Пятое уязвимое место Америки — очень слабые познания американского населения об остальном мире. Горькая правда состоит в том, что американцы пугающе плохо разбираются в основах мировой географии, текущих событиях и даже ключевых вехах мировой истории — виноваты в этом отчасти упомянутые выше издержки образовательной системы. Проведённое в 2002 году Национальным географическим обществом исследование показало,

что среди 18-24-летних канадцев, французов, японцев, мексиканцев и шведов процент способных найти на карте Соединённые Штаты гораздо выше, чем среди их сверстников-американцев.

Согласно исследованию 2006 года, 63% американской молодежи не смогли показать на карте Ближнего Востока Ирак, 75% не сумели отыскать Иран, 88% — Афганистан, и это в то время, когда страна вела дорогостоящую военную кампанию в соответствующем регионе. Не лучше обстоит дело и с историей: согласно недавним опросам, менее половины старшекурсников знают, что целью создания НАТО было

противостояние советской экспансии, а более 30% взрослых американцев не могли назвать две страны, с которыми сражалась Америка во Второй мировой войне. По этим аспектам общественной осведомленности США отстают от других развитых стран. По результатам проведенного в 2002 году Национальным географическим обществом исследования, сравнивающего познания в области географии и текущих событий у молодежи Швеции, Германии, Италии, Франции, Японии, Великобритании, Канады, США и Мексики, Штаты оказались на предпоследнем месте, с трудом

опередив свою менее развитую соседку Мексику.

Невежество в подобных вопросах усугубляется отсутствием информативной, доступной широким массам подачи международных новостей. Если не считать пяти крупнейших газет, местная пресса и телевидение практически не освещают международные события — исключение составляют специальные репортажи в случае сенсаций и крупных катастроф. В качестве новостей предлагаются любопытные факты и душещипательные житейские истории. Совокупный результат — население легко поддается

паническим настроением,
нагнетаемым журналистами,
особенно после теракта. Что, в свою
очередь, повышает вероятность
самоубийственных
внешнеполитических мер. В целом
подобное общественное невежество
создает в Америке политическую
конъюнктуру, падкую на
экстремистские упрощения,
лоббируемые заинтересованными
сторонами, и неспособную взглянуть
на заведомо усложнившуюся после
«холодной войны» глобальную
обстановку с разных точек зрения.

Шестая ахиллесова пята,
связанная с предыдущей, — всё
больше буксующая и партизанящая

политическая система. Политические компромиссы стало труднее распознавать отчасти потому, что в СМИ, особенно на телевидении, радио и в политических блогах, всё больше преобладает язвительный партизанский дискурс, тогда как относительно неинформированные массы питают слабость к манихейской демагогии. В результате политический паралич мешает принять необходимые меры, как в случае с сокращением дефицита бюджета, и Америка предстает в глазах мировой общественности неспособной справиться с острыми социальными проблемами. Более

того, существующая политическая система Америки — сильно зависящая от финансовых вложений в политические кампании — всё больше подвержена влиянию обеспеченных, но узкомотивированных местных и зарубежных лоббистов, готовых использовать существующую политическую структуру в своих интересах за счет национального. Хуже всего, согласно скрупулезному исследованию корпорации RAND (*James Thomson, A House Divided, 2010, p. 17*), что «такой глубоко укоренившийся в политической поляризации процесс маловероятно (если вообще возможно) повернуть

вспять. <...> Наша страна стоит на пороге долгой политической войны между левыми и правыми».

Перечисленные шесть поводов для беспокойства играют на руку тем, кто и так убежден в неизбежном закате Америки. Они же провоцируют нелестные сравнения с патерналистской опекой «от колыбели до могилы», сложившейся в относительно благополучной Европе. Европейскую модель, занимающую в последние десятилетия более высокий международный статус благодаря совокупной торгово-финансовой мощи Евросоюза, в последние годы многие считают более справедливой

в социальном отношении, чем американскую. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидно, что и европейская система не лишена некоторых из вышеупомянутых недостатков американской, чреватых серьезными последствиями в долгосрочной перспективе. В частности, сперва греческий, а затем и ирландский кризис задолженности 2010 года и их совокупные последствия дали понять, что патернализм и социальная щедрость европейской экономической системы потенциально неустойчивы и могут поставить под угрозу финансовую состоятельность Европы.

Руководство Великобритании, придя недавно к тому же выводу, начало принимать жесткие меры по резкому сокращению программ социальной поддержки.

В то же время, как уже упоминалось ранее, несомненно, в Европе уровень социального равенства и мобильности выше, чем в Америке, несмотря на закрепившуюся за Штатами репутацию «земли возможностей». Европейская инфраструктура (особенно экологичный общественный транспорт — например, скоростные поезда) на голову выше ветшающих американских аэропортов, вокзалов,

дорог и мостов. Кроме того, население Европы лучше разбирается в географии и международных событиях и потому хуже поддается нагнетанию обстановки (несмотря на существование крайне правых националистических и расистских партий), а значит, и международным манипуляциям.

С другой стороны, бытует мнение, что будущее за Китаем. Однако учитывая его социальную отсталость и политический авторитаризм, конкурировать с Америкой за роль образца, на который будут равняться относительно более благополучные, современные и демократичные

страны, он не в состоянии. Однако, если Китай не свернет с начатого пути и избежит крупного экономического или социального краха, он может оказаться главным соперником Америки в борьбе за глобальное политическое влияние и даже в конечном итоге за экономическое и военное могущество. Далекая от эгалитаризма, материалистически мотивированная динамика китайской модернизации уже сейчас представляет привлекательную модель для тех регионов, где недоразвитость, демографическая и этническая напряженность, а в некоторых случаях пагубное

колониальное наследие в
совокупности приводят к
неискоренимой социальной
отсталости и бедности. Для этой
части человечества противостояние
демократии и авторитаризма —
вопрос второстепенный. Наиболее
вероятную конкуренцию Китаю
могла бы составить развивающаяся
демократическая Индия, однако
учитывая необходимость
преодоления ключевых социальных
проблем, таких как неграмотность,
голод, бедность, ветхость
инфраструктуры, Индии до
соперничества с Китаем на равных
ещё далеко.

Баланс пассивов и активов Америки

Пассив	Актив
Государственный долг	Общая экономическая мощь
Несовершенная финансовая система	Инновационный потенциал
Растущее социальное неравенство	Демографический динамизм
Ветшающая инфраструктура	Стремительная мобилизация
Общественное невежество	Географическая база
Политический затор	Привлекательность демократии

3. Сильные стороны Америки

Приведённая выше таблица, обобщающая сильные и слабые стороны Соединённых Штатов, позволяет сделать основополагающий вывод относительно способности американского строя выдерживать конкуренцию на мировом уровне: в обозримом будущем (то есть в ближайшие два десятилетия) править балом по-прежнему предстоит Америке. Очевидные недостатки вполне преодолимы, если на полную мощь задействовать следующие

шесть сильных сторон — общую экономическую мощь, инновационный потенциал, демографический динамизм, стремительную мобилизацию, географическую базу и привлекательность демократии. Данность, с которой модные нынче рассуждения о развале американского строя стараются не считаться, состоит в том, что упадок Америки далеко не предопределен.

Первым пунктом в списке сильных сторон США идет их общая экономическая мощь. Американская экономика по-прежнему с большим отрывом опережает остальные страны. Только Евросоюзу как

экономическому объединению удастся слегка вырваться вперед, но при этом западноевропейская модель отличается более высоким уровнем структурной безработицы и более низкими темпами роста. Гораздо существеннее для прогнозов то, что, несмотря на резкий экономический рывок Азии, основная доля в мировом ВВП уже не первое десятилетие принадлежит США (см. Таблицу 2.3)^[6]. 14 триллионов долларов их ВВП за 2010 год составляют свыше 25% общемировых показателей, тогда как на долю их ближайшего соперника Китая приходится чуть более 9% мирового ВВП (6 триллионов долларов). По

подсчетам Фонда Карнеги, если в 2010 году ВВП Штатов не дотягивает до ВВП Евросоюза на 1,48 триллиона долларов, то в 2050 году ВВП Штатов будет превышать ВВП Евросоюза на 12,03 триллиона, а в цифрах ВВП на душу населения разрыв между Штатами и Евросоюзом увеличится с 12 723 долларов в 2010 году в пользу Америки до 32 266 долларов в её же пользу в 2050 году.

Согласно текущим прогнозам, Китай, в основном благодаря гигантской численности своего населения, в пределах XXI века обгонит США по общим экономическим показателям — по

оценкам Фонда Карнеги, это произойдет около 2030 года. По сходным причинам, пусть и более медленными темпами, Индия в ближайшие сорок лет также должна подняться в рейтинге мирового ВВП. Однако ни Китаю, ни Индии не суждено приблизиться к показателям США по ВВП на душу населения (см. Таблицу 2.4). Таким образом, ни Китай, ни Индия, ни Европа не сравнятся с США по мощному сочетанию общих объемов ВВП и в расчете на душу населения. Это экономическое преимущество — при условии что Америка воспользуется и другими своими активами — позволит Штатам сохранить свое

влияние на мировую экономику и системную привлекательность, а также по-прежнему притягивать талантливые умы со всего мира.

Таблица 2.3

Процентная доля мирового ВВП

	1970	1980	1990	2000	2010
США	27,26	26,18	26,76	28,31	26,30
Европа	35,92	33,77	31,70	31,92	28,30
Китай	0,78	1,00	1,80	3,72	7,43
Индия	0,87	0,82	1,07	1,40	2,26
Россия	4,27	4,09	3,84	1,50	1,86
Япония	9,84	10,68	11,88	10,25	8,74

Источник: Служба экономических исследований, министерство сельского хозяйства США, База международных макроэкономических данных (по состоянию на 22.12.2010).

Экономическому процветанию Америки частично способствует и второй пункт в списке сильных сторон: преимущество в области

инновационных технологий,
обеспечиваемое культурой
предпринимательства и
превосходством высших учебных
заведений. Всемирный
экономический форум ставит
Соединённые Штаты на четвертое
место по конкурентоспособности в
мире после Швейцарии, Швеции и
Сингапура, а в рейтинге наиболее
инновационных экономик,
составленном Бостонской
консалтинговой группой, Штаты
опередили все крупные экономики за
исключением Южной Кореи.

Таблица 2.4

ВВП (в долларах 2005 г., не ППС)	США	ЕС	Китай	Япония	Россия	Индия
1) ВВП 2010 (трлн \$ 2005 г.)	\$13,15	\$14,63	\$3,64	\$4,54	\$0,88	\$1,13
2) ВВП 2025 (трлн \$ 2005 г.)	\$19,48	\$19,10	\$16,12	\$5,56	\$2,01	\$3,80
3) ВВП 2030 (трлн \$ 2005 г.)	\$22,26	\$20,34	\$21,48	\$5,79	\$2,49	\$5,33
4) ВВП 2050 (трлн \$ 2005 г.)	\$38,65	\$26,62	\$46,27	\$6,22	\$4,30	\$15,38
5) ВВП на душу насе- ления 2010 (2005 \$)	\$42 372	\$29 649	\$2 699	\$35 815	\$6 328	\$966
6) ВВП на душу насе- ления 2025 (2005 \$)	\$54 503	\$38 320	\$11 096	\$47 163	\$15 714	\$2 722
7) ВВП на душу насе- ления 2030 (2005 \$)	\$59 592	\$40 901	\$14 696	\$50 965	\$20 039	\$3 648
8) ВВП на душу насе- ления 2050 (2005 \$)	\$88 029	\$55 763	\$32 486	\$66 361	\$39 350	\$9 287

Источник: прогноз Фонда Карнеги «Устройство мира в 2050 году» (The World Order in 2050), февраль 2010 г.

Таблица 2.5

**Качественная оценка
Соединённых Штатов и
развивающихся стран**^[7]

**Средний рейтинг по
совокупности экономических
показателей**

*Усреднённый мировой
рейтинг на основе индексов
предпринимательской деятельности,
экономической
конкурентоспособности и торговой
логистики*

Страна	Усредненная позиция в мировом рейтинге
Соединенные Штаты	7-е место
Китай	31-е место
Индия	50-е место
Бразилия	51-е место
Россия	71-е место

Средний рейтинг по социально-экономическим показателям

*Усреднённый мировой
рейтинг на основе
индексов коррупции, развития
человеческого
потенциала, образования и свободы
прессы*

Страна	Усредненная позиция в мировом рейтинге
Соединенные Штаты	20-е место
Бразилия	75-е место
Россия	110-е место
Индия	111-е место
Китай	112-е место

Кроме того, из сравнительной оценки других, «более мягких», аспектов социальной стабильности следует, что США по-прежнему удерживают достаточно высокое положение в ключевых качественных категориях, по которым оцениваются системные успехи в других ведущих странах (см. Таблицу 2.5). Несколько тревожит, что Америка не на самом верху, однако в краткосрочной перспективе гораздо важнее, что основные претенденты на роль

мировой элиты значительно отстают по большинству показателей. Ещё одно доказательство в пользу утверждения, на котором мы подробнее ещё остановимся: в ближайшем будущем у Америки не предвидится достойной замены, способной как на силовые, так и несиловые меры во внешней политике.

Крайне примечательно в этом отношении первенство Америки в сфере высшего образования: согласно рейтингу ведущих мировых университетов, составленному шанхайским университетом Цзяотун, восемь университетов из первой десятки находятся в Америке, равно

как и семнадцать из первой двадцатки. Эти вузы обеспечивают Америке научно-техническую базу, благодаря которой она удерживает экономическое — и даже военное — лидерство в освоении промышленных технологий и продукции будущего. Кроме того, они способствуют сосредоточению человеческого капитала в стране, поскольку ведущие ученые-исследователи, инженеры и предприниматели со всего мира иммигрируют в США, стремясь полностью реализовать свой образовательный и экономический потенциал. Поэтому американцам не следует забывать, насколько от

доминирования Штатов в сфере высшего образования зависит внутренняя стабильность экономики, а также международный престиж и влияние страны.

Третье преимущество Америки — относительно крепкая демографическая база, особенно в сравнении с Европой, Японией и Россией. Большая численность населения (318 миллионов человек), несомненно, дает Америке ощутимый глобальный вес. Кроме того, Штатам не приходится переживать из-за демографического старения населения и даже демографического спада, наблюдающегося почти на

одинаковом уровне в остальных странах. Согласно прогнозам ООН, к 2050 году население США достигнет 403 миллионов, 21,6% из которых будут старше 65 лет. За этот период население ЕС уменьшится с 497 до 493 миллионов, 28,7% из которых перешагнут 65-летний рубеж. Прогноз для Японии потрясает ещё больше: численность населения сократится со 127 миллионов в 2010 году до 101 миллиона в 2050 году, 37,8% из которых будут старше 65 лет к середине века (см. Таблицу 2.6).

Одна из причин этого преимущества — способность Америки привлекать и

ассимилировать иммигрантов (несмотря на недавнюю волну недовольства среди населения). В настоящее время коэффициент миграционного прироста в Америке равен 4,25 на тысячу человек населения — по сравнению с 2,19 в Германии, 2,15 — в Великобритании, 1,47 — во Франции, 0,28 — в России и 0,34 — в Китае.

Таблица 2.6

Общая численность населения (млн)	США	ЕС	Китай	Япония	Россия	Индия
1) 2010	317,64	497,53	1354,15	127,00	140,37	1166,08
2) 2025	358,74	506,22	1453,14	120,79	132,35	1431,27
3) 2030	369,98	505,62	1462,47	117,42	128,86	1484,60
4) 2050	403,93	493,86	1417,05	101,66	116,10	1613,80

Источники: прогнозы ООН, исходящие из среднего коэффициента рождаемости (под ЕС подразумевается ЕС-27).

Старение — население старше 65 лет	США	ЕС	Китай	Япония	Россия	Индия
1) % от общей численности населения. 2010	13,0	17,5	8,2	22,6	12,9	4,9
2) % от общей численности населения. 2025	18,1	22,0	13,4	29,7	17,7	7,3
3) % от общей численности населения. 2030	19,8	23,8	15,9	30,8	19,4	8,4
4) % от общей численности населения. 2050	21,6	28,7	23,3	37,8	23,4	13,7
5) Текущая продолжительность жизни (годы)	78,11	78,67	73,47	82,12	66,03	66,09

Источники: (1—4) прогнозы ООН, исходящие из среднего коэффициента рождаемости (ЕС = ЕС-27); (5) — «Всемирная книга фактов» ЦРУ.

Способность привлекать и ассимилировать иностранцев, с одной стороны, укрепляет демографическую базу Америки, а с другой — улучшает долгосрочные экономические перспективы и повышает международный престиж. Поддавшись анти-эмигрантским и ксенофобским настроениям, Америка рискует поставить под удар свою притягательность, обладающую несомненным значением для американского динамизма, процветания и перспектив.

Четвертое преимущество Америки — способность к стремительной мобилизации. Её

демократия традиционно долго раскачивается, однако затем народ мобилизуется перед лицом опасности, демонстрируя сплоченность действий. Так происходило в войну, когда под лозунгом «Помни Перл-Харбор!» Америка превратилась в единый военно-промышленный комплекс. Затем умами народа завладела лунная программа, вызвав небывалый всплеск технического прогресса. Текущие проблемы Америки требуют такого же объединения усилий, притом что некоторые из её слабых сторон представляют собой готовые направления действий для

социальной мобилизации на основе социально конструктивных задач. Одна из самых очевидных целей — обветшавшая и устаревшая инфраструктура. Другая, вполне вероятно, — «зеленая» Америка, достойный ответ глобальному потеплению. Если президент сумеет заручиться народной поддержкой, материальные активы Америки в сочетании с её предпринимательскими талантами можно направить на необходимые внутренней экономике преобразования.

В-пятых, несомненным преимуществом Америки перед некоторыми ведущими державами

выступает географическая база, отличающаяся уникальной безопасностью границ, богатством природных ресурсов, стратегически выгодным расположением и площадью территории, а также национальной целостностью населения, не подверженного этнической розни. Кроме того, Америке не угрожают территориальные притязания соседей. Северная соседка — её союзница и в социальном отношении являет собой, откровенно говоря, более удачный пример аналогичного образа жизни. Заодно Канада прикрывает Америку с севера, обеспечивая безопасность.

Американские земли богаты природными ресурсами, от минеральных до сельскохозяйственных и растущих энергетических, большая часть из которых, особенно на Аляске, пока не разработана. Два главных океана планеты, между которыми расположена Америка, служат дополнительным защитным барьером, а океанские побережья — воротами морской торговли и, при необходимости, плацдармом для переброски войск и боевой техники на заморские территории. Ни одна другая ведущая страна мира не обладает всеми этими преимуществами, которыми можно

пользоваться как на постоянной основе, так и в случае необходимости.

Шестым пунктом в списке сильных сторон Америки идет её ассоциация с набором ценностей (права человека, свобода личности, политическая демократия, экономические возможности), которые подтверждаются её населением и за долгие годы упрочили её глобальный статус. Америка давно научилась играть на этом идеологическом преимуществе, используя его, в частности, для завоевания победы в «холодной войне». Однако после её окончания блеск Америки несколько померк —

причиной тому послужило в основном широкое неодобрение мировой общественностью вторжения в Ирак в 2003 году и связанных с этим действий. Несмотря на это, американская демократия по-прежнему не утратила привлекательности в глазах широких масс. Например, согласно исследованию, проведённому в 2010 году Исследовательским центром Пью в рамках проекта оценки глобального отношения (Global Attitudes Project), в 2007 году показатели симпатий находились на самой низкой отметке за десятилетие — в таких странах, как Индонезия, Штаты вызывали расположенность

лишь у 29% населения, и даже у союзниц, таких как Германия, только 30% симпатизировали Америке. Однако в 2010 году рейтинг опять взлетел вверх: в Индонезии симпатией к Америке прониклись 59% населения, в Германии — 63%.

Соответственно снова стать олицетворением демократических традиций в глазах международной общественности для Америки вполне возможно и весьма желательно. Подобные ценности являлись и могут являться одним из её преимуществ, особенно в сравнении с авторитарными государственными режимами Китая и России. Неспособность этих двух

держав похвастаться
привлекательной для остальных
народов мира политической
идеологией (несмотря на
безуспешные потуги Советского
Союза добиться этого во время
системного соперничества с
Соединёнными Штатами) тоже
играет Америке на руку в
долгосрочной перспективе. И хотя у
одних односторонние
внешнеполитические действия
Штатов вызывают недовольство,
другие опасаются, что
стремительный упадок США и уход в
изоляция помешают стабильному
распространению глобального
экономического развития и

демократии в мире.

Перечисленные шесть основополагающих преимуществ могут послужить Америке мощным трамплином для назревшего идейного обновления. Однако наиболее сложной составляющей этого обновления остается срочная необходимость корректировать уже замеченные и чреватые серьёзными последствиями системные недочеты. Это не просто какие-то таинственные исторические детерминанты, а скорее постоянная нехватка политической воли и общенационального согласия, необходимых, чтобы справиться с теми проблемами, которые угрожают

долгосрочным перспективам
Америки.

Американцы отдают себе отчет, насколько важны для будущего внутреннего благополучия страны и сохранения конструктивного международного влияния радикальные экономические реформы — финансовой сферы в частности, а также уравнивание налогов и бюджета. Продуктивное исправление недостатков системы среднего образования также поможет упрочить долгосрочные экономические перспективы, поскольку качественные улучшения в этой области позволят справиться со многими упомянутыми выше

недостатками (в частности неравенством, отсутствием социальной мобильности и общественной неосведомленностью). Для того чтобы сбалансировать бюджет, провести финансовые реформы и справиться с вопиющим неравенством распределения доходов, потребуются непопулярные компромиссные меры в области льгот, налогов и норм. Только ощущение необходимости чем-то жертвовать сообща ради будущего благополучия страны обеспечит требуемую солидарность на всех общественных уровнях.

И наконец, для успешного

самообновления Америке
необходима фундаментальная смена
приоритетов в социальной культуре
— в восприятии американцами
своих личных амбиций и этического
содержания своей национальной
«мечты». Действительно ли
конечным мерилом хорошей жизни
является приобретение
материальных благ, далеко
выходящих за рамки требований
комфорта, удобства и
самоудовлетворения? Могут ли
спокойно и настойчиво проводимые
внутренние реформы превратить
Америку в образец разумного
общества, где на основе
производительной, энергичной и

инновационной экономики
формируется более здоровое в
интеллектуальном, духовном и
культурном отношении общество? К
сожалению, подобная далеко идущая
переоценка смысла хорошей жизни
возможна только после серьезной
встряски, в результате которой народ
осознает, насколько опасен для
страны нынешний путь, ведущий
через погоню за изобилием к
пропасти глобального банкротства.

Следующие несколько лет
позволят частично заглянуть в
будущее. Если затянувшийся
политический тупик и партизанство
продолжат парализовать
национальные интересы, мешая

социально справедливому
распределению затрат на обновление
страны, оставляя без внимания
опасную социальную тенденцию
увеличения разрыва доходов,
игнорируя опасность, которой
подвергается статус Америки в
глобальной иерархии, то тревожные
прогнозы относительно упадка
Соединённых Штатов превратятся в
диагноз. Однако этого ещё можно
избежать. Учитывая остающиеся у
Аmericи козыри и доказанную
способность наваливаться на
проблему всем миром, ситуацию ещё
можно исправить. Так уже
происходило после Великой
депрессии, во время Второй мировой

и в 1960-х во время «холодной войны», — почему бы не проделать то же самое снова?

4. Долгая имперская война Америки

Если крах 2007 года послужил стимулом осознать необходимость кардинального пересмотра некоторых основополагающих особенностей американского строя, внутренних ценностей и государственных интересов, то 11 сентября также должно побудить Америку серьёзно задуматься, насколько разумно она распорядилась уникальными возможностями, подаренными ей мирным, но при этом геополитически выгодным для нее

исходом «холодной войны».

Сейчас ничего не стоит забыть, чем в действительности грозили человечеству долгих четыре с половиной десятилетия «холодной войны». В любой момент она могла из «холодной» перейти в «горячую», одним ударом уничтожив руководящую верхушку США и превратив в пепелище половину Штатов и Советского Союза. «Холодная война» была холодной лишь номинально: хрупкая система взаимного сдерживания зависела от благоразумия нескольких конкретных лиц.

После распада Советского Союза в 1991 году Соединённые

Штаты стали властвовать безраздельно. Их политические ценности и социоэкономическая система вызывали всеобщее восхищение и служили объектом подражания. Её международному престижу ничто не угрожало. Отношения с заокеанской союзницей Европой строились уже не на объединяющем чувстве страха, а на вере в расширенное атлантическое сообщество, в составе которого Европа должна была стремительно двигаться к собственному более аутентичному политическому единству. На Дальнем Востоке на вершину международной иерархии постепенно поднималась Япония —

ближайшая союзница Штатов в Азиатском регионе. Опасения, что японская «супердержава» перекупит крупнейшие американские компании, постепенно растаяли. Дипломатические отношения, установленные с Китаем в 1978 году, продолжали крепнуть, и Китай даже стал партнёром Штатов в противостоянии Советскому Союзу, когда в 1980 году тот ввел войска в Афганистан. Америка стала относиться к Китаю более благосклонно, теша себя иллюзиями, что отсталость Китая ещё долго не позволит ему выбиться в серьёзные соперники.

Таким образом, Америка

выступала в массовом сознании мировым экономическим двигателем, политическим примером, социальным маяком и не имеющей себе равных верховной владычицей. Пользуясь этим статусом, она почти сразу же возглавила успешную мировую коалицию по выведению иракских войск из захваченного Кувейта — при поддержке России, содействии Китая и участии Сирии, не говоря уже о сотрудничестве традиционных союзниц Америки. Однако в последующие годы Штаты упустили момент и не сумели распутать клубок палестино-израильского конфликта. Со времен войны 1967

года ближневосточная проблема превратилась в силу господства Штатов в этом регионе, скажем так, в лично американскую. Однако, если не считать выдающегося успеха президента Картера, сумевшего добиться подписания израильско-египетского мирного договора, Соединённые Штаты даже в период глобального верховенства времен 1990-х играли в регионе достаточно пассивную роль. После того как в середине десятилетия противником мирного урегулирования был убит рационально мыслящий премьер Израиля Ицхак Рабин, Штаты (в последние полгода восьмилетнего президентства Клинтона)

предприняли запоздалую и тщетную попытку возобновить переговоры между Израилем и Палестиной — довольно вялую, надо сказать.

Вскоре после этого на страну обрушилась трагедия 11 сентября 2001 года — апофеоз всё более ужесточающихся в течение 1990-х атак «Аль-Каиды» на американские объекты. Трагические события спровоцировали три ответные реакции со стороны Соединённых Штатов. Во-первых, президент Джордж Буш-младший начал военную кампанию в Афганистане, целью которой было не только сокрушить «Аль-Каиду» и свергнуть власть прикрывавших её талибов, но

и установить в Афганистане современную демократию. Затем, в начале 2002 года Буш одобрил военную операцию, предпринятую премьер-министром Израиля Шароном (которого Буш называл «человеком мира») с целью уничтожить Организацию освобождения Палестины на Западном берегу Иордана. В-третьих, весной 2003 года Буш ввел войска в Ирак на основании неподтвержденных обвинений в связях Ирака с «Аль-Каидой» и обладании «оружием массового уничтожения». В результате всего вышеперечисленного выросло недовольство мировой

общественности действиями США на Ближнем Востоке, упрочился региональный статус Ирана, а Америка увязла в двух нескончаемых войнах.

К 2010 году афганская и иракская войны уже вошли в число самых долгих за всю американскую историю. Первая, развязанная в считанные недели после нью-йоркских терактов (беспрецедентных для Америки по количеству жертв среди мирного населения), представляла собой одобренный народом военизированный отпор, призванный уничтожить ответственную за теракт группировку «Аль-Каида» и

свергнуть в Афганистане движение «Талибан», укрывавшее преступников. Второй затянувшейся войной обернулось введение войск в Ирак в начале 2003 года, получившее поддержку за рубежом только от конформистского премьер-министра Британии и от Израиля, тогда как остальные союзники Америки в большинстве своем выступали против либо выражали скептицизм. Свои действия президент США оправдывал необоснованными подозрениями, которые через несколько месяцев растаяли в воздухе, поскольку наличие оружия массового уничтожения в оккупированном американскими

войсками Ираке так и не было подтверждено. Поскольку основное внимание президент Буш уделял иракской войне, война в Афганистане почти на семь лет отошла на второй план.

Продолжительность основных военных кампаний

Соединенных Штатов

*(по состоянию на март 2011 года, в месяцах знаком * отмечена продолжительность активных военных действий)*

Афганистан*	112
Вьетнам	102
Война за независимость	100
Ирак*	96
Война между Севером и Югом	48
Вторая мировая война	45
Корея	37
Британия (1812)	32
Филиппины	30
Мексика	21
Первая мировая война	20
Испания	3
Ирак (1991)	2

У обеих войн имелась одна общая черта: они представляли собой экспедиционные военные операции на вражеской территории. В обоих случаях правительство Буша не особенно учитывало сложную

культурную обстановку, давние этнические распри, порождающие конфликты внутри конфликтов, напряженные отношения с соседями по региону (особенно с Пакистаном и Ираном), нерешенные территориальные разногласия — все это серьезно усложнило действия США в Афганистане и Ираке, а также способствовало дальнейшему распространению антиамериканских настроений в регионе. И хотя непосредственная интервенция напоминала характерные для XIX века карательные имперские экспедиции против примитивных и зачастую разрозненных племен, развернувшаяся параллельно война с

народным возмущением,
всколыхнувшимся в эпоху массового
политического пробуждения,
оказалась, как с прискорбием
убедились Соединённые Штаты, куда
более затяжной и затратной. И
наконец, в эпоху глобальной
прозрачности безоговорочная победа,
достигнутая бесчеловечными
методами, уже не приветствуется.
Даже Россия, без зазрения совести
уничтожившая сотни тысяч афганцев
и превратившая в беженцев
несколько миллионов, не пошла на
крайние меры, которые обеспечили
бы ей окончательную победу.

При этом и афганский, и
иракский конфликты — как в свое

время прошлые экспедиционные войны Запада — практически не отразились на внутренней обстановке Америки (если не считать воюющих и их семьи). И хотя обе войны вытянули миллиарды долларов из американского бюджета, требуя более высоких затрат, чем все предыдущие войны за исключением Второй мировой, расходы в процентах от американского ВВП оказались низкими — в силу невероятного роста американской экономики. Более того, правительство Буша отказалось от повышения налогов для оплаты военных расходов, финансируя их за счет политически более выгодных

займов — в том числе и зарубежных. В глазах общественности тот факт, что сражаться и умирать на этой войне — в отличие от вьетнамской и корейской — уезжали добровольцы, также снижал накал переживаний.

Что касается непосредственной подоплеки этих войн, переключение основного внимания с афганской войны на иракскую подкреплялось принятым администрацией Буша намеренно широким определением терроризма, оправдывающим кампанию против Саддама Хусейна — вопреки идеологическому неприятию Ираком «Аль-Каиды» и ответной враждебности «Аль-Каиды» к режиму Хусейна. Негласно

объединив их под общей скобкой «исламского джихада» и оправдывая военные действия Штатов «борьбой с террором», было гораздо проще направить вспыхнувший 11 сентября гнев американского народа не только на непосредственных исполнителей, но и на другие исламские структуры. «Радиоактивное облако», которого предпочла не дожидаться в виде непосредственной угрозы Соединённым Штатам Кондолиза Райс (тогдашний советник президента по вопросам национальной безопасности), стало удобным символом, позволяющим настроить общественное мнение против огульно назначенного врага.

Этот символ нагнетал общественные страхи до предела, ставя в заведомо проигрышное положение тех, кто осмеливался засомневаться в фактической точности претензий Белого дома к Ираку.

Демагогия, подпитываемая страхами, — мощное орудие, быстро приносящее плоды, но при этом чреватое значительными внутренними и внешними проблемами в долгосрочной перспективе. Примером его губительного воздействия могут служить наиболее нашумевшие случаи издевательств над иракскими пленными, включая некоторых старших офицеров. Это побочные

эффекты восприятия врага как воплощения зла, к которому соответственно жестокие меры оправданно применимы. Американские СМИ — включая голливудские фильмы и телевизионные драмы — тоже внесли существенный вклад в формирование общественного настроения, визуально сосредоточивая страх и ненависть на персонажах с выраженными арабскими чертами. Подобная демагогия породила дискриминационные действия по отношению к отдельным мусульмано-американцам, особенно арабского происхождения,

варьирующиеся от расовой дискриминации до масштабных обвинительных процессов против арабо-американских благотворительных организаций. В общем и целом появление у «войны с террором» дополнительной религиозной и расовой составляющей подорвало доверие к американской демократии, а решение через полтора года после 11 сентября развязать иракскую войну вышло Америке боком.

Все могло бы — и должно было бы — повернуться по-другому. Прежде всего война в Ираке была ненужной, и её следовало избежать. Вскоре для президента Буша она

обрела более важное значение, чем предшествующая ответная военная реакция на спланированные в Афганистане теракты «Аль-Каиды». Из-за этого афганский конфликт оказался более затяжным и кровопролитным, а в конечном итоге более проблемным в геополитическом отношении, поскольку в него всё больше вовлекался и Пакистан. Во-вторых, ещё раньше Штатам не следовало оставлять Афганистан без внимания после выхода оттуда советских войск. Страна в буквальном смысле лежала в руинах, отчаянно нуждаясь в экономической помощи, чтобы стабилизировать обстановку хотя бы

минимально. Однако и Буш-старший, и Клинтон проявили пассивное безразличие. Образовавшийся вакуум в 1990-х заполнили талибы, за которыми стоял Пакистан, пытавшийся таким образом занять геостратегически выгодные позиции по отношению к Индии. Вскоре «Талибан» пригрел под своим крылом «Аль-Каиду» — дальнейшее всем известно. После 11 сентября у США не осталось другого выхода, кроме как ответить силой на силу.

Но и тогда Штаты могли попытаться выработать общую стратегию по отделению религиозных экстремистов «Аль-Каиды» от мусульманского

большинства. Эта стратегия, как автор этой книги доказывал в свое время на публицистических полосах «Уолл-стрит джорнал» и «Нью-Йорк таймс», должна была совместить активную кампанию по уничтожению существующих террористических организаций (которую администрация Буша, к её чести, все же предприняла) с более широкими и долгосрочными политическими мерами, призванными лишить терроризм поддержки. Для этого требовалось побуждать посредников в мусульманских странах блокировать экстремизм как неприемлемую тенденцию — по аналогии с

успешной политической коалицией против Саддама Хусейна десятилетием ранее. Однако для выполнения этой стратегической задачи от США потребовалась бы серьёзная нацеленность на мирное урегулирование конфликтов на Ближнем Востоке, что Бушем и его советниками отметалось безоговорочно.

Результатом было резкое падение глобального престижа Америки по сравнению с последним десятилетием XX века, прогрессирующее сокращение кредита доверия президенту, а значит, и стране, и существенное снижение самоидентификации

союзников Америки с её безопасностью. Подавляющее большинство союзников сочли начатую в 2003 году войну в Ираке односторонней, сомнительной и чрезмерной реакцией Америки на трагедию 11 сентября. Даже в Афганистане, где союзники поддерживали Америку в борьбе против «Аль-Каиды», эта поддержка постепенно начала таять. Союзники по НАТО, участвующие в афганской кампании, ещё раньше американцев осознали, что стремление Буша объединить военные действия против «Аль-Каиды» с попыткой создать в Афганистане современное демократическое государство

содержит взаимоисключающие
задачи и условия.

Всё дело в том, что
модернизирующие реформы,
навязанные извне, проведённые
второпях и противоречащие вековым
традициям, строящимся на глубоких
религиозных убеждениях, вряд ли
продержатся без продолжительного и
настойчивого иностранного
присутствия. А последнее чревато
новыми вспышками сопротивления,
не говоря уже о том, что проживание
около четырнадцати миллионов
пуштунов (примерно 40% населения)
в Афганистане и около двадцати
восьюми миллионов пуштунов в
Пакистане (порядка 15% населения)

грозит перехлестом конфликта через афганско-пакистанскую границу и его неуправляемой территориальной и демографической эскалацией.

Возможные зловещие уроки происходящего имеют прямое отношение к ближайшему будущему Америки. Вдобавок к незавершённой кампании в Афганистане и затяжной иракской войне перед Америкой стоят три потенциально более сложные геополитические дилеммы в обширном, нестабильном и густонаселённом районе к востоку от Суэцкого канала и к западу от Синьцзяна: это рост исламского фундаментализма в ядерном Пакистане, вероятность прямого

конфликта с Ираном и опасения, что неспособность США добиться подписания равноправного мирного соглашения между Израилем и Палестиной вызовет ещё большую неприязнь к Америке на политически пробуждающемся Ближнем Востоке.

Тем временем Америка продолжает действовать в одиночку, если не считать некоторых малозначительных выступлений со стороны её друзей и некоторых жестов поддержки от номинальных партнёров по региону. Кроме того, что союзники потихоньку выходят из участия в кампании, три соседние с Афганистаном державы, которым

самим стоит опасаться потенциальной угрозы растущего исламского экстремизма, хранят предусмотрительную пассивность. Их участие сводится к формальному сочувствию действиям Америки: со стороны России это выражается в оказании некоторой материально-технической поддержки военной кампании; со стороны Китая — в сдержанном одобрении санкций против Ирана; со стороны Индии — в скромной экономической помощи Афганистану. В то же время ведущие стратеги этих стран не могут не понимать: увязание Америки в этом конфликте ведет к падению её международного престижа (который

между тем оттягивает на себя потенциальные угрозы безопасности их странам). И это, по большому стратегическому счету, вдвойне выгодно затаившей обиду России, растущему в экономическом отношении Китаю и питающей региональные амбиции Индии. Как в региональном, так и в глобальном масштабе их геополитический вес по мере постепенного утрачивания Америкой своего статуса будет расти.

Следовательно, необходимо, чтобы американский народ и конгресс США всецело осознали зловещий факт: помимо внутриполитического тупика, влекущего за собой спад внутренней

экономики, отсутствие реалистичного учета национальных интересов во внешней политике — прямой путь к крайне рискованному положению Америки в ближайшие двадцать лет. Распространение военных действий в Афганистане на Пакистан либо вооружённое столкновение с Ираном, либо новый виток палестино-израильской вражды заставит Америку ввязаться в региональные конфликты, выхода из которых в обозримом будущем не предвидится, а тем временем в исламских странах, население которых составляет около 25% от общемирового, будут расти антиамериканские настроения. Тем

самым обрубая все перспективы на исполнение Америкой желаемой мировой роли, которая сама плыла ей в руки каких-нибудь два десятилетия назад.

Как уже доказывалось ранее, у Соединённых Штатов ещё имеется потенциал для серьёзного государственного обновления, но лишь в случае мобилизации народных сил. Кроме того, Штатам необходимо преодолеть самоизоляцию и утрату влияния, вызванную последними внешнеполитическими действиями. Учитывая, насколько военно-политическая мощь Штатов превосходит возможности любого

предполагаемого соперника, глобальное верховенство США ещё можно сохранить на достаточно долгий период, если своевременно объединить целенаправленное государственное совершенствование с переориентированием стратегического мышления.

Однако полностью отметить куда менее позитивную картину американского будущего было бы страусиной политикой. На ум приходят три базовых сценария, отражающих возможный упадок Америки. Наиболее неблагоприятное развитие событий предполагает серьёзный финансовый кризис, погружающий Америку вместе с

большей частью мира в опустошительную экономическую депрессию. Как показал кризис 2007 года, эта страшная перспектива отнюдь не умозрительна. В сочетании с разрушительными последствиями растущей вовлеченности США в военные операции за рубежом подобная катастрофа может — всего за несколько лет — положить конец глобальному превосходству Америки. Малоутешительно, что с большой долей вероятности происходить это будет на фоне общемировых волнений, включая финансовые коллапсы, ударную волну глобальной безработицы, политические кризисы,

раскол этнически уязвимых
государств и растущую
ожесточенность политически
пробудившихся и социально
неудовлетворенных масс.

Пусть такой стремительный и
радикальный крах Америки менее
вероятен, чем корректирование
внутренней и внешней политики
США (отчасти благодаря кризису
2007 года, послужившему хоть и
болезненным, но полезным
предупредительным сигналом), два
альтернативных «промежуточных»
сценария продолжающегося спада
также рисуют не самое радужное
будущее. Основная действительность
такова: Америка одновременно

рискует съехать назад в системное устаревание, вызванное отсутствием прогресса в социальном, экономическом и политическом реформировании, и пожать плоды ошибочной внешней политики, которая в последние годы пугающе далека от учета особенностей постимперской эпохи. Тем временем потенциальные соперники Штатов (особенно в некоторых частях Азии) целенаправленно, шаг за шагом, приобщаются к реалиям XXI века. Недалек тот час, когда некоторая совокупность этих факторов окажется роковой как для внутриполитических идеалов Америки, так и для её

внешнеполитических интересов.

Таким образом, один из «промежуточных» и, возможно, более вероятных исходов предполагает неопределенное скатывание экономики в рецессию с ухудшением уровня жизни, ветшанием государственной инфраструктуры, снижением экономической конкурентоспособности и социального благополучия. Этот же сценарий сулит проведение некоторых запоздалых внешнеполитических мер, способствующих снижению высоких затрат и рисков единоличного политического вмешательства, к

которому в последнее время
пристрастились Штаты. Тем не
менее усугубляющийся
внутриэкономический застой ещё
больше подорвет мировой престиж
Америки и доверие к
международным обязательствам
Штатов, а также заставит другие
державы срочно — и скорее всего
безуспешно — искать новые пути
обеспечения своей финансовой
стабильности и национальной
безопасности.

Может случиться и наоборот:
Америка благополучно справится с
внутренними трудностями, но
потерпит поражение во внешней
политике. Согласно второму

«промежуточному», но все такому же неблагоприятному сценарию, её ждёт умеренный прогресс на внутреннем фронте; потенциальные преимущества для международной политики, к сожалению, будут уничтожены совокупными пагубными последствиями затянувшихся и, возможно, даже усиленных единоличных зарубежных операций (например, в Пакистане или Иране). Внутриполитические успехи не компенсируют внешнеполитическую программу, вместо сотрудничества с другими странами вовлекающую Штаты в разорительные кампании против растущего числа врагов (иногда

созданных своими же руками). Кроме того, всеобъемлющий внутриполитический успех невозможен в принципе, если ресурсы тратятся на подрывающие силы зарубежные кампании.

В любом случае Америку ждёт неуклонная и в конечном итоге роковая утрата способности играть ведущую роль на мировой арене. Нерешенные внутренние и затягивающиеся внешние проблемы выжмут из нее все соки, постепенно деморализуя общество, подрывая социальный престиж и сокращая кредит мирового доверия. В результате где-то к 2025 году на фоне международной нестабильности

Америка де-факто лишится
триумфально провозглашённого
владычества над ХХІ веком. Кто в
этом случае будет претендовать на
освободившееся место?

**ЧАСТЬ III. Мир
после Америки к
2025 году. Не Китай,
но хаос**

1. Постамериканская неразбериха

Если Америка утратит лидерство, маловероятно, что оно перейдет к какому-то одному преемнику — на роль которого сейчас большинство прочит Китай. Если внезапный обширный кризис американской системы вызовет стремительную цепную реакцию, ведущую к глобальному экономико-политическому хаосу, то постепенное движение Америки к растущему упадку во всех сферах и (или) бесконечно набирающей обороты войне с исламом вряд ли

даже к 2025 году закончится «коронацией» завоевавшего мировой трон преемника. Ни одна держава к тому времени не будет готова в одиночку примерить на себя ту роль, которую мир после развала Советского Союза в 1991 году отвел Соединённым Штатам. Куда более вероятен продолжительный этап довольно хаотичных перестановок глобальных и региональных сил, в которых проигравших будет гораздо больше, чем очевидных победителей, и происходить это будет на фоне международной нестабильности и даже потенциально смертельной угрозы глобальному благополучию. В данной главе мы рассмотрим, чем

грозит это злоеущее — хотя, разумеется, не стопроцентно предопределенное — «если».

При отсутствии признанного лидера намечающаяся неопределенность грозит усилить трения между соперниками и спровоцировать перетягивание одеял на себя. В этом случае международное сотрудничество ослабнет, и некоторые державы, продвигая собственные интересы, начнут лоббировать монопольные региональные договоренности как альтернативную платформу стабильности. Историческое соперничество за главенство в регионах проявится более открыто,

возможно, даже с применением силы. Когда в результате крупных геополитических сдвигов в мировом балансе сил появится новая иерархия власти, наиболее слабые страны могут оказаться в серьёзной опасности. Продвижение демократии может привести к погоне за укреплением национальной безопасности на базе различных сплавов авторитаризма, национализма и религии. «Обществу достоянию человечества» грозит пассивное небрежение или разбазаривание, если каждая страна сосредоточится на своих более узких и насущных проблемах.

Некоторые

ключевые

международные организации, такие как Всемирный банк или МВФ, уже ощущают на себе растущее давление со стороны развивающихся, менее богатых, но плотно населённых стран — с Китаем и Индией в авангарде. Давление это направлено на реорганизацию существующего распределения прав голоса, в котором сейчас наблюдается перевес в сторону Запада. Некоторые страны «Большой двадцатки» уже высказались по поводу несправедливости подобного распределения. Требование очевидно: право голоса должно в гораздо большей степени основываться на численности

населения стран-участниц и в меньшей степени — на их финансовых вложениях. Подобное требование, выдвинутое на фоне большого беспорядка и волнения, охватывающего политически пробудившиеся народы, может завоевать довольно много очков как шаг к международной (но ещё не внутренней) демократизации. И не успеет мир оглянуться, как доселе неприкосновенный почти семидесятилетний принцип существования в Совете Безопасности ООН лишь пяти постоянных участников с эксклюзивным правом вето также может утратить свою законность в

глазах мировой общественности.

Даже если постепенное скатывание Америки к упадку будет носить неопределенный и противоречивый характер, не исключено, что руководители догоняющих стран, среди которых Япония, Индия, Россия и некоторые члены ЕС, уже оценивают, как потенциальный крах Америки отразится на их собственных национальных интересах. И действительно, вполне возможно, что перспективы постамериканской неразберихи уже негласно влияют на разрабатываемую в канцеляриях ведущих мировых держав программу действий — а может, и на текущую

политику. Япония, опасаясь активных притязаний Китая на господство в материковой Азии, может подумывать об установлении более тесных связей с Европой. Индийские и японские руководители могут рассматривать варианты политического или даже военного сотрудничества между своими странами, на случай падения Америки и возвышения Китая. Россия, пока в основном тешащая себя мечтами (или даже злорадствующая) по поводу неопределенных перспектив США, может присматриваться к независимым бывшим республикам Советского Союза как к начальным

плацдармам для укрепления своего геополитического влияния. Европа, ещё не достигшая однородности, будет разрываться в нескольких направлениях: Германия и Италия в силу коммерческих интересов будут тянуться к России, Франция и ненадежная Центральная Европа — к политически более сплоченному Евросоюзу, а Великобритания попытается нащупать равновесие внутри ЕС, сохраняя особые отношения со слабеющими Штатами. Найдутся и те, кто попытается поскорее урвать себе кусок регионального пирога, — Турция на территории прежней Османской империи, Бразилия в Южном

полушарии и тому подобное.

Однако ни в одном из этих случаев нет и не предвидится необходимого сочетания экономической, финансовой, технологической и военной мощи, позволяющего хотя бы приблизиться к унаследованию ведущей роли Штатов. Япония зависит от США в оборонном плане, поэтому ей придётся делать мучительный выбор — подстраиваться под Китай либо объединяться с Индией в оппозиции к нему. Россия по-прежнему не может смириться с развалом империи, опасается стремительной модернизации Китая и пока не определилась, видит она себя в

будущем Европой или Евразией. Притязания Индии на статус ведущей державы пока не выходят за рамки соперничества с Китаем. А Европа ещё не определилась с политическим курсом, однако продолжает благополучно полагаться на силу Америки. По-настоящему согласованных уступок ради общей стабильности (в случае если Америка действительно ослабнет) от всех этих стран ждать не приходится.

Странами, как и людьми, движут наследственные склонности (традиционные геополитические предрасположенности и собственное понимание истории), а способности различать спокойные амбиции и

опрометчивое самообольщение у всех разные. Поэтому, рассуждая о возможных последствиях перемен в глобальной иерархии власти в первой половине XXI века, нелишне помнить, что в XX веке два крайних случая подобного самообольщения вылились в национальные бедствия. Наиболее очевидным примером служит гитлеровская мегаломания, которая не только заставила своего обладателя переоценить способности Германии к мировому лидерству, но и побудила к двум личным стратегическим решениям, лишившим его всех шансов на сохранение контроля даже над континентальной Европой. Первой

ошибкой было, завоевав Европу, но по-прежнему воюя с Великобританией, напасть на Советский Союз, а второй — объявить войну Соединённым Штатам, не выйдя из смертельной схватки с СССР и Великобританией.

Второй пример менее драматичен, однако на кону также стояло мировое господство. В начале 1960-х советское руководство официально заявило, что в 1980-х Советский Союз догонит и перегонит Америку в экономическом и технологическом развитии (амбиции Советов подогревал успешный запуск первого космического спутника). Значительно переоценив свои

экономические возможности, к концу 1970-х СССР активно участвовал вместе с США в гонке вооружений, где, помимо уровня технического развития и способности к инновациям, ключевую роль играл и ВВП, ограничивающий практические масштабы глобального политического и военного влияния. По обеим статьям СССР катастрофически просчитался. А затем усугубил последствия своего просчета ошибочным решением ввести войска в Афганистан в 1979 году. Десятилетие спустя выжатый до капли Советский Союз испустил дух, а советский блок распался.

Сегодня аналогов фашистской Германии и Советской России в мире не наблюдается. Ни одна ведущая держава в текущем распределении баланса сил не выказывает самообольщения, свойственного печально известным претендентам на мировое господство в XX веке, и ни одна пока не готова — в политическом, экономическом, военном отношении — примерить корону мирового лидера. Кроме того, ни одна не может похвастаться таким неопределенным, но важным качеством, как легитимность, которая ещё недавно ассоциировалась с США. Ни одна не воплощает собой доктрину,

претендующую на универсальное применение, подкрепленную притязаниями на исторический (в случае Гитлера — скорее «истерический») детерминизм.

Важнее всего, что Китай, который неизменно называют наиболее вероятным преемником Америки, обладает впечатляющей имперской родословной и несет в крови стратегическую привычку к целенаправленному выжиданию, сыгравшему ключевую роль в его многотысячелетней истории успеха. Поэтому Китай благоразумно принимает существующую международную систему, не обязательно признавая за

господствующей в ней иерархией право на постоянство. Он сознает, что его собственный успех зависит от того, чтобы система не рухнула, а, напротив, развивалась в сторону постепенного перераспределения власти. Он хочет большей власти, жаждет международного признания и по-прежнему хранит обиду за свои «вековые унижения», однако уверенности в будущем у него прибавляется. В отличие от неудачных претендентов на мировое господство в XX веке Китай на данном этапе не вынашивает ни революционных, ни мессианских, ни манихейских планов.

Более того, действительность

такова, что Китай пока ещё не готов — и ещё несколько десятилетий не будет готов — в полной мере взять на себя мировую роль Америки. Само руководство Китая неоднократно подчеркивало, что по всем основным статьям развития, благосостояния и сил даже через несколько десятилетий Китай по-прежнему будет находиться на этапе модернизации, значительно отставая не только от США, но и от Европы и Японии по основным критериям современности и государственной мощи в пересчете на душу населения (см. Таблицу 3.1).

Общее население (млн)	США	ЕС	Китай	Япония
Население 2010	317,64	497,53	1354,15	127,00
Население 2025	358,74	506,22	1453,14	120,79
Население 2030	369,98	505,62	1462,47	117,42
Население 2050	403,93	493,86	1417,05	101,66

Источники: прогнозы ООН, исходящие из среднего коэффициента рождаемости (под ЕС подразумевается ЕС-27).

Старение — население в возрасте старше 65 лет	США	ЕС	Китай	Япония
% от общего населения. 2010	13,0%	17,5%	8,2%	22,6%
% от общего населения. 2025	18,1%	22,0%	13,4%	29,7%
% от общего населения. 2030	19,8%	23,8%	15,9%	30,8%
% от общего населения. 2050	21,6%	28,7%	23,3%	37,8%
Текущая продолжительность жизни (годы)	78,11	78,67	73,47	82,12

Источники: (1—4) прогнозы ООН, исходящие из среднего коэффициента рождаемости (ЕС = ЕС-27); (5) — «Всемирная книга фактов» ЦРУ.

ВВП (в долл. 2005 г., не ППС)	США	ЕС	Китай	Япония
ВВП 2010 (трлн \$ 2005 г.)	13,15	14,63	3,64	4,54
ВВП 2025 (трлн \$ 2005 г.)	19,48	19,10	16,12	5,56
ВВП 2030 (трлн \$ 2005 г.)	22,26	20,34	21,48	5,79
ВВП 2050 (трлн \$ 2005 г.)	38,65	26,62	46,27	6,22
ВВП на душу населения 2010 (\$ 2005 г.)	42 372	29 649	2 699	35 815
ВВП на душу населения 2025 (\$ 2005 г.)	54 503	38 320	11 096	47 163
ВВП на душу населения 2030 (\$ 2005 г.)	59 592	40 901	14 696	50 965
ВВП на душу населения 2050 (\$ 2005 г.)	88 029	55 763	32 486	66 361

Источник: прогноз Фонда Карнеги «Устройство мира в 2050 году» (The World Order in 2050), февраль 2010 г.

Таким образом, Китай, видимо, понимает (его инвестиции в американское благосостояние, продиктованные на самом деле личными интересами, говорят сами за себя), что резкая утрата Америкой мирового первенства приведет к всемирному кризису, который нарушит благополучие самого Китая и его долгосрочные перспективы. Благоразумие и терпение у Китая в крови. Но кроме того, Китай отличают амбициозность, гордость и сознание того, что его уникальная история лишь предисловие к его подлинной судьбе. Неудивительно, что в приливе откровенности один

дальновидный китайский общественный деятель, очевидно, считающий закат Америки и возвышение Китая неизбежными, не так давно заметил прибывшему с визитом американцу: «Только, пожалуйста, пусть Америка сдуется не слишком быстро».

Китайские руководители тоже благоразумно воздерживаются от открытых притязаний на мировое главенство. В общем и целом они по-прежнему руководствуются знаменитой максимой Дэн Сяопина: «Хладнокровно наблюдайте, укрепляйте положение страны; спокойно занимайтесь делами; скрывайте наши возможности и

выжидайте; держитесь в тени и никогда не покушайтесь на лидерство». Эта осторожная и даже обманчивая позиция соответствует и наставлениям древнего стратега Сунь Цзы, утверждавшего, что самая мудрая позиция в битве — выждать, пока противник совершит свои роковые ошибки, а затем воспользоваться преимуществом. Официальное отношение Китая к внутриэкономическим неурядицам и внешнеполитическим злоключениям Штатов тоже наводит на мысли об этом стратегическом руководстве. Историческая самоуверенность Пекина замешена на его взвешенной расчетливости и умении вынашивать

долгосрочные амбиции.

Нелишне отметить, что Китай — при всех его уникальных внутриэкономических успехах — до недавнего времени не пытался универсализировать свой опыт. В отличие от экстремистского коммунистического этапа эпохи Мао он больше не выдвигает амбициозных идей относительно необходимости для остального человечества перенимать его опыт модернизации и не выступает с идеологическими заявлениями о моральном превосходстве своего строя. В его глобальном имидже выделяется одна черта — очень прозаичная, но практичная и

вызывающая общую зависть: впечатляющие темпы годового прироста ВВП. Эта черта дает Китаю существенное конкурентное преимущество — особенно перед Латинской Америкой и экономически недостаточно развитой Африкой — в стремлении увеличить собственные инвестиции без продавливания политических реформ. (Например, объемы товарооборота между Китаем и Африкой выросли на 1000% — с 10 миллиардов долларов в 2000 году до 107 миллиардов в 2008 году.)

Кроме исторически сложившегося поведения и имиджа Китая, немаловажно принять во

внимание и некоторые нерешенные вопросы, которые могут серьезно отразиться на внутриполитическом и социальном развитии Китая. В политическом отношении Китай перешел от радикального тоталитаризма — периодически перемежающегося бесчеловечными и даже кровавыми политическими кампаниями (в частности, «Большой скачок» и «Культурная революция») — к государственному капитализму, приобретающему всё более националистически-авторитарный оттенок. Пока эта новая формула рождает невиданный экономический успех. Однако её социальный фундамент может дать трещину. Как

отмечалось ранее, экономический рост Китая и повышение социального благополучия уже вызвали острое социальное расслоение, которое больше невозможно скрывать от общественности. Новоявленный средний класс в крупных городах, помимо определенного уровня достатка, обрел — несмотря на все усилия властей по пресечению — доступ к международным источникам информации. В результате у людей появляются новые политические и социальные ожидания, а кроме того — неприятие существующих ограничений политических прав. Находятся и те,

кто готов с риском для себя удариться в активное политическое диссидентство.

За диссидентами могут пойти многие, учитывая, что привилегированный средний класс начинает жаждать более свободного политического диалога, более открытой социальной критики и прямого доступа к участию в государственной политике. Кроме того, среди гораздо более многочисленного слоя промышленных рабочих и ещё более многочисленных крестьян зарождается экономическая неудовлетворенность. Миллионы китайских промышленных рабочих

только начинают осознавать, насколько плохо оплачивается их труд по сравнению с богатеющим средним классом. Ещё более плотные и действительно нищие крестьянские массы — из которых выходят миллионы нетрудоустроенных, перемещающихся из города в город в поисках неквалифицированной работы, — только начинают претендовать на увеличение своей доли национального богатства.

Таким образом, озабоченность внутренней стабильностью у Китая только возрастет. Серьёзный внутриполитический или социальный кризис — например,

повторение тяньаньмыньских событий 1989 года — может нанести существенный урон международному престижу Китая и свет и на нет все несомненные достижения последних трех десятилетий. Из этих соображений руководство страны скорее всего будет помалкивать насчет сроков стремительного восхождения Китая на вершину меняющейся мировой иерархии. Вместе с тем оно может принять во внимание и рост национальной гордости в слоях элиты, особенно в противовес Соединённым Штатам. И действительно, к концу первого десятилетия XXI века полуофициальные китайские

обозреватели (в частности, пишущие для «Ляована», еженедельника, выпускаемого государственным информационным агентством) начали более открыто высказывать сомнения в исторической легитимности существующего всемирного статус-кво. Некоторые обозреватели международных событий начали выдвигать что-то похожее на зачатки идеологических притязаний на универсальную ценность китайской модели. По словам одного из обозревателей: «Нынешние сбои международных механизмов — это сбои западной модели, в которой, в свою очередь, главенствует «американская». На

более глубинном уровне это сбой западной культуры. Помимо активного участия в глобальном управлении и достойного выполнения своей роли крупной развивающейся страны, Китай должен взять на себя инициативу донести китайское понятие «гармонии» до остального мира. Мировая история знает немало примеров, когда возвышение страны сопровождается рождением новой концепции. Концепция «гармонии» служит теоретическим отражением мирного возвышения Китая, и её следует распространять вместе с понятиями справедливости, взаимной выгоды и совместного

развития» («Грядущий статус Китая в мире», «Ляован», 10 октября 2008 года).

Кроме того, китайские обозреватели временами переходят на более открытую критику американского мирового лидерства. Вот что утверждает другой китайский комментатор международных событий: «Несмотря на то, что финансовый кризис заставил США существенно поумерить свои «однополюсные» амбиции. Штаты по-прежнему не принимают многополярную международную структуру, по-прежнему изо всех сил стараются сохранить мировое господство и

любой ценой удержать статус «первого лидера». Учитывая продолжающийся стремительный рост Китая и повышение его статуса как восходящей крупной державы, рано или поздно в расстановке сил Китай и США поменяются местами, за которые обеим сторонам неизбежно придётся побороться. <...> Международный финансовый кризис выявил недостатки «американской модели», поэтому Штаты принялись усиленно «блокировать» и дискредитировать «китайскую модель» в глазах мировой общественности. Различия в политическом строе и ценностях обеих стран могут «раздуваться» и

далее» («Ляован», 7 февраля 2010 года).

Именно после финансового кризиса 2007 года со стороны Китая участилась и стала более открытой критика американского строя и глобального положения Америки. Штаты обвиняются в порождении финансового кризиса и в нежелании признать активную роль Китая в организации коллективных международных действий по борьбе с бедствием. Китайские политические СМИ с растущим пристрастием отчитывают Америку за невнимание к интересам Китая и за вмешательство в 2010 году в разногласия КНР со своими

азиатскими соседями по вопросу прав в Южно-Китайском море. Некоторые обозреватели даже обвинили Америку в намерении взять Китай в кольцо.

В подобных реакциях отражается не только растущее историческое самосознание Китая — которое легко может перерасти в переоценку своих сил, — но и набирающий обороты китайский национализм. Китайский национализм обладает мощной и потенциально взрывоопасной силой. Он коренится в гордости за свою историю, однако в то же время подпитывается обидой за прошлые, но не канувшие в Лету унижения.

Власти вполне могут воспользоваться им и сделать орудием манипуляции. И действительно, в случае внутренних социальных потрясений на национальных чувствах можно сыграть, чтобы предотвратить социальный раскол и сохранить политический статус-кво.

Однако на определенном этапе национализм может испортить глобальный имидж Китая, помешав его международным интересам. Глубоко националистичный и самоуверенный Китай — гордящийся своей растущей мощью — может невольно настроить против себя внушительную коалицию

окружающих стран. Дело в том, что ни один из главных соседей Китая (это Япония, Индия и Россия) не видит в Китае претендента на возможно освобождающееся место Америки на вершине всемирного тотемного столба. Не исключено, что в конечном итоге у соседей Китая просто не окажется выбора, однако скорее всего сперва они попытаются противодействовать подобному возвышению. Возможно, необходимость осадить зарвавшийся Китай заставит их искать поддержки у слабеющей Америки. Накал региональной борьбы за власть может сильно возрасти, особенно учитывая собственную склонность

трех главных соседей Китая к националистической патетике.

Даже неофициальная антикитайская коалиция этих трех держав чревата существенными геополитическими последствиями для Китая. В отличие от Штатов с их выгодным географическим положением Китаю трудно уберечься от возможной стратегической блокады. Выход в Тихий океан Китаю перекрывает Япония, от Европы Китай отделяет Россия, а Индия контролирует подступы к одноименному океану, который служит для Китая главными воротами на Ближний Восток. До сих пор «мирно возвышающийся»

(по определению самих китайских руководителей) Китай завоевывал в Азии друзей и даже прихлебателей, однако самоуверенный и националистический Китай может оказаться в изоляции.

Далее в регионе может начаться стадия острого международного напряжения, которое способно приобрести угрожающую форму, в первую очередь и в частности ввиду растущего индийско-китайского соперничества в Южной Азии (но и к Азии в целом это тоже относится). Индийские стратеги открыто говорят о более великой Индии, которая будет господствовать на территории от Ирана до Таиланда. Кроме того,

Индия настраивается на военный контроль над Индийским океаном — на это четко указывают программы наращивания её военно-морского и военно-воздушного могущества, а также политически обоснованное стремление (с геостратегическим подтекстом) укрепить позиции в соседних Бангладеш и Мьянме. Благодаря своему участию в строительстве портовых сооружений в этих двух государствах Индия получает возможность добиваться контроля над морским путем через Индийский океан.

Стратегические взаимоотношения Китая с Пакистаном, равно как и его

попытки не отставать от Индии по присутствию в Мьянме и Бангладеш, тоже отражают более широкий стратегический замысел и вполне понятное желание защитить необходимый морской выход к Ближнему Востоку через Индийский океан от посягательств могущественной соседки. Китай исследует возможность развернуть крупное строительство на юго-западном побережье Пакистана, недалеко от иранской границы — в Гвадаре, на выдающемся в Индийский океан полуострове — и провести оттуда дорогу либо трубопровод на свою территорию. В Мьянме, где Индия модернизирует

порт Ситуэ с целью сократить путь к своему географически отрезанному северо-востоку, Китай инвестирует в порт Кияукпру, из которого до Китая также можно дотянуть трубопровод, тем самым уменьшая необходимость пользоваться более долгим путем через Малаккский пролив. Кроме того, на кону имеется ещё один более крупный куш — военнополитическое влияние в самой Мьянме.

Китай кровно заинтересован в том, чтобы Пакистан оставался серьёзным военным препятствием для стратегических интересов и растущих амбиций Индии. Поэтому планы по строительству в Пакистане

военно-морской базы продиктованы не только желанием закрепить китайское присутствие в Индийском океане, но и подчеркнуть, насколько важен для Китая сильный Пакистан и здоровые китайско-пакистанские взаимоотношения. И хотя Китай и Индия старательно избегают вооружённых столкновений после непродолжительного конфликта 1962 года, тесные китайско-пакистанские связи, внутренняя уязвимость Пакистана, военно-морское соперничество между Индией и Китаем в Индийском океане, а также повышение глобального статуса обеих стран могут повлечь за собой опасную гонку вооружений или, что

ещё хуже, настоящий конфликт. К счастью, пока руководство обеих стран демонстрирует понимание того, что мелкие вооружённые столкновения ничего не решат, а большая война между двумя ядерными державами уничтожит все.

Тем не менее даже пограничные инциденты могут подогреть китайские и (или) индийские националистические амбиции, которые трудно будет сдерживать политическим контролем. В этом отношении Индия менее надёжна, поскольку её политическая система отличается меньшей авторитарностью и индийская общественность ввиду понятных

опасений насчет китайско-
пакистанского сговора гораздо более
склонна к распространению
антикитайских настроений, чем
Китай — к распространению
антииндийских. Более того,
индийская пресса — отражая зависть
к более впечатляющим темпам
китайской модернизации, более
производительной экономике и более
высокому глобальному статусу — все
громогласнее заявляет о
потенциальной геополитической
угрозе индийской безопасности со
стороны Китая. Вот как представляет
своим читателям суть описанного
выше взаимного индийско-
китайского соперничества в Южной

Азии вторая по величине в Индии ежедневная газета на английском, читаемая англоговорящей элитой («Хиндустан таймс», «Китай расширяет военные игры», 25 августа 2010): «Для кого Китай ведет эти взвешенные и мотивированные приготовления к войне? <...> Китай выстроил гвадарский порт — в стратегически выгодной точке Пакистана, — чтобы держать руку на пульсе морского сообщения и заодно приглядывать за Индией. <...> Таким образом, при явной и скрытой поддержке со стороны Пакистана Китаю удалось нейтрализовать Индию на суше и на море. Кроме того, нарушая все международные

правила, Китай не таясь превратил Пакистан в ядерную державу в противовес Индии. Не менее примечательно и стремление к строительству портов, нефтепроводов и автомагистралей в Мьянме. И наконец, порт Хамбантота, строящийся при участии Китая в Шри-Ланке, которая физически является отделенной частью полуострова Индостан, — это претворение в жизнь тщательно спланированной стратегии под названием «жемчужное ожерелье», которая состоит в том, чтобы окружить Индию со стороны Индийского океана».

История сыграла бы злую шутку,

позволив повторному появлению Китая на международной арене обернуться конфликтами, наносящими ущерб растущей роли Азии в мировых событиях. Однако до сих пор возвышение Китая основывалось на впечатляющих и ощутимых достижениях, а также отличалось успокаивающей взвешенностью.

Верховное политическое руководство Китая явно сознает, что его большие планы на далекое будущее тоже могут пострадать, если мир погрязнет в постамериканских разборках.

В любом случае, независимо от расчетов верховного руководства Китая и некоторых симптомов

растущего националистического нетерпения, похоже, что на пути к вершине мирового господства Китай ждёт гораздо больше препятствий, чем в свое время встретила Америка, и если Китай свое нетерпение не поумерит, он может столкнуться с куда более активным отпором, чем пришлось выдержать Америке в эпоху своего взлета. У Китая нет тех географических и исторических преимуществ, которыми обладала Америка на заре своего возвышения в начале XX века. И в отличие от Америки, которой в последнее десятилетие XX века досталась роль единственной в мире супердержавы, восхождение Китая на вершину

происходит, во-первых, на фоне соперничества с другими региональными силами, а во-вторых, сильной зависимости от стабильности существующей международной экономической системы. Однако система эта может оказаться в опасности, если постамериканская неразбериха создаст мировую тенденцию к кратковременному, но интенсивному утверждению национальных интересов — как раз когда беспрецедентно возрастет потребность в международном сотрудничестве.

2. Наиболее геополитически уязвимые государства

В современном мире безопасность некоторых наиболее слабых государств, расположенных рядом с главными силами в регионе, зависит (даже при отсутствии особых обязательств США перед ними) от международного статус-кво, подкрепленного глобальным господством Америки. Находящиеся в этом уязвимом положении государства можно назвать геополитическими аналогами вымирающих биологических видов.

Кроме того, некоторых из них более сильные соседи начинают воспринимать как символ ненавистного вторжения Америки в их существующую или воображаемую сферу регионального влияния. Соответственно, поддавшись соблазну сделать решительные шаги в их сторону, Америка только поспособствует утрате своего глобального статуса.

Однако несмотря на неприязнь, которую вызывает у существующих основных региональных сил эта роль Америки, они все же стараются не допустить цепной реакции, способной повлечь за собой крах международной системы. Именно

возможность такой цепной реакции удержала Россию в 2008 году от силового воздействия на Грузию (во время краткого российско-грузинского столкновения по поводу Осетии и Абхазии). Россия осознала, что продолжение военных операций испортит общие отношения между Востоком и Западом и, возможно, приведет к конфронтации с США. Учитывая свою сравнительную слабость и малоудовлетворительное состояние своих вооружённых сил, Россия решила не устраивать себе пиррову победу и довольствоваться мелкими территориальными успехами. Однако серьёзное ослабление Америки по внутренним

и (или) внешним причинам почти автоматически ослабит и подобные сдержки. И тогда международная обстановка начнет постепенно двигаться в сторону «выживания сильнейших».

Приведём частичный список наиболее уязвимых государств, с кратким комментарием (очерёдность в списке не зависит от уровня уязвимости и геополитической вероятности попасть под удар).

1. Грузия

В случае ослабления Америки Грузия окажется полностью

уязвимой как для политического давления, так и для вооружённой агрессии со стороны России. В данный момент Штаты обеспечивают своей поддержкой независимость Грузии и одобряют её стремление вступить в НАТО. Кроме того, с 1991 года Штаты оказали Грузии финансовую поддержку в размере трех миллиардов долларов, один миллиард из которых был перечислен после войны 2008 года. В подтверждение данной политики на совместной пресс-конференции в Тбилиси 6 июля 2010 года госсекретарь Хилари Клинтон официально заявила, что «Соединённые Штаты не различают

сфер влияния».

Ослабление Америки наверняка отразится на надежности подобных общих обязательств. Последующее ограничение возможностей Штатов (особенно затрагивающих стремление НАТО стоять на своем) может само по себе всколыхнуть у России желание вернуть прежнюю сферу влияния, просто из-за уменьшения американского присутствия в Европе, независимо от состояния российско-американских отношений. Дополнительным мотивирующим фактором для Кремля послужит стойкая личная неприязнь Владимира Путина к нынешнему президенту Грузии

Михаилу Саакашвили, чье смещение с поста превратилось для российского руководителя в навязчивую идею.

Спровоцировать Россию может и то, что США спонсировали проведение через Грузию южного коридора для поставок энергоресурсов в Европу, в частности — строительство нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан и газопровода Баку-Тбилиси-Эрзурум, которые в конечном итоге должны дотянуться до Европы через Турцию. Россия сорвет огромный геополитический и экономический куш, вернув почти обретенную монополию на пути энергопоставок в Европу, в случае

разрыва связей между США и Грузией.

Подчинение Россией Грузии скорее всего затронет (по цепной реакции) и Азербайджан, являющийся главным поставщиком энергоресурсов по южному коридору, который способствует энергетической диверсификации в Европе, косвенно ограничивающей политическое влияние России на европейские дела. Таким образом, в случае ослабления Америки Россия, особенно воодушевленная успешным подчинением Грузии и почувствовавшая, что теперь у нее развязаны руки, с большой долей вероятности попытается надавить и

на Азербайджан. А тот с учетом обстоятельств вряд ли даст отпор воспрянувшей духом России. И тогда Европа в целом будет гораздо больше вынуждена считаться с политическими планами Российской Федерации.

2. Тайвань

С 1972 года США формально принимают постулат КНР о «едином Китае», сформулированный в трех китайско-американских коммюнике (1972, 1979 и 1982 гг.), придерживаясь в то же время позиции, что ни та ни другая сторона

не должна менять статус-кво силой. На сохранении мирного статус-кво строилась политика Америки по отношению к землям по обе стороны Тайваньского пролива, поскольку связи как с растущим Китаем, так и с демократизирующимся и всё более ориентированным на свободный рынок Тайванем выгодны для усиления американского присутствия на Тихом океане и для деловых интересов Америки на Дальнем Востоке.

Продолжающиеся поставки оружия в Тайвань США оправдывают выполнением политики статус-кво, утвержденной в 1979 году, во времена нормализации американо-китайских

дипломатических отношений, и тем, что модернизация оборонительных способностей Тайваня необходима для защиты автономии страны до тех пор, пока тайваньский вопрос не разрешится мирным путем. Китай эту позицию отвергает и на основании суверенитета оставляет за собой право прибегнуть к силе. Однако на самом деле он всё больше придерживается политики сближения двух сторон Тайваньского пролива. В последние годы китайско-тайваньские отношения потеплели, и летом 2010 года стороны подписали Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве на относительно равных условиях.

Ослабление

Америки,

несомненно, увеличит уязвимость Тайваня. Руководящие лица в Тайбэе уже не смогут закрывать глаза ни на прямое давление Китая, ни на несомненную привлекательность экономически более успешного материкового соседа. Что по меньшей мере подстегнет воссоединение разделенных проливом земель, однако произойдет это на неравных, более выгодных для материкового Китая условиях. А если ослабление Штатов неблагоприятно отразится и на американо-японских стратегических связях, Китай может не устоять перед соблазном (особенно учитывая национальные

чувства китайцев по этому вопросу) усилить давление на Тайвань с угрозой силового воздействия, чтобы воплотить в жизнь концепцию «единого Китая», которую Штаты подтвердили как политическую действительность ещё в 1972 году. Успех подобного воздействия может привести к общему кризису доверия со стороны Японии и Южной Кореи, вызванного сомнениями в надёжности взятых на себя Штатами обязательств.

3. Южная Корея

В 1953 году Соединённые

Штаты подписали с Южной Кореей пакт о взаимной защите и с 1950 года, после нападения на нее Северной Кореи при поддержке Советского Союза и Китая, выступали гарантом её безопасности. Кроме того, впечатляющий экономический взлет Южной Кореи и демократический строй послужили свидетельством успеха вмешательства Штатов в её дела. Однако за последующие годы северокорейские власти организовали ряд провокаций против Южной Кореи, начиная от убийства членов кабинета министров до покушений на южнокорейского президента. В 2010 году Северная

Корея потопила южнокорейский корвет «Чхонан» вместе с большей частью команды, а в ноябре 2010 года открыла артиллерийский огонь по южнокорейскому острову, что привело к гибели военных и мирных граждан. В обоих случаях Южная Корея искала поддержки Штатов, подчеркивая тем самым, насколько её безопасность все ещё зависит от Америки.

Северная Корея тоже меняет свою военную стратегию, не исключая возможности асимметричных боевых действий против Южной Кореи, основанных на разработке баллистических ракет ближнего радиуса действия,

дальнобойной артиллерии и ядерного оружия. Если нападение с применением обычных видов оружия Южная Корея вполне способна отразить сама, то в предотвращении и отражении возможного ядерного удара она активно полагается на сотрудничество Штатов.

Ослабление Америки поставит Южную Корею перед мучительным выбором: либо принять региональное господство Китая и в дальнейшем полагаться на него как на гаранта безопасности в Восточной Азии, либо искать более тесного, хотя и исторически непопулярного, сотрудничества с Японией на основе общих

демократических ценностей и опасений агрессии со стороны КНДР или Китая. Однако склонность Японии противостоять Китаю без сильной поддержки Штатов как минимум сомнительна. Поэтому если защитные обязательства Штатов по отношению к Восточной Азии ослабнут, Южной Корее придётся справляться с военной или политической угрозой в одиночку.

4. Беларусь

Спустя двадцать лет после распада Советского Союза Беларусь по-прежнему зависит от России в

политическом и экономическом отношении. Туда идёт одна треть всего её экспорта, и, кроме того, Беларусь почти полностью зависит от России в удовлетворении своих энергетических потребностей. Из 9,6 миллиона белорусов большинство говорит по-русски, независимым государством Беларусь стала лишь в 1991 году, и глубина национального самосознания её народа ещё не измерена. Благодаря всем этим факторам и сохраняется влияние Москвы. Например, в 2009 году российские вооружённые силы проводили в Беларуси крупные манёвры (с участием белорусской стороны) под названием

«Запад-2009», в которых отрабатывалось отражение гипотетической атаки с запада, завершавшейся имитацией российского ядерного удара по столице соседнего западного (то есть натовского) государства.

Тем не менее зависимые белорусско-российские отношения не обошлись без конфликтов. Беларусь, несмотря на открытое давление со стороны Путина, отказалась признавать независимость Южной Осетии и Абхазии (которую Россия провозгласила после столкновения с Грузией в 2008 году). В то же время отсутствие демократизации

вследствие семнадцатилетней диктатуры под властью президента Лукашенко препятствует установлению значимых отношений с Западом. С ограниченным успехом наладить гражданские связи между Беларусью и ЕС пытаются Польша, Швеция и Литва.

В свете всего этого заметное ослабление Америки даст России возможность практически безнаказанно поглотить Беларусь — с минимальным применением силы и пожертвовав разве что своей репутацией ответственного регионального лидера. В отличие от Грузии Беларусь не располагает ни западным оружием, ни

политическими симпатиями со стороны Запада. Евросоюз в отсутствие американской поддержки вряд ли вмешается, а некоторым западноевропейским странам до Беларуси дела нет вовсе. ООН в подобном случае не проявит себя практически никак. Центральноевропейские государства, сознающие, насколько опасна нарастившая мускулы Россия, могут потребовать обычной реакции НАТО, однако с учетом ослабления Америки маловероятно, что они добьются сильного коллективного воздействия.

5. Украина

Не требующее от России особых усилий или затрат поглощение Беларуси поставит под удар будущее Украины как по-настоящему суверенного государства. Российско-украинские отношения после обретения Украиной независимости в 1991 году тяготели к напряженным, тогда как отношения Украины с Западом тяготели к неопределенности. Россия неоднократно пыталась склонить Украину к выгодным для себя решениям, используя в качестве инструмента политического давления энергопоставки. В 2005, 2007 и 2009 годах Россия либо угрожала приостановить, либо

приостанавливала поставки газа и нефти на Украину из-за ценовых проблем и огромных задолженностей Украины по оплате. Летом 2010 года президент Украины Янукович был вынужден продлить срок аренды Россией военно-морской базы в черноморском порту Севастополь ещё на двадцать пять лет в обмен на российские энергопоставки по льготным ценам.

Украина — это значимое европейское государство с 45-миллионным населением, сильной промышленностью и потенциально высокопроизводительным сельским хозяйством. Присоединив ее, Россия одновременно и обогатится, и

сделает гигантский шаг к восстановлению своих имперских границ — о чем с ностальгией мечтают некоторые из её руководителей. Поэтому с большой долей вероятности Кремль продолжит подталкивать Украину к объединению с Россией в «единое экономическое пространство», постепенно лишая её прямого контроля над крупнейшими промышленными активами путем слияния и поглощения российскими компаниями. В то же время Россия будет тихой сапой внедряться в украинскую службу безопасности и силовые структуры, чтобы ослабить способность Украины защитить в

случае необходимости свою независимость.

И наконец, при ослаблении Америки пассивная реакция Европы на поглощение Беларуси, а также успешная попытка силой поставить на колени Грузию могут побудить российское руководство замахнуться и на более официальное воссоединение. Однако задача это непростая — чтобы склонить украинцев к официальному союзу с экономически более устойчивой Россией, понадобится сила и как минимум спровоцированный на Украине экономический кризис. Россия при этом рискует вызвать запоздалую националистическую

реакцию, особенно со стороны украиноязычного запада и центра страны. Молодое поколение украинцев, как русско-, так и украиноязычных, постепенно проникается всё более глубокими патриотическими чувствами, независимая Украина становится частью их сознания и мировоззрения. Поэтому время может играть против добровольного объединения Киева с Москвой, но нетерпеливое подталкивание в эту сторону со стороны России, как и равнодушие Запада приведут к потенциальному появлению бочки с порохом у самой границы Евросоюза.

6. Афганистан

Разорённый беспрецедентно жестокими девятилетними боевыми действиями Советского Союза, а после вывода советских войск на десять лет позабытый Западом; разваленный средневековым правлением талибов, захвативших власть с помощью Пакистана; в течение семи лет президентства Буша то подвергавшийся вялым атакам американских войск, то спорадически принимавший экономическую помощь, Афганистан сейчас лежит в руинах. Объемы производства, если не считать «черных» оборотов от

наркоторговли, у него почти нулевые, безработица составляет 40%, и в мировом рейтинге по объему ВВП на душу населения он занимает 219-е место. Лишь 15—20% населения имеют возможность пользоваться электроэнергией.

В случае стремительного ухода уставших воевать либо вступивших на путь упадка Штатов наиболее вероятным результатом будет распад страны, а у окружающих государств — попытки помериться силами за влияние в Афганистане. Ввиду отсутствия в Кабуле авторитетного и стабильного правительства, власть в стране возьмут соперничающие полевые командиры. Пакистан и

Индия начнут бороться за влияние в Афганистане более открыто и настойчиво — возможно, не обойдется и без участия Ирана. В итоге возрастет вероятность по крайней мере косвенных военных действий между Индией и Пакистаном.

Иран скорее всего попытается извлечь свою выгоду из пакистано-индийского соперничества. И Индия, и Иран опасаются, что любое усиление пакистанского влияния в Афганистане серьезно отразится на региональной расстановке сил, а для Индии укрепит воинственный настрой Пакистана. Кроме того, прилегающие центральноазиатские

государства — учитывая значительную долю таджикских, узбекских, киргизских и туркменских общин в Афганистане — также могут оказаться втянутыми в передел региональной власти. И чем больше участников он втянет, тем больше вероятность более серьёзного регионального конфликта.

Во-вторых, даже если ко времени планируемого сейчас вывода американских войск в Афганистане появится авторитетное правительство — с подобием центральной власти, — последующая невозможность поддерживать спонсируемое Штатами международное обеспечение

региональной стабильности скорее всего раздует огонь этнической и религиозной вражды. «Талибан» (при поддержке со стороны пакистанских талибов) может снова выступить в Афганистане главной разобщающей силой, и тогда страна погрязнет в распрях между полевыми командирами. Афганистан станет ещё более крупным участником международной наркоторговли и, возможно, прибежищем международного терроризма.

7. Пакистан

Несмотря на то что страна

обладает ядерным оружием XXI века и удерживается от распада профессиональной армией XX века, большая часть народа — за исключением политически активного среднего класса и скученного населения крупных городов — по-прежнему ведет средневековый, сельский образ жизни, подчиняясь региональному или племенному укладу. Их объединяет мусульманская вера, послужившая мощным толчком к отделению от Индии после ухода оттуда британцев. Последовавшие почти сразу конфликты с Индией способствовали формированию у пакистанцев отдельного

национального самосознания, а насильственное разделение Кашмира разожгло глубокую взаимную неприязнь у обеих стран.

Политическая нестабильность Пакистана — главная причина его уязвимости. Ослабленная Америка уже не сможет способствовать консолидации и развитию страны. В Пакистане воцарится военная диктатура либо радикальный ислам, либо и то, и другое вместе, либо он рискует остаться вовсе без централизованного правления. Наихудший сценарий развития событий — ядерная военная диктатура либо антизападное воинственно-исламистское

государство вроде Ирана. Подобные настроения могут заразить и другие страны Центральной Азии, увеличивая региональную нестабильность и добавляя хлопот как России, так и Китаю.

В подобном случае ослабление Америки может увеличить опасения Китая по отношению к Южной Азии и соблазн Индии пошатнуть позиции Пакистана. Ещё более вероятно, что Китай воспользуется пакистано-индийскими столкновениями, тем самым ещё больше усугубляя региональную нестабильность. И наконец, хрупкий мир или разгорание конфликта в регионе будут почти полностью зависеть от

того, насколько Индия и Китай смогут сдерживать свои растущие националистические порывы воспользоваться нестабильностью Пакистана, чтобы добиться регионального главенства.

8. Израиль и Ближний Восток

Помимо непосредственной опасности, угрожающей конкретным государствам в случае ослабления Америки, необходимо учитывать и вероятность более общего тектонического сдвига, нарушающего политическую стабильность на всем Ближнем Востоке. Хотя все

государства региона в той или иной степени подвержены внутреннему популистскому давлению, социальным волнениям и религиозному фундаментализму, как показали события начала 2011 года. Если к началу упадка Америки палестино-израильский конфликт так и не разрешится, неспособность найти приемлемый для обеих сторон выход ещё больше накалит политическую атмосферу в регионе. Общая враждебность к Израилю только усилится.

Логично предположить, что обозначившаяся слабость Америки в какой-то момент побудит наиболее сильные государства региона, в

частности Иран или Израиль, сыграть на опережение. В этом случае даже осторожное нащупывание тактического преимущества может спровоцировать кровопролитные акции против Израиля (с участием ХАМАСа или «Хезболлы» при поддержке Ирана), которые затем могут вылиться в более кровавые вооружённые столкновения и новые интифады. Слабым территориально-государственным образованиям, таким как Ливан и Палестина, придётся заплатить самую высокую цену в жизнях мирного населения. И что ещё страшнее, конфликт может принять самые катастрофические

масштабы из-за возможных ударов и контрударов, которыми будут обмениваться Иран и Израиль.

В подобном случае Соединённым Штатам придётся вступить в открытую конфронтацию с Ираном. Поскольку обычная война Америке, ослабленной боевыми действиями в Ираке и Афганистане (а к тому моменту, возможно, и в Пакистане), будет невыгодна, скорее всего Штаты воспользуются своим превосходством в воздухе, чтобы причинить Ирану значительный стратегический ущерб, нацелившись в первую очередь на его ядерные объекты. Гибель людей добавит к иранскому национализму

неугасающую ненависть к Америке с примесью исламского фундаментализма. Возрастет накал исламского радикализма и экстремизма на Ближнем Востоке в целом, грозя разрушительными последствиями для мировой экономики. От такого развития событий, несомненно, выиграет Россия: в экономическом отношении — благодаря росту цен на энергопоставки, а в политическом — благодаря переключению исламского гнева на Штаты. Турция, возможно, начнет более открыто сочувствовать исламскому негодованию, а Китай сможет более свободно преследовать собственные интересы в регионе.

В этом геополитическом контексте вопреки мнению полагающих, что безопасности Израиля пойдет на пользу конфронтация Америки с исламским миром, выживание Израиля в долгосрочной перспективе окажется под угрозой. Израилю хватит как военной, так и патриотической мощи отразить непосредственный удар и подавить палестинцев. Однако долговременная и достаточно щедрая поддержка со стороны Америки, продиктованная не столько стратегическими соображениями, сколько искренним моральным долгом, поиссякнет. По мере ослабления Америка, несмотря на

всю симпатию своего народа к Израилю, может всё больше склоняться к отказу от участия в делах региона, тогда как большинство остальных стран скорее всего возложит вину за беспорядки в ближневосточном регионе именно на Штаты. При наличии политически распаленных арабских масс, более настроенных на продолжительные боевые действия («народную войну»), Израиль, превратившийся в глазах общественности в «государство апартеида» (о чем предупреждал в 2010 году заместитель премьер-министра Эхуд Барак), вряд ли продержится долго. Уязвимость поддерживаемых

Штатами стран Персидского залива также имеет вероятность возрасти. Если влияние Штатов в регионе ослабнет, а Иран продолжит наращивать военную мощь и добиваться большего влияния в Ираке, который до вторжения Штатов в 2003 году препятствовал иранской экспансии, усилится неуверенность и тревога в Саудовской Аравии, Кувейте, Бахрейне, Катаре, Омане и ОАЭ. Тогда, возможно, они начнут искать новых, более успешных защитников своей безопасности, и наиболее подходящей экономически мотивированной кандидатурой окажется Китай, а значит,

геополитическая конфигурация Ближнего Востока изменится кардинальным образом.

Ещё тридцать пять лет назад Соединённые Штаты пользовались всеми выгодами тесных взаимоотношений с четырьмя главнейшими ближневосточными государствами — Ираном, Саудовской Аравией, Египтом и Турцией. Поэтому американским интересам в регионе ничто не угрожало. Сегодня американское влияние в каждой из этих четырех стран существенно ослаблено. С Ираном Америка враждует, Саудовская Аравия недовольна действиями Америки в регионе,

Турция разочарована тем, что Америка не проявляет участия к её региональным амбициям, и наконец растущий скептицизм Египта относительно его отношений с Израилем идет вразрез с приоритетами Америки. В общем и целом положение Штатов на Ближнем Востоке отчётливо ухудшается, и ослабление Америки добьёт его окончательно.

Если наиболее уязвимые государства скатывание Америки к международно-политическому бессилию и даже парализующему кризису, несомненно, затронет, то на масштабах международной

террористической деятельности оно вряд ли существенно отразится. Большинство терактов проводится местными группировками в пределах своей страны, а не за рубежом. Что в Италии, где за один 1978 год произошло около 2000 терактов, что в нынешнем Пакистане, где число жертв терактов ежегодно переваливает за полтысячи и постоянно происходят заказные убийства руководящих лиц, и источники, и цели внутреннего терроризма порождались внутренними же причинами. Так продолжается уже более ста лет, поскольку свой отсчет политический терроризм ведет с событий XIX века

в России и Франции. Таким образом, резкое ослабление Америки никак не повлияет на масштабы террористической деятельности, например в Индии, поскольку изначально породившие её причины никак не связаны с ролью Америки в мире. Учитывая, что порождает внутренний терроризм в большинстве случаев крайнее обострение местной или региональной политической напряженности, только изменение местных условий может как-то повлиять на этот вид терроризма.

Внимание поистине глобальных террористических сил Америка привлекла только в последние

полтора десятилетия. Рост этих сил связан с популистскими настроениями, распространением которых мы обязаны политическому пробуждению, особенно в некоторых мусульманских странах. Мишенью террористов Америка стала потому, что исламские религиозные экстремисты именно на ней сосредоточили свой гневный пыл, называя врагом ислама и неоколониальным «большим сатаной». Именно этим представлением об Америке как о воплощении сатаны воспользовался Усама бен Ладен в своей фетве 2001 года, которая и подстрекала к терактам 11 сентября. Дальнейшим

оправданием к нападению «Аль-Каиды» на Америку послужило недоказанное осквернение исламских святынь войсками Штатов в Саудовской Аравии и поддержка Америкой Израиля. Старший научный сотрудник Сабановского центра по исследованию ближневосточной политики в вашингтонском Институте Брукингса Барри Ридель отмечает, что в двадцати из двадцати четырех своих основных обращениях, как до, так и после 11 сентября, бен Ладен оправдывает вооружённые действия против Америки оказанием поддержки Израилю.

Идейной основой для

международных терактов послужили манихейские представления о США, бытующие у экстремистских мусульманских фанатиков. Соответственно упадок Америки расформированию этих группировок не поспособствует — однако и не придаст им сил, поскольку их идеология в отличие от других, больше завязанных на внутренней политике вроде ХАМАСа и «Хезболлы», не несет в себе политической подоплеки. Поэтому маловероятно, что фундаменталисты террористического толка смогут взять под контроль раздирающие исламский мир противоречия. И даже если смогут, результатом

вероятнее окажется междоусобная вражда, чем согласованные действия против внешнего противника. Нелишне будет отметить, что начиная со времён Бакунина^[8] и заканчивая бен Ладеном террору не удалось добиться поставленных политических задач либо в одиночку способствовать перестановке сил на международной арене. Терроризм может усугубить международную неразбериху, но не способен повлиять на её суть.

И напоследок — более общие выводы из вышеизложенного.

Во-первых, способность существующей международной

системы предотвращать конфликты начнет скорее всего снижаться, как только станет ясно, что Америка не хочет или не может защищать те государства, которые она прежде (в силу государственных интересов или идейных соображений) считала достойными своего покровительства. Более того, повсеместное осознание этой новой действительности может повлечь за собой распространение склонности к вооружённым региональным конфликтам, причем более сильные государства могут начать вырабатывать более узкий и односторонний подход к своим слабым соседям. От крупных региональных сил, возжелавших

свести геополитические или этнические счета со своими ближайшими, но уступающими им в могуществе соседями, может начать исходить серьёзная угроза мирному сосуществованию. Ослабление Америки даст карт-бланш потенциальным агрессорам, причем с минимальными последствиями для зачинщиков.

Во-вторых, некоторые из приведённых выше сценариев продиктованы тяжким наследием «холодной войны». Они свидетельствуют о том, что Америка упустила возможность воспользоваться формированием мирной зоны безопасности у

российских границ и вовлечь Россию в более тесное сотрудничество в оборонной области. Для этого, возможно, понадобилось бы совместное соглашение России и НАТО, поскольку НАТО своим расширением обеспечивало более прочное урегулирование восточно-западных отношений, одновременно помогая консолидировать зарождающуюся российскую демократию^[9]. Не исключено, такая инициатива со стороны Запада была бы отвергнута, но проверить это на практике возможности не представилось. Вместо этого после 2001 года Штаты бросили все силы на «войну с террором» и поиски

поддержки своих военных кампаний в Ираке и Афганистане, в ущерб более широким геостратегическим планам. Тем временем Россия двинулась по пути репрессивного авторитаризма и восстановления собственного влияния в рамках бывшего советского блока.

В-третьих, Восточная и Южная Азия окажутся наиболее уязвимыми для международных конфликтов в постамериканском мире. Превращение Китая и Индии в крупнейшие региональные державы с глобальными амбициями влечет за собой перестановку в распределении региональных сил, а их очевидное соперничество порождает

неизбежную неопределенность. Если Америка ослабнет, более уязвимым странам придётся делать геополитический выбор в обстановке растущей нестабильности, даже если Китаю и Индии удастся избежать крупных столкновений. В то же время в Китае растёт стремление противодействовать американскому влиянию в Азиатском регионе, тогда как в Восточной и Юго-Восточной Азии усиливается озабоченность потенциально экспансивными амбициями Китая. Усугубляет эту нестабильность открыто провозглашённая Северной Кореей разработка собственного ядерного оружия в сочетании с не

поддающейся расшифровке в силу своей опасной непредсказуемости внутренней политической динамикой. Упадок Америки развяжет руки государствам, подумывающим об одностороннем применении силы, поскольку ослабнут внутренние сдерживающие факторы, с которыми им обычно приходится считаться. В общем и целом упадок Америки неизбежно будет способствовать росту частоты, размаха и накала региональных конфликтов.

3. Конец добрососедства

С Америкой граничат всего два государства — Мексика и Канада. Несмотря на хорошие отношения с обеими соседками, Мексика представляет для Америки в случае упадка гораздо большую угрозу — из-за своей политико-экономической неустойчивости. Если на протяженной канадско-американской границе обстановка в основном спокойная, то американо-мексиканская граница, несмотря на небольшую длину, выступает очагом насилия и этнической напряженности, каналом наркотрафика, незаконной торговли

оружием и нелегальной иммиграции, а также источником политической демонизации. И хотя в экономическом отношении от Штатов зависят обе страны-соседки, ВВП которых примерно равны, около 15% мексиканской рабочей силы трудится в Америке, а доля мексиканского населения, живущего за чертой бедности, в два раза превышает соответствующую долю канадского населения. Кроме того, внутренняя политическая динамика Мексики отличается большей нестабильностью, и её взаимоотношения с Соединёнными Штатами исторически складывались более бурно. Поэтому если на Канаде

упадок Америки отразится отрицательно, Мексику он ввергнет в тяжёлый внутренний кризис с крайне пагубными последствиями для американо-мексиканских отношений.

За последние десятилетия Штатам и Мексике удалось наладить вполне благополучное взаимодействие. Однако их экономическая взаимозависимость и демографическая связь, сложившаяся за годы активной иммиграции мексиканцев в Штаты, а также общая для обеих сторон угроза безопасности, исходящая от трансграничного наркотрафика, ещё больше усложняют отношения между

двумя странами и делают их более
зависимыми от влияния
международных перемен.
Американцы привыкли принимать
относительную стабильность
Мексики как данность, не видя в ней
прямой угрозы стратегическому
положению своей страны и
безопасности всего Западного
полушария. Поэтому существенное
ухудшение американо-мексиканских
взаимоотношений и последующие
события окажутся серьёзным
потрясением для американского
народа, в большинстве своем не
представляющего, насколько
отличаются американская и
мексиканская версии развития

отношений между их странами в прошлом.

В американо-мексиканских отношениях присутствовали как конфликты, так и сотрудничество. Предпосылками к конфликтам зачастую служило усиление внутренней напряженности и политической неразберихи в Мексике, когда Америка опасалась наплыва беженцев, но при этом не упускала возможности расширить границы за счет более слабой соседки. Наиболее яркие примеры — непоследовательное и временами своекорыстное применение Штатами доктрины Монро; захватнические войны, закончившиеся в 1848 году

присоединением Техаса, Калифорнии и юго-западных штатов (около половины тогдашней территории Мексики) и вильсоновская оккупация Веракруса во времена Мексиканской революции. С другой стороны, в результате сотрудничества обеих стран (а также Канады) было подписано соглашение НАФТА о создании зоны свободной торговли — крупнейшей в мире на сегодняшний день.

Два века подъёмов и спадов в американо-мексиканских отношениях свидетельствуют о неотъемлемых трудностях в налаживании такого асимметричного

сотрудничества. Опасения с обеих сторон, политическая нестабильность Мексики и периодические захватнические тенденции у американских властей часто рублили нормализующиеся отношения на корню. Географическая близость только усложняла урегулирование, с одной стороны, делая более насущным экономическое сотрудничество и взаимодействие в области безопасности, а с другой — превращая политическую нестабильность и панику в препятствия для добрососедской взаимопомощи. Поэтому, учитывая всю эту череду больших

компромиссов и острой напряженности, выстраивание конструктивных американо-мексиканских отношений всегда было нелегкой задачей для руководства обеих стран.

Америку и Мексику объединяют общие культурно-личностные связи, а также экономические и оборонные проблемы, в совокупности придающие взаимовыгодный характер региональному партнёрству. До сих пор политическая и экономическая устойчивость Штатов помогала сглаживать такие острые углы, как экономическая зависимость, иммиграция и наркоторговля. Однако ослабление

Америки скорее всего снизит её экономическую устойчивость и политическую осмотнительность, обостря вышеупомянутые проблемы. Кроме того, оно может повлечь за собой рост националистических настроений, болезненную реакцию в вопросах национального самосознания, паранойяльные взгляды на внутреннюю безопасность и нежелание тратить ресурсы на чужое развитие. Поэтому стабильное сотрудничество с Мексикой вряд ли встретит народную поддержку.

В таких условиях внутренняя политика Соединённых Штатов будет скорее всего больше склоняться к

протекционизму, по примеру европейских стран после Первой мировой. Вряд ли Штаты продолжают создавать организации (такие, как Североамериканский банк развития), способствующие региональному (в первую очередь мексиканскому) экономическому росту посредством совместно финансируемых инициатив. Скорее Штаты начнут предоставлять субсидии влиятельному отечественному бизнесу, в ущерб мексиканскому экспорту. Роль Америки как мирового лидера нередко помогала защитить её торговую политику от протекционистских внутриэкономических настроений.

В результате мексиканская экономика будет серьёзно подорвана, что повлечёт за собой социальные и политические потрясения, ещё больше обостряющие два самых щекотливых вопроса в американо-мексиканских отношениях: иммиграцию и наркоторговлю. От решения обоих зависит напряженное, временами несвободное от злопамятства сотрудничество между Штатами и Мексикой. Для продуктивного партнёрства от Америки требуется справедливое обращение с мексиканскими иммигрантами и помощь Мексике в борьбе с наркоторговлей. Однако внутренние и региональные

перспективы слабеющей Америки почти наверняка заставят её ещё больше демонизировать мексиканскую иммиграцию и побудят усомниться в готовности Мексики бороться со своими наркокартелями. Штаты скорее прибегнут к более радикальным решениям (запрет на въезд или депортация иммигрантов, усиление или дислокация войск на границе), тем самым сводя добрососедство на нет и, возможно, разжигая геополитическую конфронтацию.

Причиной наплыва иммигрантов из Мексики (особенно незаконных) служит резкий контраст между политико-экономической

обстановкой в Мексике и Соединённых Штатах. Со временем поток мигрантов достиг огромных масштабов: в 2009 году в Америке их проживало 11,5 миллиона^[10]. Приблизительное количество нелегальных иммигрантов из Мексики, проживающих в США, — около 6,6 миллиона человек^[11]. И наконец, общее число этнических мексиканцев в Америке сейчас достигает порядка 31 миллиона (10% населения Штатов), и большинство из них сохраняют тесные связи со своими мексиканскими родными.

По понятным причинам граждан Мексики и мексиканское правительство тоже волнуют условия

проживания иммигрантов в Соединённых Штатах. Так, например, строгий иммиграционный закон 2010 года, направленный на ужесточение наказаний и правил депортации нелегальных иммигрантов, вызвал бурю негодования в Мексике. И хотя президент Обама отменил этот закон, Америка в глазах мексиканцев успела резко потерять в привлекательности. Согласно обзору Исследовательского центра Пью за 2010 год, после вступления в силу аризонского закона лишь 44% опрошенных мексиканцев относятся к Соединённым Штатам положительно — по сравнению с

прежними 62%.

Ужесточение мер и отношения Штатов к мексиканским иммигрантам усилит неприязнь со стороны Мексики и пагубно отразится на американо-мексиканском партнёрстве. После 11 сентября вопрос охраны границ стал для внутренней безопасности одним из первоочередных — призрак исламского террориста, проникающего через мексиканскую границу, усилил народные страхи, что привело к требованиям закрыть границу наглухо. Решение Штатов в буквальном смысле отгородиться от Мексики пограничной стеной уже всколыхнуло антиамериканские

настроения, вызвав неприятные ассоциации со «стеной безопасности», возведенной Израилем на Западном берегу, и Берлинской стеной. У слабеющей Америки проницаемость мексиканской границы и соответствующий поток иммигрантов будут вызывать ещё большие опасения, приводя к принятию ещё более жестких мер — и так далее по нарастающей.

Растущий антагонизм может повлиять и на сотрудничество в борьбе с наркоторговлей, которая уже вызывает активное беспокойство обеих стран. Поскольку Штатам удалось справиться с колумбийской

наркоторговлей, Мексика
постепенно занимает нишу
Колумбии в этом незаконном
бизнесе — 90% направляющегося в
Соединённые Штаты кокаина теперь
проходит через Мексику. В результате
в Мексике усиливается
криминогенная обстановка
(вспомним, например, Хуарес) и
волна насилия перехлестывает через
границу И хотя Штаты и Мексика
назначили борьбу с трансграничной
наркоторговлей приоритетным
направлением политики, проблема
ещё далеко не решена. Насилие
набирает обороты, коррупция не
ослабевает. С 2006 года
преступления, связанные с

наркотиками, унесли жизни 5000 мексиканцев; в 2009 году 535 сотрудников мексиканской полиции погибли при исполнении^[12]. В общем и целом все эти факторы оказывают непосильное давление на местные и государственные власти Мексики и на правоохранительные органы Штатов.

Если США ослабнут, сложность победы над наркотической пандемией будет расти в геометрической прогрессии, поскольку финансовые и военные ресурсы сократятся, а политика станет более односторонней. Если из-за роста антиамериканских настроений в Мексике, вызванного

экономическим протекционизмом Америки и ужесточением иммигрантской политики, тесное партнёрство между Севером и Югом прекратится, последующая потеря мексиканским правительством настроя на полное сотрудничество с США ослабит эффективность любых мер Америки по борьбе с наркоторговлей.

Кроме того, без поддержки Штатов мексиканское правительство не справится с наркокартелями, и тогда начнутся пагубные для американской безопасности попытки заставить мексиканские власти пойти на поводу у наркобаронов. Коррупция в Мексике догонит и

перегонит тот уровень, который наблюдался в стране до перехода власти от Институционно-революционной партии (ИРП) к открытой многопартийной демократии в 2000 году. Возвращение к подобному состоянию только усилит антимексиканские настроения в Штатах.

Ослабление партнёрства между Америкой и Мексикой может повлечь за собой региональные и даже международные перестановки. Отход Мексики от демократических ценностей, ослабление экономической мощи и политической стабильности вкупе с опасностью разрастания

наркокартелей ухудшит перспективы Мексики стать региональным лидером с проактивной и положительной программой. В этом, возможно, и будет заключаться последний аспект пагубного влияния упадка Америки: ослабленная, менее стабильная, экономически менее жизнеспособная и проникнутая антиамериканскими настроениями Мексика, утратившая возможность конструктивно конкурировать с Бразилией за партнёрское региональное лидерство или способствовать формированию стабильности в Центральной Америке.

В этом контексте также может

усилиться роль Китая в
постамериканской региональной
политике Западного полушария. В
рамках своего медленного движения
к усилению глобального влияния
КНР начала крупномасштабные
инвестиции в страны Африки и
Латинской Америки. Например,
Бразилия и Китай давно пытаются
наладить стратегическое
партнёрство в области энергетики и
технологий. Это не значит, что Китай
попытается захватить власть в этом
регионе, однако он определенно
выиграет от ослабления
регионального господства Америки,
помогая более открыто настроенным
против Америки странам в

экономическом развитии.

В более долгосрочной перспективе потенциальное ухудшение отношений между слабеющей Америкой и раздираемой внутренними проблемами Мексикой может привести к особенно опасному явлению: проникнутая национализмом и распаляемая приграничными столкновениями Мексика захочет, восстанавливая историческую справедливость, вернуть исконные территории. Политико-экономическая действительность заставила мексиканцев загнать поглубже историческую память об отнятых Штатами землях, чтобы не портить

выгодные отношения с самым сильным государством Западного полушария и (впоследствии) единственной в мире супердержавой. Однако в той действительности, где Мексика перестанет рассчитывать на ослабевшие Соединённые Штаты, столкновения на почве трансграничной наркоторговли могут легко перерасти в вооружённый конфликт. Несложно представить партизанские рейды через границу под лозунгом возвращения исконных мексиканских территорий — примеры подобного перерастания бандитизма в патриотическую борьбу истории известны. Дополнительным (и очень удобным)

предлогом может стать
представление об анти-
иммигрантских настроениях в
Штатах как о дискриминации,
требующей ответных мер. Отсюда
недалеко до следующего довода:
большая плотность мексиканского
населения на бывших мексиканских
территориях заставляет задуматься о
территориальном самоопределении.

Сейчас подобные рассуждения
выглядят фантастикой, не имеющей
отношения к реальности, однако
нужно учитывать, что
геополитическая картина в случае
заката американского могущества
резко изменится и затронет в том
числе когда-то натянутые, но в

последнее время вполне дружеские отношения между Америкой и Мексикой. В этом случае Америка утратит один из своих главных козырей, обозначенных в главе второй, — геополитически безопасное расположение, не отягощенное конфликтами с соседями.

4. Отчуждённое всеобщее достояние

Всеобщее достояние (области планеты, принадлежащие в равной степени всему миру) можно разделить на две основные группы — стратегическое и экологическое. Стратегическое достояние включает морское и воздушное пространство, космос и киберпространство, а также ядерную сферу, поскольку она связана с контролем над распространением ядерного оружия. В экологическую подгруппу входят геополитические последствия управления водными ресурсами,

Арктика, глобальные климатические изменения. В этих областях Америка благодаря своей почти всемирной гегемонии в последнее время пользовалась возможностью формировать так называемый новый мировой порядок. Однако если реформирование и охрана всеобщего достояния не обходились без участия и зачастую лидерской инициативы Америки, Штаты не всегда выступали в авангарде прогресса. Америка, как любая великая держава, пыталась в первую очередь создать выгодные для собственного развития условия — хотя в XX веке ею порой двигали более идеалистические порывы, чем

предыдущими известными истории государствами-гегемонами.

Нынешние кандидаты в мировые лидеры — Китай, Индия, Бразилия и Россия — играют все большую роль в этих глобальных управленческих процессах. Одного американо-европейского или американо-российского консенсуса недостаточно, чтобы диктовать условия обращения с всеобщим достоянием. На сцену — пусть медленно — выходят новые игроки, требуя расширить консенсус для охраны и реформирования всеобщего достояния. Тем не менее без участия и ведущей роли Америки решение новых и старых проблем по-

прежнему невозможно.

Сильнее всего смена парадигмы глобальной власти отразится, вероятно, на стратегической категории, связанной как с постепенным ростом возможностей и активности таких кандидатов в мировые лидеры, как Китай и Индия, так и с потенциальным угасанием американского главенства. Морское и воздушное пространство, космос, киберпространство — во всех этих ключевых для национальных интересов любой страны областях преимущественно господствует Америка. Однако в ближайшие годы — по мере роста сил и государственных амбиций других

крупных держав, а также общего
рассредоточения глобальной власти
— в них будет усиливаться
конкуренция и прибавится
участников.

Поскольку контроль над
стратегическим общим достоянием
основывается на материальном
преимуществе, другие страны по
мере наращивания военной мощи
неизбежно захотят подвинуть Штаты
на троне в надежде заменить их в
качестве регионального «серого
кардинала». Эта борьба за власть
легко может привести к просчетам,
снижению эффективности
управления либо
националистическому

межгосударственному
территориальному соперничеству за
стратегическое общее достояние.
Китай, например, считает
прилегающие воды частью своей
территории, поэтому большинство
спорных островов приписывает себе.
Сейчас он активно развивает свои
военно-морские силы, намереваясь,
лишив Америку доступа к Южно-
Китайскому и Восточно-Китайскому
морям, отстоять эти притязания и
укрепить свою региональную
позицию. Более того, в последнее
время Китай стал выводить
претензии по границам
территориальных вод и
принадлежности островов Сенкаку,

Парасельских и Спратли на уровень международного обсуждения. Россия также решила сделать развитие военно-морских сил первоочередной военной задачей, существенно увеличив финансирование Тихоокеанского флота. Индия продолжает расширять военно-морские силы и средства в Индийском океане.

Ключ к будущей стабильности в области стратегического общего достояния — постепенное выработывание глобального консенсуса для равномерного распределения ответственности мирным путем, пока Америка ещё не утратила влияния. Так, например,

успешное функционирование
глобализированной экономики
невозможно без мирного
урегулирования в морской области.
Ответственное управление
воздушным и морским
пространством выгодно всем
государствам, поскольку от этого
зависит международная торговля.
Таким образом, вполне возможно
выстроить справедливую систему
распределения ответственности,
даже на фоне меняющегося баланса
региональных сил.

Однако в ближайшее время, пока
такая система только начинает
складываться, одна страна может и
переоценить свои силы по

сравнению с соседями, либо попытаться захватить преимущество в ущерб остальным. Всё это может привести к серьёзным конфликтам, тем более что страны пытаются отвоевать себе доступ к энергоресурсам, скрытым под спорными водами.

Ослабление Америки чревато опасными последствиями для этого стратегического достояния, поскольку в настоящее время мир де-факто надеется на способность Штатов урегулировать и предотвращать морские разногласия. И хотя маловероятно, что упадок Америки подорвет её военно-морскую мощь (поскольку она имеет

решающее значение для ключевых государственных интересов), слабеющие Штаты, вероятно, не смогут или не захотят пресекать эскалацию морских конфликтов в зонах особенной напряженности — Индийском и Тихом океане.

Похожая картина наблюдается в освоении космического пространства, где пока почти безраздельно правят Соединённые Штаты: международная активность в этой области повышается благодаря растущим возможностям других кандидатов в мировые лидеры. Две наиболее острые проблемы в космической сфере — засорение околоземного пространства

космическим мусором и разработка космического оружия — усугубляются всплеском международной космической активности. Успешный запуск антиспутниковой ракеты, который совершил Китай в 2007 году, нанеся удар по собственному спутнику, беспрецедентно увеличил число опасных обломков на низкой околоземной орбите и опасения относительно предполагаемой милитаризации Китая космического пространства.

Пока США обладают наиболее развитой в мире системой слежения за орбитальными объектами, а значит, и способностью защитить

некоторые из своих активов, необходимо привести правила, регулирующие космические исследования, в соответствие с реалиями, сложившимися после «холодной войны», обеспечивая безопасность космической обстановки и запрещая подобное совершенному Китаем в 2007 году. Однако если из-за своего упадка Америка будет вынуждена сократить свои космические разработки или, что гораздо вероятнее, позволит — на фоне ослабления — другим кандидатам в лидеры, вроде Китая или Индии, считать космос подходящим полигоном для тестирования своей техники,

демонстрации своей растущей мощи и разжигания нового стратегического соперничества, «последний рубеж» может стать достаточно опасным.

Интернет сегодня тоже чем-то напоминает космос — бескрайнее пространство для торговли, общения, исследований и демонстрации силы. И военным, и коммерческим, и государственным структурам в равной степени необходимо свободное и надежное киберпространство для успешного выполнения своих функций. Однако одновременно обеспечивать свободу Интернета и гарантировать информационную безопасность — нелегкая задача, особенно с учетом

децентрализации и быстрого развития интернет-пространства. Как и в Мировом океане, обеспечение справедливого регулирования и свободы на этих просторах во многом зависит от Америки, поскольку в настоящее время Штаты контролируют (посредством базирующегося в Калифорнии частного некоммерческого образования под названием ICANN -- Корпорации по распределению номеров и имен в Интернете) большую часть доступа к киберпространству. Недовольство этой гегемонией, отягощенное подозрениями в кибершпионаже и серьёзной угрозой кибервойн

усложняет и без того сложную задачу управления этим стратегическим достоянием.

Обеспечивая свободу Интернета, эта система тем не менее не запрещает отдельным государствам, например, Китаю или Ирану, ограничивать своим гражданам доступ в Интернет, хотя Соединённые Штаты уже поставили себе первоочередную задачу публично выступить против подобных ограничений. Таким образом, не исключено, что ослабление Америки развяжет руки кандидатам в мировые лидеры, особенно не жалующим демократию и политические права личности, и

они попытаются изменить рабочие параметры Интернета, для того чтобы удобнее было ограничивать его потенциал за пределами своих государственных границ.

И наконец, для стабильности международной системы необходимо держать под контролем всемирное распространение ядерного оружия. Уже несколько лет Соединённые Штаты наиболее активно выступают за минимизацию его распространения, ставя своей конечной целью сведение ядерного оружия в мире к нулю. Кроме того, Штаты берут под свой ядерный зонт определенные неядерные государства, опасаясь своих

ядерных соседей, и тем самым гарантируют их безопасность. Поскольку Штаты являются крупнейшей и самой развитой ядерной державой и поскольку их глобальный статус зависит от стабильности, обеспечиваемой их ядерным зонтом, ответственность за лидерство в области нераспространения ядерного оружия целиком лежит на их плечах. В этой сфере, как ни в какой другой, мир по-прежнему полагается на Штаты как на лидера.

Сегодняшнее стремление Ирана вступить в ядерный клуб в сочетании с возможным завтрашним упадком Америки подчеркивает, насколько

опасно продолжать распространение ядерного оружия в XXI веке. Среди возможных последствий спад режима нераспространения, рост распространения среди стран — кандидатов в мировые лидеры, расширение российского, китайского и индийского ядерных зонтов, ускорение региональной гонки вооружений и большая возможность для террористических организаций похитить ядерное вещество. Упадок Америки глубочайшим образом затронет ядерную сферу, подорвав веру в надежность американского ядерного зонта. На ядерное прикрытие со стороны Штатов рассчитывают, среди прочих, такие

страны, как Южная Корея, Тайвань, Япония, Турция и даже Израиль. Если они увидят, как Америка постепенно отступает из определенных регионов, вынужденная в силу обстоятельств отозвать свои гарантии, или даже перестанут доверять существующим гарантиям Штатов в силу финансовых, политических, военных и дипломатических последствий ослабления Америки, им придётся искать другую защиту. И источников этой другой защиты может быть только два: собственное ядерное оружие либо прикрытие другой державы — скорее всего России, Китая или Индии.

Не исключено, что страны, напуганные амбициями существующих ядерных держав, появлением новых обладателей ядерного оружия и утратой веры в надежность американской мощи, начнут разрабатывать собственный ядерный потенциал. «Тайные» ядерные державы, такие как Германия и Япония, смогут присоединиться к ядерному клубу достаточно легко и быстро, учитывая имеющуюся у них развитую гражданскую ядерную индустрию, финансовое благополучие и технологический потенциал. Наличие ядерного вооружения у Северной Кореи и возможное

превращение Ирана в ядерную державу могут побудить союзников Америки в Персидском заливе и Восточной Азии к разработке собственных средств ядерного устрашения. Учитывая всё более агрессивное и менее предсказуемое поведение Северной Кореи, провал шестисторонних переговоров и массовое недоверие к мегаломаниакальному лидерству Ирана, гарантий безопасности, обеспечиваемых съезживающимся ядерным зонтом Америки, может оказаться недостаточно, чтобы предотвратить региональную ядерную гонку среди более мелких стран.

И наконец, несмотря на то что Китай и Индия в настоящее время придерживаются ответственной позиции минимума средств ядерного устрашения и «не-нанесения удара первыми», расплывчатые перспективы увеличения ядерного оружия в мире могут вынудить оба государства пересмотреть свой ядерный статус в сторону укрепления. Обе страны, равно как и Россия, могут склоняться к тому, чтобы принять под свою ядерную защиту соответствующие для каждой государства-сателлиты. Кроме того, что это может послужить сигналом к началу новой ядерной гонки между тремя нацелившимися на мировое

лидерство странами, соперничество в сфере ядерного сдерживания способно спровоцировать раскол Евразии на новые антагонистические сферы влияния.

Таким образом, ослабление Соединённых Штатов повлечёт за собой кардинальные перемены в ядерной сфере, наиболее вероятные из которых — рост распространения ядерного оружия среди незащищённых американских союзников и (или) гонка вооружений среди выходящих в авангард азиатских держав. В результате цепной реакции распространение отразится и на прозрачности управления ядерной сферой,

увеличивая вероятность
межгосударственного соперничества,
просчетов и в конечном итоге,
вполне вероятно, международной
ядерной угрозы.

Вдобавок к
вышеперечисленному в текущем
столетии миру предстоит
столкнуться с рядом новых
геополитических проблем,
вызванных кардинальными
переменами в окружающей среде.
Управление меняющимся
экологическим достоянием (сюда
входит и сокращение объемов
пресной воды, и освобождение
арктических вод от льда, и
глобальное потепление) потребует

всемирного консенсуса и взаимных уступок. Одного американского лидерства и так недостаточно, чтобы обеспечить сотрудничество по всем этим вопросам, а в случае упадка Штатов вероятность соглашения в области экологии и управления ресурсами снизится ещё больше. Когда Штаты снимут с себя полномочия мирового регулировщика, у догоняющих держав возрастут возможности разработки экологического достояния для собственных экономических нужд, что, в свою очередь, увеличит возможность конфликта по поводу ресурсов, особенно в Азии.

Последнее весьма вероятно прежде всего по отношению к сокращающимся водным ресурсам во многих странах. Согласно АМР США, к 2025 году свыше 2,8 миллиарда людей будут жить в регионах с недостатком либо дефицитом водных ресурсов, а общемировые потребности в воде будут удваиваться каждые 20 лет^[13]. И хотя потенциальная нехватка воды грозит большей части Южного полушария, межгосударственные конфликты — как геополитические последствия нехватки воды по обеим сторонам границы — наиболее вероятны в Центральной и Южной Азии, на Ближнем Востоке и в

Северо-Восточной Африке, то есть в регионах с повсеместным дефицитом водных ресурсов и взрывной политической обстановкой. Политическая нестабильность создает в сочетании со скудностью ресурсов опасную геополитическую комбинацию.

Угроза водных конфликтов может обостриться, если экономический рост и растущая потребность в воде у таких претендующих на мировое лидерство стран, как Турция и Индия, столкнутся с нестабильностью и нехваткой ресурсов у таких стран-соперниц, как Ирак и Пакистан. Нехватка воды станет испытанием и

для внутренней стабильности Китая, где рост как населения, так и промышленного комплекса повышает потребность в воде и уменьшает её запасы. В Южной Азии непрекращающиеся политические трения между Индией и Пакистаном в сочетании с перенаселённостью и назревающим в Пакистане внутренним кризисом могут поставить под удар Договор по водам Инда, тем более что верховья бассейна реки находятся на спорной территории Джамму и Кашмира, где политическая и военная нестабильность со временем только усиливается. Нет нужды упоминать и о давних разногласиях между Индией

и Китае относительно статуса Северо-Восточной Индии, по которой протекает жизненно важная для обеих стран Брахмапутра. После заката американской гегемонии и усиления регионального соперничества споры из-за таких природных ресурсов, как вода, имеют все шансы перерасти в полномасштабные конфликты.

Постепенное таяние арктических льдов тоже может изменить картину международного соперничества в области важнейших ресурсов. Как только Арктика начнет приоткрываться для освоения, пятерка приарктических государств (США, Канада, Россия, Дания и

Норвегия) наверняка поспешит застолбить в ней свою долю нефтегазовых и металлических богатств. Этот захват может спровоцировать серьёзный перекося в геополитическом ландшафте, особенно в сторону России. Как отмечает Владимир Радюхин в статье, озаглавленной «Стратегическая ценность Арктики для России» (*The Arctic's Strategic Value for Russia*), Россия больше всех выигрывает от доступа к Арктике, учитывая попытки четырех других приарктических стран, входящих в НАТО, ограничить её владения на Крайнем Севере. Расклад этой новой великой партии будет во многом

зависеть от того, кто сделает первый наиболее легитимный ход, поскольку насчет Арктики соглашений существует крайне мало. Первый российский супертанкер прошел из Европы в Азию по Северному морю летом 2010 года[\[14\]](#).

России принадлежит в Арктике огромная территория и большой запас природных богатств. Её доля внутри Северного Полярного круга составляет 3,1 миллиона км² (что сопоставимо с площадью Индии), на Арктику приходится 91% добычи российского природного газа, 80% разведанных газовых месторождений, 90% шельфовых углеводородных запасов и большие

залежи металлов^[15]. Кроме того, Россия пытается расширить эти территории, доказывая, что её континентальный шельф простирается дальше в глубь Арктики, тем самым давая ей право увеличить свою эксклюзивную экономическую зону на 150 миль и присоединить ещё 1,2 миллиона км² богатой ресурсами территории. Первая заявка на приращение была отклонена Комиссией ООН по границам континентального шельфа, однако в 2013 году планируется подать вторую. Россия в самом деле считает Арктику продолжением своей северной границы и, как заявил президент Медведев на

заседании Совета Безопасности в 2008 году, к 2020 году Арктика должна стать «основной стратегической ресурсной базой» России^[16].

Несмотря на недавние примирительные европейско-российские саммиты, посвященные архитектуре европейской безопасности, во взаимоотношениях Запада с Россией сохраняется немало неопределенности и недоверия. Соединённые Штаты, сами всегда активно претендовавшие на Арктику, продолжают патрулировать её территорию с момента окончания «холодной войны». Патрулирование было усилено под конец второго

срока пребывания у власти президента Буша, издавшего директиву по национальной безопасности, где оговаривается, что Америка должна «сохранить глобальную мобильность военных и гражданских морских и воздушных судов США в арктическом регионе». Ослабление Америки может побудить Россию с возросшим напором добиваться контроля над Арктикой и давить на Европу с помощью энергетической политики — хотя здесь многое зависит от того, какой политический курс возьмет Россия после президентских выборов 2012 года. Все пять приарктических государств несомненно выиграют от

мирного совместного соглашения по Арктике (подобного российско-норвежскому договору 2010 года по Баренцеву морю), способствующего геополитической стабильности. Тем не менее политическая картина, при условии что контроль над энергоресурсами останется единственным величайшим приоритетом России, может стремительно измениться.

Глобальные изменения климата — последняя составляющая экологического достояния, которая имеет при этом величайшее потенциальное геополитическое значение. Ученые и политики в равной степени предрекают

катастрофические для планеты и человечества последствия в случае повышения средней температуры более чем на два градуса к концу нынешнего столетия. Может начаться стремительное вымирание многих видов растений и животных, погибнут огромные экосистемы, человеческая миграция приобретет неуправляемые масштабы, и глобальное экономическое развитие может кардинально сменить направление. Географические изменения, вынужденная миграция и глобальное сокращение экономики в довершение к нерешенным проблемам региональной безопасности могут придать

геополитической действительности
неуправляемо сложный и
конфликтный характер, особенно в
густонаселённых и политически
нестабильных районах Азии — в
частности на северо-востоке и юге.
Кроме того, любые легитимные меры
по замедлению глобальных
климатических изменений
потребуют беспрецедентного
самопожертвования и
международного сотрудничества.
Соединённые Штаты считают
изменение климата серьёзной
проблемой, однако отсутствие
долгосрочной стратегии и
политических обязательств,
выразившееся в отказе

ратифицировать Киотский протокол 1997 года, и неоднократно отвергавшиеся в конгрессе правовые акты по климатическим изменениям препятствуют участию остальных стран в общемировом соглашении.

Соединённые Штаты занимают второе место в мире после Китая по выбросам углекислого газа в атмосферу — на них приходится 20% общемирового объема. Им принадлежит первое место по выбросу углекислого газа и по потреблению энергии на человека. Поэтому инициатива Штатов необходима не только для того, чтобы склонить к сотрудничеству другие страны, но и для того, чтобы

существенно замедлить изменения климата. Другие, включая Евросоюз и Бразилию, пытаются проводить собственные реформы по сокращению выбросов углекислого газа и энергопотребления, одновременно ища пути перехода на возобновляемые энергоресурсы. Даже Китай задался целью сократить выбросы CO_2 , о чем постоянно напоминает Соединённым Штатам. Однако ни одно из этих государств в данный момент не способно возглавить глобальную инициативу. На Копенгагенском саммите 2009 года президент Обама обязался провести в Соединённых Штатах реформу по выбросам CO_2 и

энергопотреблению, однако все большая поляризация внутриполитической обстановки и проблемы восстановления экономики вряд ли будут способствовать скорому продвижению в затратных энергетических вопросах.

Без Китая в поиске решения проблемы климатических изменений тоже не обойтись, поскольку на его долю приходится 21% общемировых выбросов углекислого газа, и процент этот будет только расти по мере освоения Китаем своих западных земель и повышения уровня жизни его граждан. Однако Китай отказывается брать на себя

ведущую роль в борьбе с климатическими изменениями, как отказывался в морской, космической и киберпространственной сферах. Прикрываясь своим статусом развивающейся страны, Китай упорно уклоняется от обязанностей, возлагаемых на государство глобальным лидерством. Твердая позиция, продемонстрированная Китаем на Копенгагенском саммите 2009 года, свидетельствует о недооценке того, чем грозит ослабление Америки: ни одна другая страна не обладает ни возможностями, ни желанием взять на себя глобальное руководство в сфере экологического достояния.

Только сильные Соединённые Штаты могут возглавить борьбу с изменениями климата, учитывая зависимость экономического роста России от углеводородных источников энергии, относительно невысокий уровень выбросов CO₂ в Индии и нежелание Китая в данный момент брать на себя глобальную ответственность. Охрана общемирового достояния и добросовестный подход к управлению его составляющими — морями, космосом, киберпространством, ядерной сферой, водообеспечением, Арктикой и окружающей средой в целом — категорически необходимы

для долговременного роста мировой экономики и сохранения базовой геополитической стабильности. Однако почти в каждом аспекте потенциальное отсутствие конструктивного и авторитетного руководства со стороны Штатов трагическим образом отразится на «общности» общемирового достояния.

Тот довод, что упадок Америки приведет к глобальной нестабильности, поставит под угрозу наиболее уязвимые государства, нарушит добрососедские отношения в Северной Америке, усложнит совместное управление общечеловеческим достоянием, не

является основополагающим для глобального лидерства Штатов. На самом деле усложненность стратегической мировой обстановки XXI века (продиктованная ростом политической активности мирового населения и рассредоточением мировой власти) делает это лидерство недостижимым. Однако в этих усложняющихся геополитических условиях Америке жизненно необходимо выработать новое своевременное стратегическое видение, чтобы не дать миру погрузиться в пучину смуты.

ЧАСТЬ IV. После 2025 года. Новое геополитическое равновесие

1. Геополитическая нестабильность Евразии

Глобальный статус Америки в последующие десятилетия будет зависеть от успешного и целенаправленного преодоления крена в сторону социоэкономического упадка и формирования нового, стабильного баланса геополитических сил на пока ещё самом важном континенте мира, то есть в Евразии.

Таким образом, ключ к будущему Америки — в руках американского народа. Америка может существенно улучшить свою

внутреннюю обстановку и переосмыслить свою ведущую международную роль в соответствии с объективными и субъективными условиями XXI века. Для этого ей необходимо с помощью общегосударственных мер повысить понимание народом меняющегося в потенциально опасную сторону положения Америки в мире. Имеющиеся у Америки козыри, как отмечалось выше, пока ещё позволяют осторожно надеяться, что обновление поможет опровергнуть пессимистичные прогнозы о неотвратимом упадке и утрате Америкой своего мирового значения, однако с неведением народа

относительно растущей уязвимости внутреннего и внешнего статуса своей страны необходимо бороться целенаправленно и радикально, от верхов к низам.

Демократия одновременно выступает и одним из главных козырей Америки, и одним из ключевых источников её текущих затруднений. По замыслу отцов-основателей конституционная система Штатов предполагает поэтапное принятие решений. Поэтому по-настоящему общегосударственные вопросы требуют беспрецедентно высокого консенсуса, достижению которого способствуют либо драматические и

пробуждающие социальную
сознательность обстоятельства
(например, крупный финансовый
кризис или неотвратимая внешняя
угроза), либо целенаправленное
воздействие со стороны руководства
страны. И поскольку в Америке
только президент способен донести
свой голос до всего народа, именно
президент и должен стать
инициатором обновления.

За время предвыборной гонки и
президентства Барак Обама произнес
несколько проникновенных речей.
Он обращался напрямую к
европейцам, жителям Ближнего
Востока, мусульманам и азиатам,
упоминая о том, как неизбежно

изменится отношение Америки к их проблемам. В частности, его пражское и каирское выступления вселяли миру надежду относительно перспектив американской внешней политики. Международные опросы общественного мнения показали почти мгновенный рост Америки в глазах мировой общественности благодаря образу и речам президента Обамы. Однако американский народ пока не услышал от него прямого обращения, посвященного меняющейся роли Америки в мире и тем последствиям и требованиям, которые влекут за собой перемены.

Трагедия 11 сентября 2001 года кардинально изменила собственные

представления Америки о своей глобальной задаче. Играя на массовом незнании народом мировой истории и географии, средства массовой информации в погоне за прибылью нагнетали панику, воспользовавшись которой демагоги из правительства Буша повели страну в восьмилетний крестовый поход. «Война с террором» стала синонимом внешней политики, и Штаты почти не заботились о том, чтобы выстроить стратегию, учитывающую долгосрочные интересы страны в складывающейся геополитической картине. Вследствие этого Америка оказалась не готова к вставшим

перед ней проблемам XXI века.

Америка и её руководство должны заново оценить стратегическую обстановку, чтобы начать внутреннее и внешнее обновление страны, нацеленное на возрождение её глобальной роли. В данной главе обозначаются требования, предъявляемые складывающейся геополитической средой, и излагается в общих чертах направление своевременных действий для внешней политики США.

Как непосредственная внешнеполитическая угроза глобальному положению Америки, так и угроза глобальной

геополитической стабильности в более отдаленном будущем исходят от евразийского континента. Источником непосредственной угрозы служит регион, расположенный между Суэцким каналом, китайской провинцией Синьцзян, постсоветской кавказской границей России и новыми центральноазиатскими государствами. Угроза глобальной стабильности в долгосрочной перспективе проистекает из незавершённого и поэтому непредсказуемого смещения центра глобальных сил с Запада на Восток (или из Европы в Азию, а возможно, и из Америки в Китай).

Америка оказалась сильнее любого другого государства вовлечена в ряд конфликтов с Евразией. Достаточно сказать, что региональные силы, попадающие под непосредственное воздействие происходящего на этой взрывоопасной территории — в частности Индия, Россия и Китай, — предпочли уклониться от прямого участия в натужных (а зачастую и неадекватных) попытках Америки помешать региону увязнуть в назревающих этнических и религиозных конфликтах.

В конечном итоге любое конструктивное разрешение афганского вопроса требует

внутриполитического соглашения между правительством в Кабуле и соперничающими группировками в рамках внешней региональной структуры, где главные соседи Афганистана будут прежде всего сами способствовать формированию стабильности в стране. Как утверждалось выше, продолжительное военное присутствие преимущественно американских войск в Афганистане не поможет справиться с афганской трагедией, вызванной ещё советским вторжением, и вряд ли обеспечит стабильность в регионе. Точно так же региональные проблемы, связанные с Ираном, не помогут

решить ни американские, ни израильские удары по строящимся в Иране ядерным объектам. Подобные действия только подольют масла воинственного фундаментализма в огонь национальных чувств иранцев, разжигая продолжительный конфликт с разрушительными последствиями для нескольких пока ещё прозападных режимов на Ближнем Востоке. Поэтому в перспективе Иран также нужно включать в процесс регионального урегулирования.

Как бы то ни было, Штатам пока ещё по силам сдерживать ядерный Иран. В прошлом Америке удавалось успешно предотвратить применение

ядерного вооружения Советским Союзом и Китаем (несмотря на вспышки крайней воинственности обеих стран) и в конце концов создать благоприятные условия для американо-российских и американо-китайских взаимоотношений. Кроме того, Америка может отгородиться ядерным щитом от всего Ближнего Востока, в случае если появление у Ирана ядерного оружия станет очевидным. Поэтому если Иран не урегулирует взаимоотношения с мировым сообществом, предоставив весомые доказательства, что его ядерная программа не содержит тайного направления по разработке ядерного оружия, Штатам придётся

публично заявить, что любая попытка Ирана воздействовать угрозами или силой на своих ближневосточных соседей будет расцениваться как выступление против самих Штатов.

В этой связи, если станет ясно, что Иран действительно приближается к вступлению в ядерный клуб, Америке стоит поискать поддержки и у других ядерных держав, чтобы с помощью совместной резолюции ООН разоружить Иран — в случае необходимости принудительно. Однако, подчеркиваем, подобная инициатива должна быть совместной, с участием России и

Китай в том числе. Америка может и сама обеспечить ядерное прикрытие для этого региона, однако она не должна ввязываться в односторонние (либо совместные лишь с Израилем) военные действия против Ирана, поскольку тогда она увязнет в более масштабном, но снова единоличном и губительном для нее самой конфликте.

Не меньшую роль в урегулировании афганского и иранского вопроса играет участие Америки в конструктивном разрешении палестино-израильского конфликта. Этот конфликт отравляет атмосферу Ближнего Востока, провоцирует мусульманский

экстремизм и напрямую подрывает государственные интересы Америки. Урегулирование вопроса послужит гигантским шагом к налаживанию стабильности на Ближнем Востоке. В случае неудачи пострадают американские интересы в этом регионе, а судьба Израиля во враждебном окружении станет непредсказуемой.

Три этих взаимосвязанных вопроса остаются — в силу мгновенности своего потенциального воздействия — наиболее животрепещущими пунктами геополитической повестки дня для Америки. Однако далеко идущие изменения в расстановке

мировых сил требуют от Америки (оставим пока в стороне существующий кризис) вырабатывать долгосрочное стратегическое видение более стабильной и основанной на сотрудничестве геополитики в Евразии. На этом этапе только Америка способна обеспечить требуемое трансконтинентальное равновесие, без которого зреющие на этом огромном и уже политически активизирующемся пространстве конфликты могут разгореться не на шутку. Европа, к сожалению, не видит дальше своего носа, Россия оглядывается в прошлое, Китай смотрит в собственное будущее, а

Индия, с завистью, — на Китай.

Подобная долгосрочная геостратегическая инициатива должна быть направлена на Евразию в целом. Благодаря сочетанию конкурентоспособных геополитических мотиваций, политической мощи и экономического динамизма этот огромный континент попадает в самую гущу мировых событий^[17]. У Америки (после того как в 1991 году она осталась единственной в мире супердержавой) имелась уникальная возможность сыграть активную роль в развитии международной архитектуры Евразии с целью заполнить вакуум, образовавшийся

после исчезновения господствовавшего на континенте китайско-советского блока. Эту возможность Америка упустила, поэтому теперь ту же задачу придётся выполнять в гораздо более сложных для Штатов условиях.

Евразия уже два десятилетия, прошедших после окончания «холодной войны», находится в дрейфе. Европа стала более политически разобщенной, Турция и Россия остаются где-то на периферии западного сообщества. На Востоке набирает экономическую, политическую и военную силу Китай, создавая напряженность в регионе, и без того одолеваемом

историческими противоречиями. Чтобы обеспечить стабильность на всем континенте, Америка должна учесть в своей политической линии все эти проблемные аспекты, назревшие в обеих частях Евразии.

На Западе Евросоюз не сумел воспользоваться периодом «цельной и свободной Европы», чтобы по-настоящему сплотить её и гарантированно обеспечить её свободу. Валютный союз не заменит настоящего политического объединения — не говоря уже о том, что валютный союз, основанный на неравных государственных ресурсах и обязательствах, не способен сплотить народы в

транснациональном единстве. Обострившиеся после 2007 года (особенно в южных частях) экономические проблемы делают образ Европы как военно-политического авторитета ещё более призрачным. Из центральной фигуры прежнего Запада Европа превратилась в придаток нового Запада, где определяющая роль принадлежит Америке.

Однако единство этого нового Запада с Америкой во главе тоже нельзя принимать как данность. Кроме того, что участники Евросоюза не идентифицируют себя с этим транснациональным образованием (не говоря уже об

общей глобальной роли), они рискуют пасть жертвами растущих геостратегических расколов. Великобритания цепляется за свою особую связь с Соединёнными Штатами и за особый статус в Евросоюзе. Франция, завидуя Германии, выдвигающейся в лидеры Евросоюза, неустанно пытается отвоевать место наверху и для себя, примазываясь то к Америке, то к России, то к Германии, не говоря уже о руководстве аморфным Средиземноморским союзом. Германия примеряет на себя бисмаркианскую концепцию особых отношений с Россией, что неизбежно вызывает опасения у некоторых

стран Центральной Европы, заставляя укреплять оборонные связи со Штатами.

При этом все европейские страны избегают сколько-нибудь серьёзной инициативы в обеспечении собственной коллективной безопасности (или даже на базе НАТО). Как стремительно стареющее население, так и молодежь больше озабочены безопасностью социальной, чем государственной. Поэтому Европа все активнее перекладывает ответственность за свою безопасность на плечи Штатов, в надежде, что те по-прежнему задаются целью сохранить её в

границах «цельной и свободной». Однако эти границы легко может перемахнуть складывающийся российско-германский союз, в который Германию неодолимо влекут заманчивые для её деловой элиты (а также итальянской и некоторых других) коммерческие перспективы модернизирующейся России. Таким образом, Евросоюз рискует получить углубление геостратегического раскола, поскольку некоторые ключевые участники могут не устоять перед выгодами привилегированного делового и политического партнёрства с Россией.

Вышеизложенное — повод

одновременно для сожаления и беспокойства, так как европейская инициатива несет в себе огромный и уже доказанный потенциал для социально-демократического преобразования восточной части Европы. Расширение Евросоюза на Центральную Европу (которую во времена «холодной войны» обычно называли Восточной) уже побудило страны к далеко идущим институциональным и инфраструктурным реформам. Самым наглядным примером, привлекающим внимание соседних Украины и Беларуси, служит Польша. Со временем пример Европы может оказать существенное

преобразующее влияние на Россию и Турцию, особенно если Европа усилит геополитическую активность и вместе с Америкой задастся совместной целью приобщить обе страны к расширенному и более энергичному западному сообществу.

Однако для этого потребуются дальновидность и долгосрочная стратегия. Но у сегодняшней Европы (равно как и у Америки) отсутствует и то, и другое. Ирония в том, что даже географически удаленная Корея в своей центральной газете осенью 2010 года проницательно обвинила Европу в стратегическом эгоизме, заявляя без обиняков: «Было бы, конечно, неправильно предполагать,

что Европа вдруг превратилась в политическое болото. Однако европейцам в самом деле стоит оглянуться на себя и представить, что с ними будет через сорок лет при сохранении существующих тенденций. Европе необходимо четко определить свои интересы — и свою ответственность. В нынешнем веке, когда многие обстоятельства будут против Европы, ей понадобится выработать целеустремленность, а также моральные нормы, которыми она будет руководствоваться в своих действиях и, надо надеяться, лидерстве»[\[18\]](#).

Таким образом, вопрос о том, «что будет с Европой через сорок

лет», напрямую относится с геополитической точки зрения к будущему европейским взаимоотношений с её географическим востоком, поэтому должен в равной степени заботить и Европу, и Америку. Где должна проходить восточная граница расширенной Европы, а значит, и Запада? Какую роль отвести Турции и России, если они действительно станут частью расширенного Запада? И наоборот, каковы последствия для Европы и Америки, если Турция и Россия останутся — отчасти из-за европейской предвзятости и американской пассивности — вне Европы, а значит, и вне Запада?

Незавершённое по сей день преобразование Турции с самого начала строилось по европейской модели, когда в 1921 году Ататюрк (Мустафа Кемаль), вождь движения младотурков, объявил о решении превратить турецкий этнический костяк — остатки распавшейся Османской империи — в современное светское государство европейского типа, впредь известное как Турция. Ближе к настоящему времени модернизация перешла в демократизацию — в значительной степени страной двигало желание стать признанной частью объединяющейся Европы. Подзадориваемая самой Европой ещё

с 1960-х, Турция в 1987 году подала заявку на вступление, что, в свою очередь, привело в 2005 году к решению ЕС начать официальные переговоры. И несмотря на сомнения некоторых стран-участниц — прежде всего Франции и Германии — относительно принятия Турции, геополитическая реальность такова, что турецкая демократия поистине западного образца, прочно закрепившаяся на Западе ещё как-то, кроме участия в НАТО, может послужить для Европы щитом, оберегающим её от беспокойного Ближнего Востока.

С Россией в краткосрочной перспективе дело обстоит сложнее,

однако в более отдаленном будущем стремление к такому же положительному и далеко идущему стратегическому участию обретает историческую своевременность. Да, действительно, спустя двадцать лет после распада Советского Союза Россия все ещё не определилась с самосознанием, ностальгирует по прошлому и одновременно переоценивает кое-какие свои возможности. Усилия по созданию «общего экономического пространства» (под эгидой Кремля) на территории бывшего Советского Союза вызывают объяснимое беспокойство у независимых теперь бывших советских республик. В её

правлящей верхушке по-прежнему преобладает стремление разрушить трансатлантические связи и копится обида на центральноевропейские страны за желание тесной интеграции с Евросоюзом и за продиктованное само-оборонными целями вступление в НАТО. В то же время Россия и сама обеспокоена тем, что у границ её богатого полезными ископаемыми и редконаселённого Дальнего Востока набирает силу Китай.

Однако в то же время обретающий политическое влияние российский средний класс определенно перенимает западные привычки, а в интеллектуальных

кругах высказывается всё больше открытых пожеланий видеть Россию частью современного Запада. Основопологающим вопросом «о правильном соотношении модернизации и демократизации» начала все чаще задаваться в неофициальных дискуссиях верхушка страны, включая даже высшие политические круги в Кремле. Все большее число россиян приходит к осознанию, что в долгосрочные жизненные интересы страны входят фундаментальные перемены в отношениях России с Западом.

Одновременно в восточной половине Евразии растет неуверенность относительно

геополитической стабильности Азии. Если не применять целенаправленное сдерживание, геополитическое соперничество во встрепенувшейся Азии может приобрести опасное сходство с конфликтами последних двух столетий на Западе. Амбиции Китая начинают вырисовываться более отчётливо, националистическая агрессивность постепенно проступает через кропотливо сотканную завесу официальной скромности, национальной умеренности и исторического терпения. Соперничество за региональное господство с Японией и Индией пока ещё не выходит за

рамки дипломатической и экономической сфер, но обладание действенной военной силой (и, возможно, готовность ею воспользоваться) становится весомым соображением в геополитических расчетах обеих сторон. Любое применение силы может обернуться особенно грозными последствиями в соперничестве между ядерными державами Китаем и Индией за располагающий собственным ядерным оружием Пакистан. В этом случае восходящий Восток может стать таким же очагом напряженности, как когда-то старый Запад.

Как отмечалось выше, юго-восточный регион пробудившегося Востока Евразии уже охвачен потенциально инфекционным кризисом. «Глобальные Балканы»^[19], охватывающие Ближний Восток, Иран, Афганистан и Пакистан (где из всех крупных зарубежных держав на военное вмешательство пошли только США), грозят разрастись и на Центральную Азию, тогда как в некоторых районах населённого мусульманами российского Северного Кавказа обстановка уже накаляется. Каждое из новых центральноазиатских государств подвержено внутренней напряженности, все они

нестабильны и все жаждут более прямых контактов с окружающим миром, одновременно пытаюсь избежать как российского, так и китайского влияния. Таким образом, новой, политически пробудившейся Евразии как единому целому не хватает общего каркаса, и её геополитическая стабильность вызывает сомнения.

Более ста лет назад один из основоположников геополитики, Хэлфорд Маккиндер, определив Евразию как самый важный «мировой остров», пришел к выводу: «кто правит мировым островом, тот командует миром». За всю мировую историю лишь трое создателей

мощной военной машины сумели в разное время приблизиться к подобному «владычеству». Чингисхану, благодаря своим выдающимся полководческим качествам, это почти удалось, однако его завоевательный поход на «мировой остров» закончился на границах Центральной Европы. Он не смог удержать в руках гигантскую территорию и население, и в скором времени тонкий монгольский налет на его «империи» был ассимилирован завоёванным населением.

Гитлер, завоевав Европу, приближался к владычеству над Евразией с противоположной

стороны и мог бы преуспеть, если бы вторжение его армии в Россию с запада было подкреплено ударом японской армии с востока. После победы над Гитлером советские войска окопались в центре Европы к западу от Берлина, и Сталин, по сути, оказался в шаге от владычества, когда его трансъевразийский китайско-советский блок, появившийся в результате торжества коммунистов в Китае, попытался выдворить Америку из Кореи. Однако шансы на то, что «мировой остров» станет коммунистическим, быстро померкли, когда на западе появилось НАТО, а китайско-советский блок на востоке

раскололся после смерти Сталина на враждебные группировки.

Становление неожиданно динамичной, но в то же время сложной в международном отношении, политически пробудившейся Азии рождает новую действительность, в которой ни одна держава больше не сможет, говоря словами Маккиндера, «править» Евразией, а значит, «командовать» миром. Задача Америки, упустившей целых двадцать лет, — действовать тоньше и в большем соответствии с новыми реалиями евразийской власти. Единоличное господство даже самого сильного государства уже невозможно, особенно учитывая

появление новых региональных игроков. Поэтому Америке сейчас следует нацелиться на долгосрочную работу по обеспечению трансъевразийской стабильности в широком геополитическом смысле, основанной на выстраиваемся компромиссе между старыми силами Запада и новыми силами Востока.

В целом выполнение вышеозначенной задачи потребует от Штатов участия в формировании расширенного и более энергичного Запада и одновременной помощи в урегулировании назревающего соперничества на крепнущем и беспокойном Востоке. Для этой комплексной инициативы

понадобится в течение следующих нескольких десятилетий связать с помощью таких институтов, как ЕС и НАТО, Россию и Турцию с Западом, который уже включает и ЕС, и США. Медленное, но верное продвижение в этом направлении даст стратегическую целеустремленность Европе, которая всё больше рискует отойти в дестабилизирующую и разъединяющую геополитическую тень. В то же время стратегическое участие Америки в делах Азии должно повлечь за собой тщательно выверенное выстраивание взаимовыгодного сотрудничества с Китаем. Параллельно следует целенаправленно склонять к

примирению Китай и союзницу Штатов Японию, а также развивать дружественные отношения с такими ключевыми странами, как Индия и Индонезия. В противном случае соперничество между азиатскими государствами либо страхи по поводу китайского господства могут лишить Азию как намечающейся мировой роли, так и региональной стабильности. Предстоящая задача заключается в том, чтобы превратить геополитическое видение долгосрочной перспективы в исторически оправданную и политически привлекательную стратегию, обеспечивающую возрождение Запада и облегчающую

стабилизацию Востока в рамках более широкой партнёрской структуры.

2. Расширенный и более энергичный Запад

Приведённые выше рассуждения об «угасающем Западе» и «гибели «Американской мечты»» не стоит считать исторической неизбежностью. Возрождение динамизма американской внутренней экономики вполне вероятно, и Америка в целенаправленном сотрудничестве с Европой может образовать расширенный и более энергичный Запад. Отправной точкой для подобной долгосрочной стратегии будет осознание исторического

факта, что Европа по сей день остается «незавершённой». И так будет до тех пор, пока Запад, проявив стратегическую трезвость и благоразумие, не примет Турцию на более равных условиях и не приобщит Россию как в политическом, так и в экономическом отношении. Расширенный Запад послужит стабилизатором для меняющейся Евразии и сможет возродить собственное историческое наследие.

Разделительная линия между Европой и Россией с Турцией всего лишь географическая абстракция. Ни река Буг (отделяющая Польшу от Беларуси), ни Прут (по которому

проходит граница между Румынией и Украиной), ни Нарва (разделяющая Эстонию и Россию) не выполняют роли географических или культурных рубежей европейского востока. Равно как не выполняют этой роли и расположенные в самом сердце России Уральские горы, по которым, как пишут все учебники географии, проходит граница Европы и Азии. Ещё хуже с этой ролью справляется пролив Босфор, соединяющий Средиземное и Черное моря, хотя разделенный узкой полоской воды Стамбул считается расположенным одной частью в Европе, другой (как и основная территории страны) — в Азии^[20].

Ещё бо́льшую путаницу вносят традиционные представления о культурных границах Европы. По образу жизни, архитектуре и социальному укладу дальневосточный Владивосток оказывается куда более европейским, чем Казань (столица Татарстана), расположенная за тысячи миль от Владивостока в «европейской» части Российской Федерации. Столица Турции Анкара, находящаяся на Анатолийском плато, а значит, с географической точки зрения в Азии, не менее европейский город, чем столица Армении Ереван, построенный более чем на полтысячи миль восточнее, однако

официально принадлежащий Европе.

В конечном итоге Россию и Турцию (в меньшей степени) отделяет от Европы не география и не образ жизни, а скорее не поддающееся точному определению несоответствие отличительным политическим и культурным особенностям современного постимперского Запада. Ему присуще сочетание остаточной духовности и философских принципов (особенно тех, что отстаивают неприкосновенность личности), а также повсеместно принятого понятия гражданских прав, закрепленного в явной приверженности власти закона в

конституционных демократических государствах. Россия разделяет эти ценности на словах, однако в политическом строе они не отражены, тогда как Турция уже активно применяет на практике. Обе страны безапелляционно заявляют о своей культурной и социальной «европеизации». Обе сводят к минимуму остатки своего когда-то более очевидного восточного деспотизма. Турки упирают на институционализированное отделение религии от государства в своей модернизированной и всё более демократической стране. Россияне подчеркивают, что Российская империя

целенаправленно европеизировалась ещё со времен Петра I, а коммунистический период — это скорее отклонение, и традиции русского православия неотделимы от европейского христианства.

Тем не менее Россия и Турция действительно, пусть и по-разному, выступают наследницами своего самобытного имперского прошлого, которое сплетается с их современной «европеизацией». Обе страны побывали на вершине славы отдельно от Европы (и зачастую в противовес ей). Обе пережили падение с этой вершины. В XIX веке Турцию прозвали «больным Европы». В XX веке Россию

воспринимали так же дважды — первый раз перед Октябрьской революцией, затем после падения советского коммунистического строя. Обе страны отrekliсь от своего имперского прошлого, однако полностью стереть его ни из геополитических амбиций, ни из исторического сознания, несмотря на целенаправленное и упорное переосмысление себя, им не удастся.

На протяжении XX века Турция больше преуспела в преобразовании, чем коммунистическая Россия. Масштабные реформы Ататюрка, обрушенные на страну в 1924 году (через три года после провозглашения её постимперским

государством), повлекли за собой радикальные и на редкость удачные перемены. Турция отказалась от своих арабо-исламских корней, одним махом перешла с арабского алфавита на латиницу, выдворила религиозные элементы из государственных учреждений и даже сменила манеру одеваться. В дальнейшие десятилетия она последовательно и целеустремленно институционализировала растущую демократию в государстве, за которым прочно закрепился светский статус.

В отличие от России Турция никогда не впадала ни в манихейские страсти по истреблению

собственного народа, ни в
тоталитаризм. Амбициозная
националистическая мистика
Ататюрка будоражила умы пылкой
турецкой молодежи сама по себе, а
не вбивалась с помощью
продолжительного бесчеловечного
террора. Турция не строила
гулаговских лагерей и не
провозглашала свои внутренние
преобразования универсально
применимыми и исторически
неизбежными. Турецкий
эксперимент не отличался такими
глобальными притязаниями, как
советский, однако в рамках своей
страны оказался более
плодотворным.

Немаловажно также то, что Турция сумела отказаться от своих имперских амбиций и перенаправить силы на внутреннюю социальную модернизацию. Ата-тюрком, твердой рукой её внедрявшим, двигал исторический расчет, в котором средства соответствовали целям, тем самым позволяя избежать сталинских бесчинств, коренящихся в ленинской утопичности и универсализме. Этот же расчет помог Турции на удивление реалистично принять свой новый постимперский статус — особенно по сравнению с Россией, где в высших кругах ещё кое-где жива ностальгия по потерянной

многонациональной империи.

Последние два десятилетия Турция уверенно шагала вперед по пути консолидации по-настоящему работоспособной конституционной демократии, движимая желанием вступить в Евросоюз, куда её пригласили ещё несколько десятилетий назад, но лишь при условии соответствия европейским демократическим стандартам. Однако, что гораздо важнее, планомерная государственная демократизация отражала постепенное распространение демократических принципов на бытовом уровне. И хотя демократия в Турции ещё недостаточно окрепла,

особенно в области свободы печати, одно то, что турецким военным пришлось считаться с результатами выборов и неприятными для них конституционными изменениями, свидетельствует о жизнеспособности формирующейся турецкой демократии. В этом отношении Турция определенно опережает Россию.

Демократический процесс в Турции невозможен без дальнейшей секуляризации. Поскольку Ататюрк в 1924 году начал отделение церкви от государства сверху, многие европейцы и даже турки опасаются, что вызванная запуском и последующим ускорением

демократизации в последние десятилетия политическая открытость приведет к всплеску крайних проявлений главенства религии в общественной сфере и даже к превосходству религиозного самосознания над национальным. Однако ничего подобного, по крайней мере пока, не происходит, и по некоторым признакам крепнущая турецкая демократия постепенно снижает привлекательность религиозного фундаментализма. Так, например, согласно исследованию одного турецкого университета, за период с 1999 по 2009 год процент народных голосов за принятие законов шариата снизился с 25% до

10%. Укрепление связей с Европой, вероятнее всего, послужит дальнейшему общественному признанию Турции как светского государства.

Необходимо также сознавать, что Турция уже обладает широкими связями в ряде важных областей с Западом в целом и с Европой в частности. С момента создания НАТО она была верным участником альянса, выказывая куда большую готовность помочь делом в случае конфликта, чем некоторые другие европейские союзники. Кроме того, у нее вторая по численности среди участников НАТО регулярная армия. На протяжении всей «холодной

войны» Турция поддерживала с Соединёнными Штатами всесторонние стратегические связи в сфере безопасности. Год за годом она методично приводила свое законодательство и конституционную практику в соответствие со стандартами Евросоюза. Таким образом, де-факто, пусть и без юридического закрепления, Турция во многих важных отношениях уже неофициально является частью Европы, а значит, и Запада.

На международной арене модернизирующаяся и светская в основе своей сегодняшняя Турция начинает завоевывать региональный

авторитет, географически
обусловленный имперским
османским прошлым. Новая внешняя
политика Турции, проводимая её
геополитически мыслящим
министром иностранных дел
(Ахметом Давутоглу, разработавшим
концепцию «стратегической
глубины»), основана на признании
Турции региональным лидером на
территории бывшей Османской
империи, включавшей в себя Левант,
Северную Африку и Месопотамию.
Этот подход продиктован не
религиозными соображениями, а
историко-геополитическими.

Согласно стратегии Давутоглу,
основанной на резонном

соображении, что с соседями лучше жить в мире, чем враждовать, Турция должна, воспользовавшись своим нынешним социоэкономическим динамизмом (в 2010 году она заняла 17-е место по развитию экономики), восстановить исторические отношения, которые в XX веке ослабли из-за сосредоточения Кемаля на секуляризации страны и формировании специфически турецкой государственности.

Кроме того, Турцию сейчас манят получившие независимость после распада Советского Союза центральноазиатские государства за пределами бывшей Османской империи, носители

преимущественно тюркского культурного наследия. Более активный коммерческий и культурный охват со стороны Турции может стать трамплином для модернизации, секуляризации и в конечном итоге демократизации этого богатого ресурсами, но геополитически отсталого края. Нелишне учесть также, что (в свете стремления России монополизировать прямой доступ зарубежных стран к центральноазиатскому экспорту энергоресурсов) растущий региональный авторитет Турции может — в случае объединения усилий с Азербайджаном и Грузией

— облегчить Европе
беспрепятственный доступ через
Каспийское море к
центральноазиатской нефти и газу.

Всё более обнадеживающее
превращение Турции в современное
светское государство — несмотря на
сохраняющуюся отсталость в
некоторых общественных вопросах,
включая свободу печати, образование
и развитие человеческого потенциала
(см. сравнительные таблицы по
России и Турции), — наполняет её
граждан патриотической гордостью,
которая может обернуться стойкими
антизападными настроениями, если
Турция почувствует, что Европа
продолжает её отвергать.

Влиятельные внутриевропейские силы — большей частью во Франции и Германии — по-прежнему отказывают Турции в её устремлениях, необоснованно считая её чуждой культурой, которая направлена не на партнёрство, а на завоевание. Поэтому спустя восемьдесят пять лет после начала беспрецедентного процесса социальной модернизации и культурного преобразования по европейскому образцу турков начинает возмущать, что их страна по-прежнему находится в изоляции. Соответственно растёт риск, что в случае провала демократического эксперимента в Турции она может

вернуться назад к более агрессивному исламизму либо ввести недемократический военный строй. И в том, и в другом случае Турция, вместо того чтобы заслонять Европу от проблем и страстей Ближнего Востока, послужит каналом их трансляции через Балканы.

Такой исход может стать особенно опасным в том случае, если Америке с Европой так и не удастся обеспечить мирное урегулирование палестино-израильского конфликта и (или) если Америка ввяжется в прямое столкновение с Ираном. Первое (с большой долей вероятности

способно вылиться в эскалацию экстремизма на Ближнем Востоке) грозит косвенно, но все же достаточно пагубно отразиться на отношении Турции к Западу. Второе поставит под удар безопасность Турции, особенно если конфликт приведет к разрастанию устраиваемых курдами беспорядков и снова дестабилизирует Ирак. Турция вряд ли смирится с тем, что Запад не просто игнорирует, но и подрывает её национальные интересы.

Сохраняющееся отчуждение от Европы, перерастающее во враждебность, может привести к политическому откату назад и

возрождению фундаментализма, способных затормозить маршевый шаг Турции к модернизму. В самом худшем случае, напоминаям последствия свержения иранского шаха в 1978 году, подобное отчуждение может ликвидировать даже выдающиеся плоды трудов Ататюрка, что будет прискорбно с исторической и геополитической точки зрения — по трем основополагающим причинам. Во-первых, демократизация и растущая модернизация Турции свидетельствуют, что и та, и другая вполне совместимы с исламскими религиозными традициями. И это свидетельство играет важную роль

как для политического будущего исламского мира, так и для общемировой стабильности. Во-вторых, нацеленность Турции на мирное сотрудничество со своими ближневосточными соседями, составляющими территорию её исторического господства, совпадает с оборонными интересами Запада в том же регионе. В-третьих, перестраивающаяся на западный манер, светская, но все ещё исламская Турция — и все ещё эксплуатирующая свои территориальные и культурные связи с народами бывшей Османской империи и постсоветских центральноазиатских государств —

может снизить привлекательность исламского экстремизма и укрепить региональную стабильность в Центральной Азии, что пойдет на благо не только ей самой, но и Европе, и России.

В отличие от Турции взаимоотношения России с Европой носят двойственный характер. Российская политическая верхушка на словах жаждет сближения с Евросоюзом и НАТО, однако проводить реформы, способствующие этому сближению, она на данном этапе не готова. Её социальным, политическим и экономическим программам не хватает целеустремленности,

поэтому перспективы страны остаются достаточно туманными. Тем не менее для Америки, Европы и России принципиально, чтобы Россия выстроила партнёрские отношения с Западом, основанные на приверженности общим политическим и экономическим ценностям. Следующие два десятилетия, вероятно, будут иметь критическое значение для выработки Россией пути к более тесному — и политически искреннему — сотрудничеству с Западом.

Исторически Россия считает себя слишком великой, чтобы удовлетвориться статусом обычного

европейского государства, но при этом на постоянное главенство в Европе ей не хватает сил. В этой связи примечательно, что своими величайшими военными триумфами — в частности, победоносным входом армии Александра I в Париж в 1815 году и праздничным ужином Сталина на Потсдамской конференции в середине 1945 года — Россия больше обязана промахам своих врагов, чем успехам государственного управления. Не напади Наполеон на Россию в 1812 году, вряд ли российские войска входили бы в 1815 году в Париж, поскольку менее чем через полвека после победы Александра I Россия

потерпела поражение в Крымской войне от англо-французских экспедиционных сил, переброшенных издалека морским путем. Ещё полвека спустя, в 1905 году, её разгромили на Дальнем Востоке японские военно-морские силы. В Первой мировой войне над ней одержала решительную победу Германия, которой пришлось долгое время сражаться на два фронта. Победа Сталина в середине XX века, обусловленная недомыслием Гитлера, обеспечила России политический контроль над восточноевропейскими странами, простирающийся до самого сердца Европы. Однако не прошло и

полувека после этого триумфа, как контролируемый Советами блок социалистических государств и сам преемник Российской империи распались, растратив все силы на «холодную войну» с Америкой.

Тем не менее современной постимперской России благодаря преимуществам её редконаселённой, но обширной территории, богатой природными ресурсами, уготована немаловажная роль на международной арене. Однако исторически Россия как крупный международный игрок не обладала ни британской дипломатичностью, ни американской коммерческой хваткой и привлекательностью

демократии, ни китайским терпением и уверенностью в своих силах. Она не сумела выработать последовательную государственную политику, которая при рачительном использовании природных богатств, невероятных просторов и впечатляющих народных талантов обеспечила бы стабильный подъём страны, подавая другим государствам пример успешного социального развития. Вместо этого Россию кидало из крайности в крайность -- периоды триумфального и где-то мессианского самоутверждения сменялись беспросветным застоем.

Кроме того, несмотря на размеры территории, автоматически

причисляющие Россию к великим державам, её мировая репутация подмочена социэкономическими условиями жизни её народа. Широко известные социальные недостатки и относительно скромный уровень жизни препятствуют осуществлению её международных амбиций. Суровый демографический кризис — отрицательный прирост населения и высокий уровень смертности — свидетельствует о социальной несостоятельности, тем более что причиной сравнительно короткой продолжительности жизни мужского населения служит алкоголизм и связанная с ним деморализация. В то же время растущее беспокойство

относительно усиливающихся исламских волнений вдоль новых южных границ и едва скрываемые опасения по поводу набирающего силу густонаселённого Китая под боком у российских малолюдных восточных земель идут вразрез с раздутым самомнением властей предержавных.

По сравнению с Турцией социальные показатели у России (несмотря на безоговорочное первое место по площади, девятое — по численности населения и второе — по объемам ядерного вооружения) существенно ниже и в мировом рейтинге могут считаться в лучшем случае средними. По

продолжительности жизни и приросту населения Россия пугающе отстает. В совокупности рейтинговые показатели России и Турции наглядно демонстрируют следующую диалектику: обе страны представляют собой развитые в определенном отношении индустриальные государства с несоответствующим этому уровню обществом, при этом Россию тянет назад недемократическая коррумпированная политическая система. Красноречивее всего будет сопоставление со странами, располагающимися в рейтинге чуть выше или чуть ниже Турции и России. Демографический кризис,

коррупция в политике, устаревшая и ресурсозависимая экономическая модель и социальная отсталость России особенно активно препятствуют претворению в жизнь вполне закономерных устремлений её народа — талантливого, но во многом страдающего от дурного руководства. Приводимые ниже данные (см. Таблицу 4.1) подтверждают предположение, что обе страны сильно выиграют от по-настоящему преобразующих взаимоотношений с Европой, которая сможет благодаря сохранению своих связей с Америкой без опаски обращаться к Востоку.

Пожалуй, самым главным

препятствием, мешающим объединению России с Западом в философском аспекте, служит неослабевающее пренебрежение властью закона. При отсутствии институционализированного господства закона внедрение демократии западного образца в России остается не более чем поверхностной имитацией. Именно поэтому в стране процветают коррупция и нарушение гражданских прав — явления, берущие начало в исторически сложившейся традиции подчинения общества государству.

Ещё больше усложняет положение то, что российская внешнеполитическая элита — в

отличие от турецкой — подвержена разногласиям и некоторому эскапизму. На данном этапе полноценное вступление в Североатлантический альянс посредством членства в экономических, политических и оборонных организациях не входит у России (также в отличие от Турции) в число важнейших четко сформулированных задач. На самом деле в кругах российской политической и деловой элиты существует множество различных представлений о глобальной роли России. Многие богатые российские бизнесмены (особенно в Санкт-Петербурге и в Москве) хотели бы

видеть Россию современной страной европейского типа — учитывая соответствующие экономические преимущества. Тогда как для политической элиты предпочтительнее, чтобы Россия добилась господства в отделенной от Америки Европе или даже стала мировым лидером наравне с Америкой. Умы третьих будоражат не менее заманчивые идеи «евразизма», «славянского союза» или даже антизападного альянса с Китаем.

«Евразисты», завороженные гигантскими географическими размерами России, видят её могущественной евразийской

державой, никогда не принадлежавшей в полной мере ни Европе, ни Азии, и считают, что ей уготована не менее великая роль, чем Америке и Китаю. При этом они упускают из виду, что эти трансевразийские просторы большей частью безлюдны и плохо освоены, поэтому подобная стратегия иллюзорна. Вариацией на ту же тему выступает не менее утопичная идея российско-китайского альянса, направленного, очевидно, против Америки. Суровая действительность, которую многие россияне не в силах признать, такова, что в подобном альянсе (при условии, что Китай на него пойдет)

Россия окажется на вторых ролях, а это грозит невыгодными для нее территориальными последствиями.

Таблица 4.1

Россия и Турция в рейтинге глобальных показателей

Показатель	Позиция Турции	Страны, занимающие сосед- ние с Турцией места в рейтинге	Позиция России	Страны, занимающие соседние с Россией места в рейтинге
Политическая свобода ^I	Частично свободна		Несво- бодна	
Свобода печати ^{II}	101-е место	Делит с 3 другими странами, в т.ч. с Албанией	174-е место	173-е – Йемен, 175-е – Конго
Логистика междуна- родной торговли ^{III}	39-е место	38-е – Словакия, 40-е – Саудовская Аравия	94-е место	93-е – Грузия, 95-е – Тан- зания
Развитие челове- ческого потенциала ^{IV}	79-е место	78-е – Перу, 80-е – Эквадор	71-е место	70-е – Албания, 72-е – Македония
Образование ^V	109-е место	108-е – Саудовская Аравия, 110-е – Сент-Винсент и Гренадины	42-е место	41-е – Швейцария, 43 – Болгария

^I Freedom House, доклад «Свобода в мире», 2010.

^{II} Freedom House, доклад «Свобода печати», 2009.

^{III} Всемирный банк, Индекс развития логистики (LPI), 2010.

^{IV} ПРООН, Индекс развития человеческого потенциала, 2009.

^V ПРООН, Индекс образования, 2009.

Показатель	Позиция Турции	Страны, занимающие соседние с Турцией места в рейтинге	Позиция России	Страны, занимающие соседние с Россией места в рейтинге
Экологическое состояние ^{VI}	77-е место	76-е — Армения, 78-е — Иран	69-е место	68-е — Египет, 70-е — Аргентина
Конкурентоспособность экономики ^{VII}	61-е место	60-е — Словакия, 62-е — Шри-Ланка	63-е место	62-е — Шри-Ланка, 64-е — Уругвай
Восприятие правительственной коррупции ^{VIII}	56-е место	Делит с Малайзией и Намибией	154-е место	146-е — Йемен, 164-е — Демократическая республика Конго (Россия делит 154-е место с 9 странами)
Предпринимательство ^{IX}	43-е место	42-е — ЮАР, 44-е — Мексика	57-е место	56-е — Таиланд, 58-е — Тунис

^{VI} Индекс экологического состояния (EPI), 2010.

^{VII} Всемирный экономический форум, Индекс глобальной конкурентоспособности, 2010–2011.

^{VIII} «Transparency International», Индекс восприятия коррупции, 2010.

^{IX} Глобальный индекс предпринимательства и экономического развития, 2010.

Россия и Турция в мировом демографическом рейтинге^x

Демографическая категория	Позиция Турции	Количество	Позиция России	Количество
Население	17-е место	77 804 122	9-е место	139 390 205
Прирост населения	97-е место	1,272%	222-е место	–0,465%
Рождаемость	107-е место	18,28 рождений на 1000 человек	176-е место	11,11 рождений на 1000 человек
Смертность	164-е место (низкая)	6,1 умерших на 1000 человек	7-е место (высокая)	16,04 умерших на 1000 человек
Продолжительность жизни	126-е место	72,23 года	161-е место	66,16 лет
Суммарный коэффициент рождаемости	115-е место	2,18 детей на 1 женщину	200-е место	1,41 детей на 1 женщину
Коэффициент распространённости ВИЧ/СПИДа среди взрослого населения	155-е место (низкий)	Менее 0,1%	52-е место (высокий)	1,1%
Число болеющих СПИДом	Нет данных	Нет данных	13-е место	940 000
Число умерших от СПИДа	Нет данных	Нет данных	13-е место	40 000/год

^x «Всемирная книга фактов» ЦРУ, оценочные данные за 2009–2010 гг.

Есть среди россиян те, кто вынашивает мечты о славянском союзе с Украиной и Беларусью под эгидой Кремля, с тем чтобы обрести привилегированное положение на пространстве бывшей Российской империи и Советского Союза. В этом контексте они недооценивают заразительность национализма, особенно среди украинской и белорусской молодежи, которая только-только распробовала независимость на вкус. Концепции «общего экономического пространства» с Россией во главе не позволяют забыть, что возможные экономические выгоды не заменят политической независимости и

гордости от принадлежности к определенной нации. Таким образом, попытки склонить Украину и Беларусь к славянскому союзу могут обернуться для России затяжными конфликтами со своими ближайшими соседями.

И наконец, связи Москвы с Западом по-прежнему отягощает неоднозначное отношение России к своему сталинистскому прошлому. В отличие от Германии, полностью вычеркнувшей нацистскую главу из своей истории, Россия, с одной стороны, официально осуждает, а с другой — все ещё почитает непосредственных участников одного из самых кровавых преступлений в

истории человечества. Бальзамированное тело Ленина по-прежнему покоем в Мавзолее на Красной площади в Москве, а прах Сталина заключен в Кремлевской стене. (Подобный пиетет к останкам Гитлера в Берлине существенно подорвал бы доверие к немецкой демократии.) Налицо двусмысленность, выраженная также в отсутствии четкого осуждения ленинского и сталинского режимов в официально одобренных учебниках истории. Нежелание властей раз и навсегда разобраться с неприглядным советским прошлым, выражающееся в том числе в уклончивости самого Путина в этом вопросе и его

ностальгии по советскому величию, тормозят демократизацию России, одновременно омрачая её отношения с ближайшими западными соседями.

В результате Россия, предоставленная самой себе и не приобщаемая целенаправленно к более широким преобразующим демократическим структурам, может снова стать источником тревоги и временами даже угрожать безопасности некоторых своих соседей[\[21\]](#). Без твердой руки, ведущей к модернизации, все сильнее ощущающая свою социальную отсталость (западным стандартам жизни отвечают лишь центральные области вокруг Москвы

и Санкт-Петербурга), по-прежнему встревоженная растущим глобальным влиянием Китая, недовольная мировым господством Америки, гордящаяся своими обширными и богатыми землями, обеспокоенная уменьшением плотности населения на Дальнем Востоке и общим демографическим кризисом, настороженная культурным и религиозным отчуждением мусульманского населения, Россия не может пока четко наметить себе подходящую роль, трезво уравнивающую амбиции и имеющийся потенциал.

Таким образом, нынешние российские власти, связанные с

традиционными силовыми
ведомствами, ностальгирующие по
имперскому прошлому и взывающие
к национальным идеям,
укорененным в сознании народа,
мешают стране обратиться к Западу.
В принципе Путин не скрывает, что
необходимая России модернизация,
по его мнению, должна проводиться
совместными российско-
европейскими усилиями, без участия
Америки и без связи с
демократизацией. Напрямую
апеллируя к деловым интересам
Германии примерно через год после
прямолинейного заявления
Медведева (в личном обращении под
заманчивым заголовком

«Экономическое сообщество от Лиссабона до Владивостока» в «Зюйддойче цайтунг» от 25 ноября 2010 года), Путин ясно дал понять, что считает участие Европы, и особенно Германии, в модернизации России выгодным для европейцев, однако политической перестройки России на западный манер этот процесс не предполагает.

В зависимости от того, какой выбор сделает Россия, и принимая во внимание остроту её внутренних проблем, следующее десятилетие — как уже отмечалось — может стать определяющим для будущего страны, а также, косвенно, для перспектив более энергичного и расширенного

демократического Запада. К
сожалению, путинские
представления об этом будущем суть
не что иное, как тянущее назад
сочетание агрессивного
национализма, плохо прикрытой
неприязни к Америке за победу в
«холодной войне» и ностальгии по
статусу передовой супердержавы
(спонсировать который предстоит
Европе). Государство, которое он
замыслил, имеет разительное
сходство с фашистскими
экспериментами в Италии: крайне
авторитарное (но не тоталитарное),
отличающееся симбиозом между
верхушкой власти и деловой
олигархией, исповедующее

идеологию, основанную на едва прикрытом раздутом шовинизме.

Таким образом, хладнокровный реализм велит с осторожностью относиться к заявлениям некоторых российских политиков, публично декларирующих готовность сближения даже с НАТО. Частные беседы с московскими «рулевыми» подтверждают, что эта готовность зачастую продиктована резонным соображением, что любой шаг в данную сторону будет способствовать более привычной российской задаче обессилить НАТО. Ослабленную Европу легче будет разделить, воспользовавшись её внутренними противоречиями в

более традиционных национальных интересах России.

Из вышеперечисленного следует, что выдвигаемый некоторыми европейцами довод (часто приписываемый коммерческим кругам Германии и Италии), будто скорейшее расширение НАТО за счет России позволит приблизить великое урегулирование, ошибочен. Вероятнее всего, произойдет обратное. Вступление в НАТО России с её нынешней авторитарной и крайне коррумпированной политической обстановкой, а также сепаратными планами силовых ведомств попросту уничтожит НАТО как сплоченный альянс

демократических государств. Примерно то же самое произойдет, если Россия станет частью Евросоюза, не перестроив Конституцию под европейские демократические стандарты, под которые сейчас подстраивается Турция. Коммерческий ажиотаж, нагнетаемый западноевропейскими бизнесменами (не говоря уже о некоторых бывших государственных деятелях), жаждущими нагреть руки на российских ресурсах и безразличными к тому, что прочные отношения должны строиться на общих ценностях, никак не способствует искреннему сближению.

Имеются, однако, некоторые обнадеживающие признаки, что в правящей верхушке все же зреет необходимость потенциально исторически значимой переориентации, касающейся отдаленного российского будущего. Внутренняя заторможенность России всё больше подтверждает опасения российских вестернизаторов, сидящих преимущественно в СМИ и многочисленных московских аналитических центрах, что Россия отстает в развитии. Растущее осознание этой задержки повышает вероятность подпадания России под исторически несбыточное, но стратегически целесообразное

долговременное западное влияние.

То, что в конце 2009 года Дмитрий Медведев, собственноручно выбранный Путиным в преемники, вдруг оказался самым активным приверженцем модернизационно-демократизационной теории, свидетельствовало о растущей допустимости подобных взглядов в формирующемся российском политическом спектре. Представления, до тех пор принадлежавшие в основном интеллектуальной оппозиции, стали проникать на более высокие уровни. Даже если президентом вновь станет Путин или Медведев откажется от своей политической линии, само

заявление из уст российского президента, что модернизация по западному образцу (активным сторонником которой он выступает) требует обязательной демократизации, — это значимая веха политической эволюции России. В октябре 2010 года в частном обмене мнениями с автором данной книги Медведев высказался ещё более открыто.

10 сентября 2009 года на официальном интернет-портале президента России появилась статья Медведева под заголовком «Россия, вперед!». Содержавшаяся в ней на удивление жесткая критика недостатков страны и смелый призыв

к реформам заслуживают более подробного цитирования.

«Наша теперешняя экономика переняла у советской самый тяжелый порок — она в значительной степени игнорирует потребности человека.

<...> Вековую коррупцию, с незапамятных времен истощавшую Россию. И до сих пор разъедающую её по причине чрезмерного присутствия государства во всех сколько-нибудь заметных сферах экономической и иной общественной деятельности. <...>

Впечатляющие показатели двух величайших в истории страны модернизаций — петровской (имперской) и советской —

оплачены разорением, унижением и уничтожением миллионов наших соотечественников. <...> Только наш собственный опыт демократического строительства даст нам право утверждать: мы свободны, мы ответственные, мы успешны. Демократия нуждается в защите. Как нуждаются в защите основные права и свободы наших граждан. Защите прежде всего от коррупции, порождающей произвол, несвободу и несправедливость. <...> Не ностальгия должна определять нашу внешнюю политику, а стратегические долгосрочные цели модернизации России». (Остается только гадать, на кого намекал

Медведев, упоминая о «ностальгии» во внешней политике.)

Уже очевидно, что в нынешней России растет прослойка тех (пока ещё в основном в элитных кругах и в столицах), кто разделяет медведевские взгляды на модернизацию. Это не только интеллектуалы, но и тысячи выпускников западных вузов, миллионы побывавших на Западе и растущее число завязанных на Запад предпринимателей. Кроме того, российские СМИ, особенно телевидение, как в развлекательных, так и в более серьёзных программах представляют западный образ жизни как норму. И наконец, немаловажно

то, что ежедневная пресса в массе своей неидеологична, хотя из уязвленного имперского самолюбия новости об Америке зачастую подаются предвзято.

В конечном итоге решать самим россиянам, хотят ли они воспользоваться своей территориальной и культурной близостью к Западу, а также общностью с Америкой, чтобы целенаправленно сочетать усилия по социальной модернизации с подлинной политической демократизацией по западному образцу. Российская интеллектуальная элита все сильнее осознает взаимозависимость этих

двух процессов; деловая элита пришла к запоздалому осознанию после финансового кризиса 2007 года; власти же всё больше беспокоит, что Россия отстает в развитии от мирового колосса, поднимающегося на востоке. Постепенно формирующееся единодушие по отношению ко всем этим опасениям оправдывает осторожные надежды на более стабильные и тесные отношения между Западом и Востоком в долгосрочной перспективе, несмотря на неуравновешенную внутривнутриполитическую динамику.

Соответственно если Европа без более тесных и разносторонних

отношений с Россией остается «незавершённой», то и российское геополитическое будущее и приемлемое для нее самой современное демократическое самосознание без сближения с Западом в общем и с Европой в частности ещё под вопросом. Не завоевав доверия Запада и не пройдя адаптационных преобразований, Россия рискует так и не преодолеть внутренней слабости и противоречивости своих внешнеполитических притязаний, мешающих ей стать по-настоящему успешным демократическим государством. В приведённом выше обращении Медведев, кроме

своевременного и недвусмысленного предупреждения соотечественникам, сформулировал единственный имеющийся сейчас у России выход: «Наши внутренние финансовые и технологические возможности сегодня недостаточны для реального подъёма качества жизни. Нам нужны деньги и технологии стран Европы, Америки, Азии. Этим странам нужны, в свою очередь, возможности России. Мы крайне заинтересованы в сближении и взаимном проникновении наших культур и экономик».

Партнёрство, которому будет способствовать политическая модернизация России, вселяет самые

радужные надежды на искреннее сотрудничество. Его вероятность повысится, если Запад также сохранит свое трансатлантическое единство и на этой основе будет проводить долгосрочную политику, отличающуюся стратегической ясностью и историческим подходом. Стратегическая ясность означает не что иное, как реалистичную оценку того, насколько Россия укрепит, а не расколется Запад. Исторический подход подразумевает, что по-настоящему прочное сближение Запада с Россией требует терпения и настойчивости. Главный принцип стратегически выверенной и исторически целесообразной

политики должен состоять в том, что лишь в спайке с Америкой Европа сможет без опаски обратиться на восток, чтобы наладить спланированные связи с Россией.

От Запада и России требуется как общность внешнеполитических интересов, так и приверженность общим ценностям в рамках конституционной демократии. Плановый переход России на универсальные демократические стандарты (путем «взаимного проникновения культур», как сказал Медведев) приведет со временем к постепенно углубляемому преобразованию внутриполитического устройства

России. С внешней же стороны он будет способствовать расширению социальных, экономических и в конечном итоге политических связей с Западом. Свободная экономическая зона, свобода передвижений по всей Европе и, наконец, возможность для отдельного гражданина беспрепятственно переселиться туда, где ему покажется экономически выгоднее, способны катализировать в России приемлемые для углубления политических и оборонных связей с Западом перемены.

Рассуждая, когда же Россия сможет стать органичной частью Запада, нельзя забывать о кардинальных переменах,

происшедших в глобальной геополитической действительности за последние сорок лет, и о том, что мы живем во времена драматического ускорения хода истории. (В приведённой ниже таблице представлены в сильно сжатом виде масштабные геополитические изменения, происшедшие всего за сорок лет, с 1970 по 2010 год.)

Последовательно выстраиваемое сближение между Россией и атлантическим Западом (в экономическом плане — с Евросоюзом, в области безопасности — с НАТО и в общем плане с Соединёнными Штатами) может

ускорить постепенное признание Россией подлинной независимости Украины, которая гораздо охотнее своей соседки желает сблизиться с Европой и в конечном итоге даже вступить в Евросоюз. В ноябре 2010 года Евросоюз благоразумно предоставил Украине доступ к участию в своих программах в преддверии подписания официального договора об ассоциации в 2011 году. Дружелюбная, но несколько опережающая Россию в сближении с Западом Украина поможет подтолкнуть Россию в том же направлении. И напротив, изолированная Украина, попадающая

В усиливающееся политическое подчинение к России, становящаяся её сателлитом, склонит Россию к нежелательному выбору имперского прошлого, а не сулящего взаимные выгоды европейского будущего.

	Запад	Россия	Китай
Около 1970—1980 гг.	• НАТО охватывает только половину Европы	• Недавний ввод войск в Чехословакию (1968)	• Внутренние беспорядки, вызванные разгулом поощряемой сверху преступности после «Культурной революции»
	• Европу тревожит рост советской военной мощи	• Благодаря масштабному наращиванию стратегического вооружения грозит обогнать США	• Массовые чистки в политических верхах
	• США увязли во Вьетнамской войне, далее следует вывод войск	• Объявила о своих намерениях обогнать США в экономическом развитии к 1980 году	• Промышленное производство составляет около 9% от американского
Около 1980—1990 гг.	• Свержение проамерикански настроенного шаха в Иране	• СССР вводит войска в Афганистан	• Дэн Сяопин проводит либеральные экономические реформы
	• США нормализует отношения с Китаем и вступает с ним в тайный антисоветский альянс	• Готовится к вводу войск в Польшу, чтобы подавить «Солидарность»	• Нормализует отношения с США и объединяется со Штатами против СССР в Афганистане
		• Эксперименты с «перестройкой» на фоне экономического застоя	• Подавляет демократические протесты на площади Тяньань-мынь

	Запад	Россия	Китай
Около 1990—2000 гг.	США остается после «холодной войны» единственной в мире супердержавой	В Польше приходит к власти «Солидарность», советский блок распадается	Распространяет экономические реформы с сельских районов на городские центры
	Воссоединение Германии	Советский Союз рушится, бывшие советские республики получают независимость	Годовой экономический прирост приближается к 10%
	Европейское сообщество превращается в Евросоюз	Россия экспериментирует с демократией на фоне социального кризиса	Начало обновления городской инфраструктуры
	Расширение НАТО на Центральную Европу		
Около 2000—2010 гг.	США начинают «Войну с террором» после трагедии 11 сентября	Россия ввязывается в войну с Чечней	Входит во Всемирную торговую организацию
	США свергают «Талибан» в Афганистане	Правительство Путина возвращает государственной власти авторитарность	Становится всемирной промышленной мануфактурой, опережая США в объемах промышленного производства, получает статус второй по величине экономики мира

	Запад	Россия	Китай
	США вводит войска в Ирак в 2003 году	Стремится стать энергетической супердержавой	В результате 30-летнего экономического роста в стране складывается 250-миллионный средний класс
	Евросоюз принимает страны Центральной Европы	Российская экономика демонстрирует уязвимость для глобальных процессов, и социальный застой остается непреодоленным	
	Запад переживает крупномасштабный финансовый крах		
	США накрывает системный кризис, вызванный долгами и спадом во внутренней экономике		

Подлинная основа более официальных и тесных институциональных связей между Западом и Россией, которые могут сложиться за следующие несколько десятилетий, пока остается лишь предметом размышлений. Насколько возможно, этот процесс должен проходить равномерно во всех областях — социальной, экономической, а также политической и оборонной. Воображение рисует развитие условий для социального взаимодействия, аналогичные подвижки в конституционной и правовой сфере, совместные военные учения войск НАТО и российских

войск, организацию новых координирующих политических институтов в рамках расширяющегося Запада, что в конечном итоге повышает готовность России к вступлению в Евросоюз.

Однако даже не дожидаясь действительного членства России в Евросоюзе, складывающееся геополитическое пространство, объединяющее интересы США, Европы и России (от Ванкувера на восток до Владивостока), могло бы пока обеспечить официальную почву для совещаний по вопросам общей политики. Поскольку любое тяготение России к Западу будет, вероятнее всего, сопровождаться

(или даже предваряться) аналогичным сближением с Украиной, местоположением для этого коллективного совещательного органа (или — до его появления — Совета Европы) может стать Киев (древняя столица Киевской Руси, правители которой тысячу лет назад были связаны с Западом родственными узами). Расположение его на нынешнем востоке Европы, к северу от Турции, будет символизировать расширение границ Запада и приток новых сил.

Таким образом, заглядывая в будущее после 2025 года, вполне возможно представить себе Запад в расширенной конфигурации. Турция

к тому времени может оказаться полноценной участницей Евросоюза, пройдя этапы промежуточных преобразований, чтобы удовлетворить более сложным требованиям, необходимым для членства в ЕС. Однако, если Европа и Америка будут держать разумный и стратегически выверенный курс на расширение Запада, процесс включения Турции в Европу пройдет своевременно, хоть и без форсирования. Логично также предположить, что в ближайшие два или более десятилетия может сложиться по-настоящему тесное сотрудничество между Западом и Россией, при благоприятных

условиях способное привести к вступлению России в Евросоюз и в НАТО, если к этому времени Россия начнет всеобъемлющие демократические преобразования на правовой основе, совместимые со стандартами Евросоюза и НАТО.

В выигрыше останутся все заинтересованные стороны. Процесс будет происходить в соответствии с требованиями истории, социальных изменений и модернизации. Турции и России, в частности, он поможет прочно застолбить свое место в современном демократическом мире, тогда как включение Украины послужит гарантией её государственной независимости.

Перед нынешней Европой
распахнутся новые горизонты
заманчивых возможностей и
свершений. Европейская молодежь
сможет пробовать свои силы «на
востоке», будь то на севере
Восточной Сибири или Восточной
Анатолии, ведь кого-то манят
открытые просторы, а кого-то новые
предпринимательские возможности.
Беспрепятственное передвижение и
открывающиеся перспективы
помогут Европе оглянуться кругом и
сосредоточиться ещё на чем-то,
кроме собственной социальной
безопасности. Евразию расчертит
сетка современных автомагистралей
и скоростных железных дорог,

которая облегчит перемещение людских масс, и тогда слабеющее российское присутствие на Дальнем Востоке получит приток новых экономических и демографических сил с Запада. Через несколько лет космополитизирующийся Владивосток может стать европейским городом, оставаясь при этом частью России.

Расширенная структура Европы, включающая в тех или иных аспектах Турцию и Россию, означает, что Европа, остающаяся в союзе с Америкой, станет, по сути, одним из значимых мировых игроков. Расширенный Запад, объединяемый общей территорией и общими

принципами, будет лучше
справляться с намечающейся в
некоторых частях Евразии
склонностью к религиозной
нетерпимости, политическому
фанатизму или растущему
воинствующему национализму,
предлагая более заманчивые
экономические и политические
альтернативы.

Тем не менее расширение и
энергичность Запада не должны
сводиться к возрождению
исторической веры в универсальную
применимость западных
демократических ценностей. Они
должны стать результатом
целенаправленных усилий со

стороны как Америки, так и Европы по более официальному приобщению Турции и России к расширенному сотрудничеству на основе упомянутых общих ценностей и искренней переориентации на демократию. На это потребуются немало времени, упорства и — в более сложном и запутанном случае с Россией — хладнокровного реализма. В любом случае это будет гигантский шаг вперед для континента, который в прошлом столетии оказался ареной величайшего в истории массового истребления людей, опустошительных и разрушительных войн, а также наиболее

организованных проявлений способности человечества к самоуничтожению. Учитывая, насколько резко изменилась глобальная политическая ситуация за последние сорок лет (см. таблицу выше), в нашу эпоху ускоряющейся истории прогнозы на формирование геополитически расширенного и более энергичного Запада во второй четверти XXI века могут оказаться ещё не самыми дерзкими из попыток заглянуть в будущее.

3. Стабильный и готовый к сотрудничеству Восток

Принимая во внимание намечающееся смещение глобального центра тяжести с Запада на Восток, не окажется ли новая Азия XXI века, подобно старой Европе XX века, одержима межгосударственными распрями и не падет ли в итоге жертвой саморазрушения? Если да, то мир на земле ждёт катастрофа. Поэтому данным вопросом следует задаться с самого начала, особенно в свете разительного сходства между сегодняшней Азией и вчерашней

Европой.

В начале XX века Европа находилась на пике своего глобального влияния, однако за каких-нибудь тридцать лет обескровила сама себя. В основном это произошло из-за невозможности включить агрессивную, набирающую силы имперскую Германию в существующую европейскую систему. (Наблюдается некоторое сходство с возвышением современного Китая в нынешней Азии.) Франция, не простившая Пруссии своего поражения в 1870 году, противостояла усилению Германии и была им сильно встревожена. (Просматриваются

параллели с современной Индией.)
Островная Британия, пользуясь
тем не менее значительным
влиянием на континенте, не
вмешивалась в европейские дела
напрямую, однако они ее, конечно,
затрагивали. (Напрашивается
некоторая аналогия с современной
Японией.) Немаловажную роль
сыграла и Россия. Её
противодействие союзу Германии с
Австро-Венгрией против Сербии
развязало войну в 1914 году, а пакт с
Германией в 1939 году привел ко
второму и финальному раунду
европейского саморазрушения.
Сегодняшняя Россия, обеспокоенная
усилением Китая, симпатизирует

Индии как возможному противовесу.

Главной причиной европейской катастрофы оказалась неспособность европейской системы межгосударственных отношений (сложившейся столетием ранее в результате соглашения великих империй на Венском конгрессе в 1815 году) справиться с одновременным становлением новой империи и волной патриотических настроений в странах Центральной Европы, которые в последующие десятилетия только крепли. В сегодняшнем мире, центром которого уже не является Европа, вопрос региональной стабильности Азии, безусловно, весьма критичен для

глобального благополучия. Обусловлено это не только подъёмом Китая на вершину международного влияния, но и самоочевидно высоким положением Японии, Индии, Индонезии и Южной Кореи в глобальной экономической иерархии, не говоря уже о совокупном экономическом весе нескольких стран средней величины на азиатском юго-востоке. В общей сложности — даже при отсутствии совместных действий — на азиатские государства приходится 24,7% общемирового ВВП и 54% мирового населения.

Кроме того, как отмечалось в части I, эта огромная доля мирового

населения, принадлежащая Азии, испытывает сейчас политическое пробуждение. Её политическое осознание определяется и подогревается национализмом и (или) религией, пропитанными сохраняющейся (в разной степени, в зависимости от конкретного исторического опыта, пережитого каждой страной) враждебностью к Западу. Лейтмотивом в этих различных исторических повествованиях проходит тема антиимпериализма, где на те или иные сегменты Запада возлагается вина за действительные и вымышленные преступления. В общем и целом Восток нельзя

назвать единым — в политическом, религиозном, культурном и этническом отношении он отличается большей разрозненностью, чем неохотно консолидирующийся Запад. Политическое пробуждение Востока началось позже, и горькие воспоминания у него ещё свежи. Восток проникается коллективной гордостью, богатеет и набирает силу, однако его огромное население по-прежнему живет в бедности, тесноте и обиде. Между многими восточными государствами не ослабевает вражда. И если их популистская энергия может легко иссякнуть, по накалу национализма

они вполне сравнимы с Европой полуторавековой давности.

Таким образом, азиатский национализм, особенно подкрепленный в некоторых случаях религиозным пылом, представляет главную угрозу политической стабильности в регионе. Кроме того, он может стать основным препятствием на пути возникновения и (или) формирования по-настоящему стабильной демократии, особенно если его пламя раздуют какие-нибудь резонансные события в межгосударственных отношениях, касающиеся того или иного конфликтного вопроса. Бурление страстей, разжигаемых

националистическими лозунгами, может привести к сильному нагнетанию обстановки, справиться с которым не смогут даже авторитарные власти региона. Что ещё хуже, малочисленные относительно демократические государства будут вынуждены присоединиться к волне всколыхнувшегося национализма в знак собственной популистской солидарности.

В случае подобного угрожающего развития событий возможностей для конфликта хоть отбавляй. Одни провоцируют усиление соперничества между региональными державами

(очевидный пример — Китай и Индия). Водные и территориальные споры могут послужить как причиной, так и поводом. Другие — это относится к Пакистану и Индии — могут вспыхнуть из-за нерешенных и потенциально взрывных территориальных конфликтов, которые обострят националистическую и религиозную вражду до пределов угрозы существованию обеих стран. Третьи может ненамеренно породить неослабевающая исторически сложившаяся неприязнь, как в случае с Китаем и Японией. Четвертые выступают побочным эффектом внутренней нестабильности и

просчетов руководства на высшем уровне (здесь поневоле вспоминается отношение Северной Кореи к Южной). Причиной пятых может стать столкновение морских интересов — между Китаем и Японией, а также между Китаем и его соседями по Юго-Восточной Азии, имеющими выход к Южно-Китайскому морю. Кроме того, слабеющую в случае отказа идти на сближение с Западом и модернизироваться Россию могут также возмущать всё более успешные попытки Китая расширить доступ к природным ресурсам Монголии и новым центральноазиатским государствам.

Помимо всего этого, мотивирующим импульсом серьёзного международного напряжения может стать неспособность Америки и Китая сообща адаптироваться к меняющемуся распределению политических и экономических сил в их двусторонних отношениях. Камнем преткновения — кроме очевидного экономического соперничества и нерешённых финансовых споров — может послужить статус Тайваня или степень американского военно-морского присутствия вблизи китайских территориальных вод, или столкновение интересов в корейском

конфликте.

И наконец, нельзя забывать о потенциальной роли ядерного вооружения в этой региональной розни. На новом Востоке уже имеются три легальные ядерные державы (Китай, Индия и Пакистан) и одна полулегальная — Северная Корея, которая периодически провозглашает себя таковой, выступая с угрозами. Если Япония начнет сомневаться в оборонных обязательствах Америки, она с легкостью превратится в ядерную державу сама, тогда как на юго-западных рубежах новой Азии к вступлению в ядерный клуб, возможно, уже приближается Иран.

Отсутствие расширенной структуры коллективной безопасности в Азии (аналогичной имеющейся на сегодняшний день в Европе) и вероятность такого большого числа конфликтов, способных вспыхнуть на фоне зыбких националистических притязаний, оправдывают опасения, что какой-нибудь международный инцидент может перерасти в более масштабные региональные действия, напоминающие (особенно если в ход пойдет ядерное оружие) или даже затмевающие те ужасы, которые пережила Европа в предыдущем столетии.

Однако, несмотря на множество неурегулированных вопросов и

имеющуюся асимметрию, нельзя категорично утверждать, что новый Восток обречён на разрушительные международные войны. Параллели с Европой XX века кажутся убедительными, но не меньшее значение имеют различия, проистекающие из новых глобальных реалий XXI века и уникальной истории межгосударственной системы отношений в Азии.

Первое отличие — геополитический факт, что (не в пример Европе начала XX века, которая тогда ещё выступала средоточием мировых сил) Азия пока ещё не доросла до центра мировой военной мощи. Это значит, что главе

любого азиатского государства, решающегося на масштабные военные действия, придётся учесть вероятность вмешательства косвенно затронутых внешних сил. Например, в случае по-настоящему серьёзной войны (а не просто приграничных столкновений) между Индией и Китаем Россия почти наверняка встанет на сторону Индии, просто потому, что это ослабит Китай. Реакция Америки, вероятно, будет направлена на то, чтобы ни одна держава не выбилась в безоговорочные властители Азии. Поэтому Америка, чтобы не допустить одностороннего исхода, скорее всего постарается сократить

как число военных целей, так и размах и накал действий с обеих сторон.

Осведомлённостью азиатских властей о наличии более влиятельных третьих сил может отчасти объясняться, почему военные бюджеты азиатских стран остаются настолько низкими относительно ВВП этих стран. (Согласно данным Всемирного банка, Китай тратит на оборону 2%, Индия — 3%, Япония — 1% своего ВВП. Расходы США составляют 4,6%.) Даже на примере Китая и Индии, судя по объемам оборонного бюджета и сравнительно скромным ядерным арсеналам, ни одна из сторон не рассматривает

всерьез возможность окончательного разрешения существующих или потенциальных разногласий силовым путем — несмотря на непрекращающиеся взаимные подозрения.

Во-вторых, современной Азии выгодны условия международной коммерческой взаимозависимости, которые не только препятствуют односторонним военным действиям, но и открывают возможности альтернативных источников удовлетворения национальных амбиций (например, путем экономического роста за счет внешней торговли), а следовательно, подавления националистического

экстремизма. Китай, несомненно, сознает, что тридцать лет впечатляющих внутренних социоэкономических преобразований обеспечили ему международное главенство и прочные экономико-финансовые позиции. И опыт Китая не уникален. Другие приближающиеся к успеху азиатские государства (в частности Северная Корея и блок АСЕАН) также извлекают выгоду из разветвленной сети связей и отношений, требующих несколько поумерить националистический пыл. В XXI веке средний класс связан с международным сообществом гораздо теснее, чем его европейские

предшественники в XX веке. Учеба за границей, частые путешествия, деловые связи, общие профессиональные ожидания, тесное транснациональное общение в Интернете — все это способствует если не полностью неуязвимому для националистических амбиций мировоззрению, то по крайней мере острее осознающему взаимозависимость государственных интересов.

В-третьих, нельзя не учитывать и исторический контраст между Европой и Азией. Как отмечено в заслуживающей внимания работе о становлении Китая, ещё несколько столетий назад «важнейшие

государства Восточной Азии — от Японии и Кореи до Китая, Вьетнама, Лаоса, Таиланда и Кампучии <...> были связаны между собой напрямую или через Китай посредством торговых и дипломатических отношений и удерживались вместе общим пониманием принципов, норм и правил, регулирующих эти взаимоотношения. <...>

Долговременные перемирия между европейскими странами были скорее исключением, чем правилом. <...> Тогда как государства Восточной Азии, напротив, почти непрерывно жили в мире друг с другом, не по 100, а по 300 лет»[\[22\]](#).

И наконец, мотивирующие импульсы угрозы миру в Азии XXI века и в Европе XX столетия тоже не совпадают. В Европе движущей силой межгосударственных войн выступали подогреваемые национализмом территориальные притязания стран, исходящих из формулы «больше территория — больше власти — выше статус». В крайнем своем проявлении эти притязания оправдывались сомнительной теорией жизненного пространства (*lebensraum*), якобы необходимого для выживания страны. В современной Азии основной причиной региональной напряженности станут скорее всего

внутренние конфликты, возникающие на почве этнической розни и верности догосударственному роду, а не посягательства на соседние территории. И действительно, если не считать пакистанских опасений относительно Индии, главной задачей большинства военных частей юго-восточных и юго-западных азиатских стран остается не защита границ от посягательств соседей, а поддержание стабильности существующих государств.

Что касается густонаселённой Индии, причиной региональных беспорядков может послужить одно из двух потенциально опасных

внутренних противоречий: пропасть между самыми богатыми и самыми бедными слоями (учитывая, что нищета в Индии выражена гораздо острее, чем в Китае) и этническо-лингвистическо-религиозное расслоение. В отличие от Китая, где 91,5% населения составляет этническая группа хань, самая крупная этническая группа в Индии насчитывает около 70%, а значит, остальные 300 миллионов человек принадлежат, по сути, к этническим меньшинствам. В религиозном отношении индийцы распределяются следующим образом: около 950 миллионов индусов, приблизительно 160 миллионов мусульман, около 22

миллионов сикхов и множество исповедующих прочие верования. Хинди в качестве общего языка объединяет меньше половины населения. Кроме того, уровень грамотности в Индии вопиюще низок, большинство женщин просто не умеют читать и писать. Растет волна сельских беспорядков, которую, несмотря на распространяющееся насилие, не удастся подавить уже больше десяти лет.

Кроме того, политической системе Индии ещё только предстоит доказать свою функциональность как «крупнейшей демократии мира». Это испытание начнется, когда народ

Индии испытает настоящее политическое пробуждение и проявит политическую активность. Учитывая высокий уровень неграмотности населения и тесную связь между богатством и привилегированным положением политической верхушки, индийская «демократия» скорее напоминает британскую аристократическую «демократию» второй половины XIX века, до появления профсоюзов. Функциональную жизнеспособность существующей системы ждёт серьёзная проверка на прочность, когда разношерстные народные массы обретут политическое сознание и начнут отстаивать свои

идеи. Внутренняя сплоченность страны затрещит под напором этнических, религиозных и языковых разногласий. Если ситуация выйдет из-под контроля, соседний Пакистан, и без того стонущий от межплеменных раздоров, также может стать геополитическим очагом разгорающегося регионального насилия.

В этой потенциально конфликтной обстановке стабильность Азии будет отчасти зависеть от того, как отреагирует Америка на события в двух пересекающихся региональных треугольниках с центром в Китае. Первый треугольник составляют

Китай, Индия и Пакистан. Второй — Китай, Япония и Корея с государствами Юго-Восточной Азии на подхвате. В первом случае главным очагом напряжения и источником нестабильности окажется Пакистан. Во втором — Корея (обе Кореи, Северная и Южная) и (или), возможно, Тайвань.

В обоих случаях Штаты по-прежнему останутся ключевой фигурой, способной влиять на расстановку сил и исход событий. Поэтому с самого начала Штаты должны руководствоваться общим принципом: избегать какого бы то ни было прямого вооружённого вмешательства в конфликты между

враждующими азиатскими странами. Любой исход — как пакистаноиндийской войны, так и войны с участием Китая или даже непосредственно китайско-индийской — не скажется на интересах Штатов более пагубно, чем обновленное и, возможно, расширенное американское военное присутствие на азиатском материке. Причем последнее может вызвать гораздо более сильную цепную реакцию, результатом которой будет этническая и религиозная нестабильность в Азии.

Перечисленное, разумеется, не относится к существующим обязательствам США по отношению

к Японии и Южной Корее, где в настоящее время дислоцирован американский военный контингент. Более того, невмешательство Штатов в возможные конфликты между азиатскими государствами не означает безразличия к их потенциальному исходу. Штаты, несомненно, должны направить свое международное влияние на то, чтобы не дать разгореться войне, сдерживать ее, если она все же вспыхнет, и не допустить одностороннего её разрешения. Однако подобные действия должны подразумевать участие других сторон, потенциально затрагиваемых крупными беспорядками в Азии.

Некоторые из них могут предпочесть отсидеться в стороне, загребая жар руками Америки. Следовательно, другие державы, помимо Штатов, должны взять на себя задачу предотвратить или сдержать кризис, а также при необходимости подвергнуть санкциям самую агрессивную из воюющих сторон.

В первом треугольнике борьба ведется за главенство в Азии. Китай с Индией и без того выступают крупными игроками на международной арене. Индия — самая населённая страна в мире, экономика её находится на подъёме, жизнеспособность её формальной демократии как возможной

альтернативы китайской авторитарной модели представляет особый интерес для демократической Америки. Китай — вторая по величине экономика мира, недалек тот час, когда он нарастит до таких же масштабов (если уже не нарастил) свой военный потенциал, а кроме того, он стремительно поднимается на вершину мирового Олимпа. Поэтому китайско-индийские взаимоотношения проникнуты соперничеством и антагонизмом, тогда как Пакистан выступает камнем преткновения.

С индийской стороны существующие трения и взаимная неприязнь подпитываются

относительно неприкрытой
враждебностью по отношению к
Китаю, выражаемой в
нецензурируемых СМИ и
стратегических дискуссиях. Китай
неизменно предстает в них как
угроза, в основном территориальная.
Средства массовой информации
часто упоминают оккупацию Китаем
спорных приграничных территорий в
1962 году. Стремление Китая
установить свое экономическое и
политическое присутствие в Мьянме
и пакистанских портах на
Индийском океане подается публике
как стратегический замысел по
блокаде Индии. Китайские СМИ,
находящиеся под государственной

цензурой, отличаются большей сдержанностью в выражениях, однако об Индии отзываются снисходительно, рисуя её не слишком серьёзным соперником и тем самым только подогревая её неприязнь.

В значительной степени это высокомерие по отношению к Индии основывается на более высоких общественных показателях Китая. Его ВВП существенно выше, чем у Индии; модернизация городской среды и инфраструктурные инновации проходят на более передовом уровне; население отличается большей грамотностью, а также большей этнической и языковой однородностью (см.

Таблицу 4.2).

В любом случае обе стороны находятся в стратегическом плену своих субъективных ощущений и геополитической обстановки. Индия завидует экономическим и инфраструктурным преобразованиям Китая. У Китая вызывает презрение сравнительная отсталость Индии (в социальном плане наиболее наглядно выраженная в разрыве между уровнями грамотности населения обеих стран) и отсутствие дисциплины. Индия боится китайско-пакистанских столкновений, Китай опасается, что Индия перекроет ему доступ по Индийскому океану к Ближнему

Востоку и Африке. Если не считать ритуальных заявлений в дипломатических коммюнике о преданности обеих сторон делу мира, нельзя сказать, чтобы влиятельные фигуры часто призывали к полномасштабному взаимному урегулированию, поэтому обоюдная неприязнь ширится и растет.

Китай и Индия в рейтинге глобальных системных показателей

Показатель	Позиция Китая	Страны, занимающие соседние с Китаем места в рейтинге	Позиция Индии	Страны, занимающие соседние с Индией места в рейтинге
Логистика международной торговли ^{xi}	27-е место	26-е место — Чешская Республика, 28-е место — ЮАР	47-е место	46-е место — Кипр, 48-е место — Аргентина
Развитие человеческого потенциала ^{xii}	89-е место	88-е место — Доминиканская Республика, 90-е место — Сальвадор	119-е место	118-е место — Кабо-Верде, 120-е место — Восточный Тимор
Образование ^{xiii}	97-е место	96-е место — Малайзия, 98-е место — Суринам	145-е место	144-е место — Коморские острова, 146-е место — Камерун
Экологическое состояние ^{xiv}	121-е место	120-е место — Мадагаскар, 122-е место — Катар	123-е место	122-е место — Катар, 124-е место — Йемен
Конкурентоспособность экономики ^{xv}	27-е место	26-е место — Малайзия, 28-е место — Бруней	51-е место	50-е место — Мальта, 52-е место — Венгрия

^{xi} Всемирный банк, Индекс развития логистики (LPI), 2010 г.

^{xii} ПРООН, Индекс развития человеческого потенциала, 2009 г.

^{xiii} ПРООН, Индекс образования, 2009 г.

^{xiv} Индекс экологического состояния (EPI), 2010 г.

^{xv} Всемирный экономический форум, Индекс глобальной конкурентоспособности, 2010–2011 гг.

Продолжение таблицы 4.2

Восприятие правительственной коррупции ^{xvi}	78-е место	73-е место — Болгария, 85-е место — Марокко (Китай делит 78-е место с 5 странами, в т.ч. Грецией)	87-е место	85-е место — Марокко, 91-е — Босния и Герцеговина (Албания, Ямайка и Либерия делят с Индией 87-е место)
Предпринимательство ^{xvii}	40-е место	39-е место — Перу, 41-е место — Колумбия	53-е место	52-е место — Панама, 54-е место — Бразилия

^{xvi} «Transparency International», Индекс восприятия коррупции, 2010 г.

^{xvii} Глобальный индекс предпринимательства и экономического развития, 2010 г.

Индикаторы развития Китая и Индии^{xviii}

Индикатор	Позиция Китая	Количество	Позиция Индии	Количество
Продолжительность жизни	94-е место	74,51 года	160-е место	66,46 лет
Уровень грамотности мужского населения		95,7%		73,4%
Уровень грамотности женского населения		87,6% (2007 г.)		47,8% (2001 г.)
Население, живущее за чертой ППС в \$1,25/день ^{xix}		15,9% (2008)		41,6% (2008)
Темпы прироста промышленного производства	4-е место	9,9%	8-е место	9,3%
Инвестиции (валовые вложения в основные фонды)	1-е место	46,3% ВВП	13-е место	32,4% ВВП
Инвестиции в научно-исследовательские работы (2010) ^{xx}		1,4% ВВП (Общие бюджетные расходы составили \$141,4 млрд)		0,9% ВВП (Общие бюджетные расходы составили \$33,3 млрд)
Скоростные автомагистрали		65 000 км		200 км

^{xviii} «Всемирная книга фактов» ЦРУ, оценочные данные за 2009–2010 гг.^{xix} ПРООН, Отчет о развитии человечества, 2010 г. Таблица 5. Комплексный индекс бедности.^{xx} Battelle and R&D Magazine, Прогноз глобального финансирования НИОКР, 2010 г.

Америке в этом соперничестве следует держаться осторожно и отстранённо. Однако разумную сдержанность, особенно в вопросе альянса с Индией, не стоит понимать как безразличие к потенциальному явлению Индии в качестве альтернативы китайской авторитарной политической модели.

Индия подает большие надежды, тем более если ей удастся объединить стабильное развитие с распространением демократии. Поэтому теплота отношений Америки с Индией вполне оправдана, что не подразумевает, впрочем, поддержки в таких спорных вопросах, как Кашмир (учитывая, какой критике подвергаются действия Индии в этом отношении), и не означает, что данное сотрудничество направлено против Китая.

Принимая во внимание, что в политических кругах США начинают ратовать за официальный американо-индийский альянс, очевидно, против

Китай и, по сути, также против Пакистана, необходимо открыто заявить, что подобная инициатива противоречит интересам государственной безопасности США. Она повышает вероятность вовлечения Штатов в потенциально затяжные и острые азиатские конфликты. Принятое в 2011 году на фоне неснятого эмбарго на продажу оружия Китаю решение Штатов продавать передовое оружие Индии оказалось не самым мудрым. Укрепляя, с одной стороны, ядерную программу Индии, с другой стороны, Штаты портят отношения с Китаем, создавая впечатление противостояния ещё до того, как Китай сам

запишется в противники.

Кроме того, американо-индийский альянс своим появлением окажет бесплатную услугу России. Он помешает долгосрочным интересам Америки в Евразии по двум причинам: во-первых, снизит опасения России по отношению к Китаю и тем самым ослабит её заинтересованность в сближении с Западом, и во-вторых, усилит соблазн Москвы, воспользовавшись тем, что Америка отвлеклась на азиатские конфликты, посильнее утвердить свои имперские интересы в Центральной Азии и Центральной Европе. Перспективы расширенного и более энергичного Запада в этом

случае становятся туманными.

И наконец, американо-индийский альянс имеет шансы повысить привлекательность идеи антиамериканского терроризма среди мусульман, которые решат, что этот союз негласно направлен против Пакистана. Тем более вероятно такое развитие событий, если к тому времени в Индии появятся очаги религиозной вражды между индусами и мусульманами. Большая часть остального исламского мира, будь то близлежащая Юго-Западная Азия, Центральная Азия или Ближний Восток, проникнется растущим сочувствием и поддержит теракты

против Америки. В общем и целом, что касается первого азиатского треугольника, самым мудрым будет воздерживаться от любых альянсов, которые вынудят Штаты к вооружённому вмешательству в этой части Азии.

Во втором региональном треугольнике, включающем Китай, Японию, Южную Корею и частично Юго-Восточную Азию, картина вырисовывается менее четкая. В общих чертах ключевыми вопросами здесь выступают роль Китая как господствующей державы в материковой части Азии и позиция Америки в Тихом океане. Главным политическим и военным союзником

Америки на Дальнем Востоке остается Япония, хотя её военный потенциал в настоящее время сокращен (однако положение имеет шансы измениться, учитывая растущие опасения по поводу усиления Китая). Кроме того, Япония считается третьей по величине экономикой мира, лишь недавно уступив Китаю второе место. Южная Корея — страна с растущей экономикой и давняя союзница Америки, рассчитывающая на её прикрытие в случае конфликта со своей враждебной северной родственницей. Юго-Восточная Азия обладает менее официальными связями с США и состоит в тесном

региональном партнёрстве (АСЕАН), однако усиление Китая её тоже пугает. Самое главное, что Америка и Китай уже связаны экономическими отношениями, из-за которых в случае взаимного охлаждения могут пострадать обе стороны, тогда как экономический и политический рост Китая в любом случае представляет потенциальную угрозу нынешнему глобальному главенству Америки.

Учитывая недавние успехи Китая и его исторические достижения, было бы опрометчиво рассчитывать, что китайская экономика может внезапно забуксовать. Ещё в 1995 году (теперь его можно назвать срединной вехой

тридцатилетнего подъёма китайской экономики) некоторые выдающиеся американские экономисты высказывали предположение, что к 2010 году Китай может оказаться в такой же финансовой яме, как и Советский Союз тридцатилетней давности после фантасмагорических обещаний руководства в 1960-х, что к 1990-м страна догонит и перегонит Америку. Сейчас даже для закоренелых скептиков очевидно, что экономический взлет Китая не фикция и имеет все шансы продолжиться, хотя, возможно, со снижением темпов годового прироста.

Из этого не следует, что на

Китае никак не отразится мировой финансовый кризис или глобальный спад спроса на товары его производства. Кроме того, из-за растущего социального расслоения может усиливаться напряжение в обществе, которое приведет к политическим беспорядкам, повторяющим в каком-то смысле события на площади Тяньаньмынь в 1989 году. Новый китайский средний класс, насчитывающий, по некоторым данным, около 300 миллионов человек, может потребовать расширения своих политических прав. Однако ничто из этого не похоже на системный крах Советского Союза. Растущее влияние

Китай на международную обстановку — это данность, с которой Америке придётся смириться, не демонизируя и не впадая в едва завуалированные мечты о том, что она вдруг исчезнет.

Куда более серьёзная опасность грозит с совершенно другой стороны, не экономической, а скорее социополитической. Спровоцировать её может постепенное и сперва незаметное ослабление хватки китайского руководства или более осязаемое усиление китайского национализма. По отдельности или вместе оба этих фактора могут лечь в основу политики, губительной для международных амбиций Китая, и (или) помешать его спокойным

внутренним преобразованиям.

До сих пор китайское руководство со времен «Культурной революции» в общем и целом отличалось благоразумием. Дэн Сяопин обладал настойчивостью и дальновидностью, строящимися на прагматическом реализме. После него Китай пережил три смены руководства, прошедшие без эксцессов благодаря отчасти негласной систематизации процедур четко расписанного графика передачи власти. Его преемники иногда вступали в разногласия друг с другом (например, Ху Яобан, какое-то время рассматривавшийся как возможный наследник Дэн Сяопина,

выступал за больший политический плюрализм, чем было приемлемо для его товарищей по партии). Китайские руководители стараются предугадывать возможные проблемы и извлекать уроки из соответствующего зарубежного опыта по борьбе с неизбежными при экономическом взлете осложнениями. (Так, китайское политбюро периодически посвящает целый день разбору какой-нибудь острой внешне- или внутривнутриполитической проблемы, проводя соответствующие исторические или зарубежные параллели. Самое первое такое заседание было, что весьма

показательно, посвящено урокам взлета и падения иностранных империй, самой последней из которых называлась американская.)

Нынешнее поколение руководителей, уже не революционеров и не новаторов, выросло в устойчиво сформировавшихся политических условиях, где по основным вопросам государственной политики выработан долгосрочный курс. Другого прочного фундамента эффективного управления, кроме стабильности государственного аппарата (то есть централизованного контроля), они не признают. Однако в условиях крайней бюрократизации

соглашательство, осторожность и заискивание перед вышестоящими зачастую гораздо больше способствуют политическому карьерному росту, чем личное мужество и инициативность. Маловероятно, что какое бы то ни было политическое руководство сможет в конечном итоге сохранить жизнеспособность, если в его кадровой политике почти исподволь вырабатывается отторжение таланта и предприимчивости. Так недалеко и до распада, тогда как стабильность политической системы может поставить под угрозу намечающийся разрыв между официально провозглашаемым прежним укладом

и разномастными ожиданиями политически пробуждающегося народа.

Однако в случае Китая народное недовольство вряд ли выплеснется в массовые призывы к демократии — скорее оно выльется в социальные конфликты либо националистические волнения. Правительство больше готовится к первому. Государственные плановики даже сформулировали и обнародовали пять основных проблем, которые, по их мнению, могут привести к массовым волнениям, угрожающим социальной стабильности: 1) разрыв между богатыми и бедными, 2) городские

беспорядки и недовольство, 3)
укоренившаяся коррупция, 4)
безработица и 5) утрата
общественного доверия [\[23\]](#).

С усилением
националистических настроений
справиться будет сложнее. Даже из
подцензурных публикаций в СМИ
складывается четкая картина:
национализм в Китае на подъёме.
Несмотря на то что власти по-
прежнему призывают к
осторожности в определении статуса
и исторических задач Китая, к 2009-
2010 годам самые серьёзные
китайские СМИ запестрели
триумфальными заявлениями о
растущем влиянии, экономической

мощи Китая и планомерном восхождении на вершину мировой славы. Резкий прилив националистического пыла проявился и во всплесках народного негодования по поводу мелких военно-морских столкновений с Японией в районе спорных островов. Тайваньский вопрос также может в какой-то момент разжечь в народе воинственный антиамериканизм.

На самом деле парадокс китайского будущего состоит в том, что постепенное движение к частичной демократизации может оказаться более осуществимым под разумным, но властным руководством, которое осторожно

перенаправит социальную энергию в нужное русло, чем при ослабленном, которое будет чрезмерно потакать требованиям народа. Ослабленный и постепенно деградирующий режим может не устоять перед искушением сохранить политическое единство (и собственную власть) в опоре на экстремальное националистическое видение будущего страны, не отличающееся терпением. Если руководство из-за боязни упустить власть и утраты дальновидности поддержит всплеск национализма, пострадает выверенное равновесие между претворением в жизнь внутриэкономических планов и осмотрительным преследованием

внешнеполитических интересов Китая.

Вышеупомянутые факторы могут, кроме того, привести к кардинальным переменам в структуре политической власти Китая. Китайская армия (Народно-освободительная армия Китая) — единственная общегосударственная структура, способная осуществлять государственный контроль. Помимо этого, она активно участвует в непосредственном управлении основными экономическими активами. В случае серьёзного ослабления существующего политического руководства и всплеска популистских настроений

военные скорее всего возьмут бразды правления в свои руки.

Как ни парадоксально, вероятность такого исхода повышает целенаправленная политизация офицерского состава китайской армии. Среди высших чинов партийное членство составляет 100%. И как сама Коммунистическая партия Китая, партийные бойцы Народно-освободительной армии считают себя стоящими над государством. В случае системного кризиса взять власть в свои руки будет для облаченных в форму членов партии естественным шагом. Политическое руководство перейдет к высокомотивированным,

националистически настроенным, организованным, но не искушенным в международной политике лицам.

Националистический военизированный Китай повергнет себя в самоизоляцию. Он не только развеет общемировое восхищение китайской модернизацией, но и всколыхнет остатки антикитайских настроений в США, возможно, даже со скрытыми расистскими мотивами. В результате, вероятно, не обойдется без политического давления с целью создания антикитайской коалиции с теми азиатскими странами, у которых амбиции Пекина вызывают все больший страх. Тогда непосредственное геополитическое

окружение Китая, в настоящее время настроенное на партнёрство с экономически преуспевающим соседом, может начать активно искать внешнего защитника (предположительно в лице Штатов) от обьятого национализмом и агрессивно настроенного в их глазах Китая.

Поскольку уже несколько десятилетий войска Штатов, согласно договорным обязательствам, дислоцированы в Японии и Южной Корее, от того, как в обозримом будущем поведет себя Пекин со своими ближайшими соседями, напрямую зависит общий характер американо-китайских отношений. В

широком смысле стратегические задачи крепнущего, но пока ещё осторожничающего Китая можно разделить на шесть основных направлений.

1. Снизить опасность, создаваемую потенциальным географическим окружением Китая, а именно: оборонными связями США с Японией, Южной Кореей и Филиппинами; возможностью потери Китаем морского выхода через Малаккский пролив в Индийский океан, а значит, на Ближний Восток, в Африку, Европу и т.п.; отсутствием доступных и экономически обеспеченных сухопутных маршрутов для торговли

с Европой через обширные пространства России и (или) Центральной Азии.

2. Обеспечить себе выгодное положение в складывающемся Восточно-Азиатском сообществе (которое может охватить и китайско-японско-южнокорейскую зону свободной торговли) и в уже существующем АСЕАН, одновременно ограничивая (но не исключая полностью) присутствие в них США.

3. Консолидировать Пакистан как противовес Индии и с его помощью получить более короткий и безопасный выход в Аравийское море и Персидский залив.

4. Значительно опередить Россию в экономическом влиянии в Центральной Азии и Монголии, тем самым частично обеспечив потребности Китая в природных ресурсах и поставку их с более близких территорий, чем Африка или Латинская Америка.

5. Разрешить в пользу Китая неурегулированное наследие гражданской войны — тайваньский вопрос — в соответствии с формулой Дэн Сяопина (впервые озвученной в китайских СМИ в ходе встречи с ним автора данной книги): «одна страна, две системы».

6. Установить свое привилегированное экономическое и

косвенное политическое присутствие в ряде ближневосточных, африканских и латиноамериканских стран, тем самым обеспечив стабильный доступ к сырью, полезным ископаемым, сельскохозяйственной продукции и энергоресурсам — одновременно завоевывая местные рынки под товары китайского производства по конкурентоспособным ценам. В процессе добиться за счет этого глобальной политической поддержки.

Перечисленные шесть основных стратегических задач представляют как геополитические, так и экономические интересы страны на

так называемой большой периферии, как её называют некоторые китайские стратеги. Кроме того, они отражают исторические представления Китая о его законном праве на региональное — а в конечном итоге, возможно, и глобальное — господство. В отличие от Советского Союза на идеологическое завоевание мира он не претендует. Однако эти представления все же свидетельствуют о его гордости и завуалированном до поры до времени желании снова, как когда-то прежде, оказаться на вершине мировой славы, сместив Америку. И действительно, уже заметно, что тонко

просчитанная программа по развитию зарубежных связей — выстроенная на лозунгах о «гармоничном мире» — начинает будоражить политическое сознание народов менее благополучных стран. Для всех многочисленных желающих смотреть в более адекватное будущее, чем то, которое рисует закат «Американской мечты», Китай предлагает новую альтернативу — восход мечты китайской.

Каждую из этих шести задач можно решать гибкостью и терпением, а можно — напором и агрессией, чтобы подорвать позиции Америки на Востоке. Например, Япония и Южная Корея могут быть

партнёрами по Восточно-Азиатскому сообществу, которое не исключает и участия Америки, а могут создать союз с объединенной под китайским покровительством Кореей и отсоединившейся от Соединённых Штатов нейтральной Японией (аналогично и с другими задачами). Как будут решаться перечисленные задачи — путем взаимовыгодного урегулирования (прежде всего с Соединёнными Штатами) или агрессии со стороны проникнутого национализмом Китая, всё больше озабоченного антагонистическим противостоянием с Соединёнными Штатами, — зависит прежде всего от накала китайского национализма.

Какая из обозначенных линий окажется вероятнее, будут определять два основополагающих фактора: как откликнется Америка на усиление Китая и как будет развиваться сам Китай. Обе страны ждёт серьёзная проверка на прочность, и ставки для обеих будут огромны. Поэтому перед Америкой стоит задача отделить неприемлемые аспекты внешнеполитических притязаний Китая, представляющие прямую угрозу жизненно важным американским интересам, от тех, что отражают новую историческую геополитическую и экономическую действительность, к которой, пусть и неохотно, можно приспособиться, не

ущемляя ключевых интересов США. По сути, спокойно оценивать, что из этого не стоит столкновений с Китаем, а где нужно вовремя провести черту, чтобы Китай сам осознал: перейти её у него попросту не хватит сил и, кроме того, это чревато ущербом для его собственных интересов. Конечной целью должно стать конструктивное партнёрство с Китаем на международной арене — но не любой ценой.

Отсюда следует, что, пытаясь повысить вероятность глобального партнёрства с Китаем, Америка должна негласно принять геополитическое господство Китая в

материковой Азии и становление его как доминирующей экономической мощи в этом регионе. Однако перспективы всеобъемлющего глобального партнёрства между Америкой и Китаем только повысятся, если Америке удастся сохранить собственное геополитическое присутствие на Дальнем Востоке, основанное на связях с Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Сингапуром и Индонезией — независимо от мнения Китая на этот счет. В этом случае азиатские соседи Китая (в том числе неупомянутые) получают стимул воспользоваться участием Америки в азиатских финансовых и

экономических структурах, а также геополитическим присутствием, чтобы мирно и в то же время уверенно преследовать интересы собственной независимости в тени могущественного Китая.

Немаловажную роль в выстраивании стабильных партнёрских отношений между Штатами и Китаем будет играть Япония. Связи с ней утверждают Штаты в статусе тихоокеанской державы, равно как связи с Великобританией — в статусе атлантической. И те, и другие обуславливают разностороннее партнёрство Америки с Европой и Китаем соответственно. Поэтому

постепенное примирение Китая и Японии тоже входит в число главных интересов Америки. Облегчению этой задачи должно способствовать американское присутствие в Японии, и в первую очередь оборонные связи между двумя странами — особенно если Америка и Китай будут при этом активно стараться углубить и расширить собственное двустороннее сотрудничество.

В то же время повышение активности Японии в международных делах и усиление её военного потенциала также внесли бы весомый вклад в обеспечение глобальной стабильности. Некоторые влиятельные фигуры в Японии уже

ратуют за её вступление в поддерживаемое Штатами (и объявленное китайскими аналитиками заговором против Восточно-Азиатского сообщества) Транстихоокеанское стратегическое партнёрство (ТСЭП), нацеленное на создание зоны свободной торговли между государствами, расположенными по берегам Тихого океана. Это не значит, что у Японии появятся силы угрожать Китаю, однако она сможет активнее способствовать делу мира и в целом действовать в большем соответствии со своим высоким экономическим статусом. Кроме того, установленные процедуры международного

посредничества и независимого разрешения позволят Японии упростить урегулирование споров с Китаем по поводу потенциально богатых нефтью островов.

У Южной Кореи, пока Корейский полуостров остается разделенным на две части и не снята потенциальная угроза, не остается другого выбора, кроме как полагаться на оборонные обязательства Америки, которые, в свою очередь, зависят от эффективности американского присутствия в Японии. Несмотря на активные торговые взаимоотношения Японии и Кореи, тесному военному сотрудничеству, представляющему

очевидный оборонный интерес для обеих, до сих пор мешала историческая вражда. Чем сильнее будет защищена Корея, тем меньше вероятность неожиданного удара с севера. И наконец, когда проблема мирного урегулирования встанет наиболее остро, Китай может сыграть решающую роль в обеспечении, возможно, поэтапного воссоединения двух Корей. В этом случае Южная Корея в качестве ответной уступки за китайское посредничество может пересмотреть в сторону ослабления свои оборонные связи с Соединёнными Штатами и тем более с Японией.

В этом расширенном контексте

экономического и политического сотрудничества потребуют мирного урегулирования три наболевших американо-китайских вопроса: один, вероятно, в ближайшем будущем, второй — не позже ближайших нескольких лет, и третий — в течение десятилетия, если исходить из того, что конструктивное развитие двусторонних американо-китайских отношений в рамках регионального взаимодействия в Азии будет продолжаться.

Первый из наболевших вопросов относится к разведывательным операциям Штатов на границе китайских территориальных вод (шесть миль от береговой линии), а

также периодическому патрулированию американскими кораблями международных вод, которые тоже входят в китайскую экономическую зону. Эти действия объяснимо расцениваются Китаем как провокация, и, ответь он тем же, негодованию американцев не было бы предела. Кроме того, воздушные разведывательные операции чреваты серьёзным риском ненамеренных столкновений, поскольку Китай обычно в таких случаях поднимает в воздух свои истребители для проверки или даже преследования.

Частичному урегулированию этого вопроса может помочь более систематическое рассмотрение

второй все сильнее обостряющейся проблемы — наращивания военной мощи обоими государствами. Размеры оборонного бюджета и размах программы вооружений в Штатах объясняются, с одной стороны, незаконченными военными кампаниями, а с другой — международными оборонными обязательствами. На этом этапе ответные действия Китая не выходят за рамки региональных, однако они все равно напрямую затрагивают проблемы американской безопасности и обязательства Штатов перед азиатскими союзниками. Поэтому любое долгосрочное кита́йско-

американское партнёрство потребует систематических усилий со стороны обоих государств по поиску компромиссных решений в области перспективных военных планов и мер взаимного успокоения (что поможет также уменьшить беспокойство Японии и Южной Кореи). Отсутствие подобного компромисса почти наверняка вырастет в непреодолимую проблему, чреватую не только расшатыванием существующего сотрудничества, но и новым витком гонки вооружений.

Третий наболевший геополитический вопрос одновременно и самый сложный, но его урегулирование могут упростить

подвижки в описанных выше первых двух. Он касается будущего статуса Тайваня. Соединённые Штаты уже не признают Тайвань как суверенное государство и встают на позицию Китая, согласно которой Китай и Тайвань — это две части одной страны. На каком-то этапе взаимного урегулирования Китаю и Штатам придётся учесть, что продажа Америкой оружия независимому Тайваню в целях его безопасности не может не вызвать негодования Китая, но что формула Дэн Сяопина «одна страна, две системы» обеспечивает достаточно гибкую основу для территориального объединения и одновременного разделения в

политических, социальных и даже военных вопросах. (Формула в этом случае примет другой вид: «Одна страна, несколько систем».)

Эта формула (в изначальном, более узком варианте) уже испытана на Гонконге — с того момента, как Китай получил суверенитет над этой бывшей британской колонией. Несмотря на ввод китайских войск, Гонконгу удалось сохранить внутреннюю автономию, в том числе и демократический строй. И учитывая постепенное усиление Китая, маловероятно, что Тайвань сможет бесконечно отказываться от объединения на основе более гибкого толкования знаменитой формулы,

которая в этом случае позволит обойтись без дислокации НОАК на территории острова. Готовность Китая и Америки выработать соглашение по этому политически и морально болезненному вопросу будет, несомненно, зависеть от общего характера их взаимоотношений. Урегулирование первых двух проблем устранил в обозримом будущем наиболее вероятные источники геополитической враждебности. Однако неразрешённость третьего вопроса в долгосрочной перспективе может привести к серьёзному разрыву в отношениях, тем более что ещё при Никсоне Штаты согласились

принять принцип «единого Китая», признаваемый как КНР, так и Тайванем.

Как уже отмечалось выше, в конечном итоге многое будет зависеть от внутреннего состояния обеих стран. Обновление инфраструктуры, открывшееся «второе дыхание» в разработке инновационных технологий, заново обретенный исторический оптимизм и выход из политического тупика придадут Америке уверенности в отношениях с набирающим силу Китаем. У нее появится более четкое, менее манихейское видение мира, в котором политическое господство придётся так или иначе с кем-то

делить.

Точно так же многое зависит от того, как будет развиваться сам Китай. Последние два столетия в его истории были бурными и беспокойными. Современный период спокойствия и прогресса насчитывает всего тридцать лет. XIX век был для Китая эпохой раскола, упадка и жестокой военной интервенции, а также унижительных иностранных «концессий». XX век — период почти непрекращающейся мучительной борьбы на фоне национального пробуждения. Сунь Ятсен, а вслед за ним и Чан Кайши пытались сделать для Китая то же, что сделал для Турции Ататюрк, но

потерпели неудачу. Мао Цзэдун выступил губительным для страны аналогом Сталина. И только Дэн Сяопин сумел добиться того, чего не удалось добиться в СССР Горбачёву: поставить Китай на рельсы успешных внутренних преобразований, играя одновременно на индивидуальных чаяниях китайских граждан и на всколыхнувшихся народных амбициях.

Если подъём китайской экономики будет продолжаться такими же темпами, маловероятно, что в ближайшем будущем (скажем, до 2030 года) следует ожидать — как надеются многие на Западе —

появления в Китае конституционной демократии на базе среднего класса по европейско-американской модели. (Не будем забывать, что Тайваню понадобилось около 60 лет на переход — при внушительной поддержке и сочувствии Штатов — от авторитаризма к конституционной демократии.) Таким образом, перед Китаем открываются два пути сохранения национального единства в современных условиях (упрощенного доступа к внешнему миру, активизации общения по Интернету, повышения уровня жизни — хоть и неравномерного), и ни тот ни другой путь не предполагает копировать западную

многопартийную плюралистическую демократию. Первый из них, опасный, уже обсуждался: это модернизация Китая с превращением в агрессивную, нетерпеливую, урапатриотическую и националистическую державу, где власть и инициатива окажется в руках НОАК. Такой Китай будет опасен не только для окружающих, но и для самого себя.

Менее опасной для международного сообщества альтернативой националистическому Китаю, охваченному шовинизмом по образцу Европы XX века, может стать конфуцианство на современный лад. Политическая

культура в Китае уходит корнями в глубокую древность и проникнута самобытными философскими представлениями о жизни, иерархии и власти. Понятие государственной гармонии, в которой единство обеспечивается авторитарными методами, но на словах проистекает из общности философского мировоззрения, где власть дается в результате меритократического отбора, а не открытого политического соревнования и где политическая стратегия диктуется «фактами», а не догматизируется, берет начало в далеком прошлом страны. Примечательно, что Дэн Сяопин неоднократно, вторя

Конфуцию, призывал «искать истину в фактах».

Китайское руководство, кроме того, прекрасно осознает, что огромная прослойка стареющего контингента может сильно нарушить социальную сплоченность — тем самым ставя под удар конфуцианское понятие гармонии. (Президент Цзян Цзэминь на вопрос автора данной книги, что он считает главной проблемой для своей страны, не задумываясь ответил: «Слишком много китайцев».) Китайские официальные лица осознают растущую опасность, которой чревато всё более очевидное социальное расслоение и то, что

сотни миллионов граждан пока не получают никаких благ от проходящих в стране преобразований. В том числе и поэтому бороться с внутренней угрозой гармонии гораздо важнее, чем распространять свою доктрину на остальной мир.

Как бы то ни было, именно с понятием гармонии Китай все настойчивее пытается связать свой образ в глазах остального мира. Несмотря на руководящую роль партии, которая называет себя коммунистической, Китай не ассоциирует себя ни с классовой борьбой, ни с мировой революцией (в отличие от Советов), вместо этого

опираясь больше на свое конфуцианское прошлое и буддийские корни. Показательно, что главным проводником его культуры за рубежом выступают несколько сотен активно открываемых по всему миру институтов Конфуция, построенных по образцу Британского совета и французского «Альянс Франсез». Помимо приобщения иностранцев к учению Конфуция, они постулируют и буддийское наследие Китая (объединяющее его с соседями). В практическом отношении из этого мало что можно вынести относительно глобальных намерений и стратегии Китая, однако упор на «мирное становление» и

всеобщую гармонию по крайней мере предполагает возможность диалога и полноценной интеграции Китая в систему международных отношений.

При таких обстоятельствах в долгосрочной перспективе маловероятно, что Китай сможет не поддаваться давлению со стороны всё более взаимозависимого и взаимосвязанного внешнего мира, отгородиться от которого если и удастся, то слишком дорогой ценой. Формирование среднего класса, ориентированного на международные реалии, многочисленные отучившиеся за границей, неизбежно завладевающая

умами миллионов университетских студентов демократия как образ жизни и способ выражения своего человеческого достоинства, элементарная невозможность (даже для самой суровой политической верхушки) в эпоху интерактивного общения держать граждан под герметичным идеологическим колпаком — все это в совокупности подтверждает точку зрения, что модернизирующийся и богатеющий Китай тоже рано или поздно присоединится к демократическому большинству.

То, что к 2050 году китайское население значительно постареет (по аналогии с нынешней Японией, где

22% жителей находятся в возрасте 65 лет и старше, а к середине столетия в эту категорию, согласно прогнозам, попадут 25% китайцев), тоже говорит в пользу гипотезы, согласно которой вряд ли эти перемены будут такими же резкими, как в странах с потенциально взрывным демографическим преобладанием молодежи. И действительно, меняющаяся демографическая картина (с большей долей пожилого населения и среднего класса) сулит более постепенный переход к политическому плюрализму как к усовершенствованной политической культуре, сопоставимой с традициями Китая.

В этом формирующемся историческом контексте геополитическая роль Америки на новом Востоке будет принципиально непохожей на прямое участие в обновлении Запада. Там Америка выступает необходимым стимулом геополитической модернизации и даже территориального расширения. Тогда как в Азии участие Америки в многосторонних структурах, ненавязчивая поддержка развития Индии, тесные связи с Японией и Южной Кореей, терпеливое расширение как двустороннего, так и глобального сотрудничества с Китаем как нельзя лучше способствуют поддержанию

равновесия, необходимого для
стабильности крепнущего нового
Востока.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Двойная роль Америки

В первой половине первого тысячелетия — более 1500 лет назад — политика относительно цивилизованной Европы во многом определялась сосуществованием двух непохожих друг на друга частей Римской империи — западной и восточной. Западной империи, со столицей (большую часть времени) в Риме, досаждали набеги варварских орд. В середине V века переоценивший свои политические

возможности Рим, которому приходилось постоянно держать войска на обширных и дорого обходящихся заграничных укреплениях, вплотную приблизился к финансовому истощению. Его социальную целостность подорвали распри между христианами и язычниками, а неподъёмные налоги и коррупция расшатали здоровье экономики. В 476 году н.э., после свержения варварами Ромула Августа, умирающая Римская империя пала окончательно. В это же самое время Восточная Римская империя — позже получившая название Византии — отличалась большим динамизмом урбанизации и

экономического роста, а также большими успехами на дипломатическом и оборонном поприще. Византия процветала (пусть и не без конфликтов на закате своих дней) ещё не одно столетие после падения Рима, отвоевав часть земель бывшей западной империи и лишь в XV веке сдавшись туркам-османам.

В этом историческом разделении мы наблюдаем резкий контраст с динамикой развития мира в XXI столетии. Конвульсии Рима в середине V века не помешали будущему процветанию Византии, поскольку в те дни мир делился на отдельные, географически

изолированные, политически и экономически обособленные сегменты. Судьба одного не отражалась напрямую на судьбе другого. В нынешнюю эпоху стремительных перемещений и мгновенных финансовых операций благополучие самых развитых в экономическом, финансовом и военном отношении регионов мира характеризуется все большей взаимозависимостью. В наше время в отличие от времен пятнадцативековой давности естественные взаимоотношения между Западом и Востоком могут строиться либо на взаимном сотрудничестве, либо на взаимном

ущербе.

Таким образом, главная задача и геополитический императив Америки на ближайшие несколько десятилетий — обрести «второе дыхание», способствовать формированию расширенного и более энергичного Запада, одновременно укрепляя сложное равновесие на Востоке, с тем чтобы конструктивно воспринять повышение глобального статуса Китая и избежать общемирового хаоса. Без стабильного геополитического равновесия в Евразии, обеспечиваемого обновленной Америкой, решение глобальных проблем, от которых

зависит социальное благополучие и в конечном итоге жизнь человечества в целом, зайдет в тупик. Неспособность Америки следовать этой амбициозной трансконтинентальной геополитической стратегии, по всей вероятности, ускорит ослабление Запада и приведет к усилению нестабильности на Востоке. Межгосударственная вражда в Азии — прежде всего между Китаем, Индией и Японией — повысит напряженность в регионе и обострит, с ущербом для обеих сторон, скрытую взаимную неприязнь Китая и Америки.

И напротив, успех Америки в

деле расширения Запада,
превращение его в самую
стабильную и демократическую зону
мира позволят сбалансировать власть
принципами. Сплоченный
расширенный Запад,
простирающийся от Северной
Америки через Европу до Евразии,
захватывающий Россию и Турцию,
подберется в географическом плане к
самым границам Японии — первой
азиатской страны, успешно
внедрившей демократию, — и
Южной Кореи. Этот расширенный
охват позволит донести в
привлекательном свете
основополагающие западные
принципы до других культур, тем

самым способствуя постепенному формированию в ближайшие десятилетия различных вариаций на тему универсальной политической демократии.

В то же время Америка должна продолжать сотрудничество с энергичным, финансово влиятельным, но потенциально склонным к конфликтам Востоком. Если Америка с Китаем придут к соглашению по широкому кругу вопросов, перспективы стабильности в Азии существенно повысятся. Особенно в том случае, если Штаты одновременно поспособствуют искреннему примирению между Японией (своим главным союзником

на Тихом океане) и Китаем, а также урегулируют растущее соперничество между Китаем и Индией. Все эти важные задачи необходимо решать параллельно, поскольку Азия — это не только Китай. Политика Штатов на Востоке должна исходить из того, что борьба за стабильное равновесие в Азиатском регионе не сводится к построению особых партнёрских отношений с Пекином, какие бы выгоды это ни сулило.

Поэтому, чтобы эффективно действовать как в западной, так и в восточной части Евразии, Америка должна взять на себя двойную роль. Она должна стать проводником и

гарантом расширенного и укрепленного единства на Западе, а одновременно — миротворцем и посредником между крупнейшими державами Востока. Обе роли жизненно важны, и обе подкрепляют одна другую. Однако чтобы обеспечить себе кредит доверия и запас сил для успешного исполнения обеих ролей, Америка должна сперва обновиться изнутри. Отбросив на время всё более сомнительное статистическое допущение, что нынешние темпы экономического роста в ближайшие десятилетия не ослабнут, Америка должна сделать упор на другие аспекты своего развития — инновации, образование,

способность разумно сочетать силу и дипломатию, качество политического руководства и привлекательность демократического образа жизни.

Для того чтобы выступить успешным проводником и гарантом обновления Запада, Америке понадобится укрепить связи с Европой, оставаться преданной делу НАТО и совместно с Европой осторожно руководить постепенным включением (возможно, разными способами) Турции и по-настоящему демократизирующейся России в состав Запада. Штаты должны способствовать большему сплочению Евросоюза и гарантировать его

геополитическую актуальность, участвуя в обеспечении европейской безопасности и одновременно побуждая Европу усилить собственную политическую и военную активность. Крепкое сотрудничество между Британией, Францией и Германией — центральным политическим, экономическим и военным блоком Европы — должно продолжаться и шириться. Кроме того, одновременно должен расти и крепнуть институт консультаций Германии, Франции и Польши по критичным для расширения Евросоюза на восток вопросам восточноевропейской политики. Америка в этом проекте

выступает идейным стимулом, поскольку без её активного присутствия молодое и ещё хрупкое европейское единство может расколоться.

Французско-немецко-польский «Веймарский треугольник», стратегически вовлекающий Россию и одновременно оберегающий западное единство, может сыграть конструктивную роль в продвижении и консолидации намечающегося, но ещё неуверенного урегулирования отношений между Польшей и Россией. Участие Франции и Германии повысит ощущение безопасности у Польши и убедит Россию, что процесс имеет широкий

резонанс в Европе. Только тогда крайне желательное примирение двух стран станет по-настоящему всеобъемлющим, как между Германией и Польшей, и оба эти урегулирования послужат укреплению стабильности в Европе. Однако для того, чтобы урегулирование российско-польских отношений было прочным и продуктивным, оно должно перейти с правительственного уровня на общественный, посредством интенсивных международных контактов и программ совместного обучения. Урегулирование лишь на правительственного уровня, не затрагивающее общественное

мнение, ничего не дает. В 1939 году подобное соглашение в верхах было достигнуто между гитлеровским правительством и сталинским, однако через два года обе страны все равно оказались противниками в войне.

И наоборот, франко-германская дружба после Второй мировой, хоть и инициированная в верхах (свой исторический вклад внесли оба руководителя — генерал Де Голль и канцлер Аденауэр), получила успешную поддержку на общественном и культурном уровне. Изменения коснулись даже соответствующих страниц государственной истории обеих

стран — с целью создания прочного фундамента для искренне добрососедских отношений, а значит, и для мирного союза. То же самое необходимо повторить в случае Польши и России, и как только процесс наберет ход, положительные результаты на международном уровне не заставят себя ждать. Кроме того, ключевая роль Польши состоит не только в том, чтобы открыть двери в Европу перед Россией: она может также подтолкнуть в нужном направлении Украину и Беларусь, тем самым побуждая Россию последовать их примеру. Таким образом, для желательного исторического расширения Запада

необходимы стратегическое руководство и твердая почва. Нужно обеспечить поддержку со стороны укрупненного атлантического альянса, где Польша наладит партнёрство с Германией, которая, в свою очередь, продемонстрирует тесную дружбу с Францией.

Процесс потребует упорства и стратегической проницательности как от Америки, так и от Европы. России тоже придётся прикладывать усилия, приближаясь к соответствию стандартам Евросоюза. Однако в конечном итоге она сама не захочет упустить эту возможность, особенно если Турция и Евросоюз продвинутся по пути разрешения текущих

проблем. Более того, значительная часть российских граждан уже расходится с правительством в вопросе вступления в Евросоюз. Согласно опросу, проведённому в России в начале 2011 года международной немецкой медиакомпанией «Дойче велле», 23% россиян считают, что Россия должна вступить в Евросоюз в течение ближайших двух лет, 16% — двух-пяти лет, 9% — пятидесяти лет, 6% выступают за более долгие сроки, 28% воздерживаются и только 18% высказались решительно против. Однако голосуя за членство в Евросоюзе, российское население в массе своей не представляет,

насколько жестки требования к кандидатам. В лучшем случае, как уже происходит с Турцией, процесс принятия, едва начавшись, может застопориться, потом снова двинуться вперед, возможно, рывками, поэтапно и, вероятно, с введением мер переходного характера. В данный момент, однако, пока ещё рано рисовать подробную схему политической архитектуры будущего расширенного Запада.

Тем не менее, если Америка не окажет содействия сплочению Запада, не исключены катастрофические последствия. Европейские страны вспомнят свои исторические обиды, вспыхнут

новые конфликты интересов, образуются соперничающие партнёрские союзы ради сиюминутной выгоды. Россия может способствовать расколу, манипулируя энергоресурсами, и, раззадоренная несогласованностью действий Запада, попытаться поскорее поглотить Украину, теша собственные имперские амбиции и способствуя ещё большей международной дезорганизации. Если Европа останется в стороне, отдельные европейские государства в погоне за коммерческой выгодой могут пойти на уступки России. Не исключен сценарий, по которому личные экономические интересы

приведут к формированию особых отношений между Россией и Германией или Италией. В этом случае Великобритания скорее всего сблизится с США в противовес разваливающемуся и недружному союзу. Кроме того, притянутся друг к другу Франция и Британия, с неодобрением поглядывая на Германию, тогда как Польша и Прибалтика в отчаянии кинутся к Штатам за дополнительными гарантиями безопасности, В результате вместо нового более энергичного Запада мы получим сужение горизонтов и постепенный распад.

Кроме того, разобщенный Запад

не сможет уверенно соперничать с Китаем за глобальную системную актуальность. Китай пока ещё воздерживается от идеологических заявлений, что его успешный опыт следует распространить и на другие страны мира, а Штаты стараются не педалировать идеологию в своих отношениях с ключевыми государствами, сознавая некоторую неизбежность компромиссов в других вопросах (например, урегулирование ограничения вооружений с Россией). И США, и Китай мудро приняли концепцию «конструктивного партнёрства» на международной арене, поэтому Штаты — несмотря на неодобрение

того, что в Китае нарушаются права человека, — контролируют себя, чтобы не клеймить китайскую социэкономическую систему в целом. Однако даже в такой менее антагонистической обстановке мирно (без идеологического накала) соревноваться с Китаем в том, какой строй больше подойдет для развивающегося мира, пытающегося удовлетворить запросы политически пробудившегося населения, будет гораздо легче расширенному и обновленному Западу.

Если же обеспокоенная Америка и излишне самоуверенный Китай не справятся с усилением политической враждебности, обе

страны с большой долей вероятности погрязнут в разрушительном для обеих идеологическом конфликте. Америка станет утверждать, что успехи Китая строятся на тирании и представляют угрозу для экономического благополучия Штатов. Китай воспримет это заявление как попытку подорвать и даже, возможно, расколоть китайский строй. В то же время Китай будет все активнее выступать противовесом западному превосходству, связывая его в общественном сознании с эпохой хищнической эксплуатации слабых сильными и апеллируя в идеологическом плане к тем слоям

«третьего мира», которые и без того испытывают историческую неприязнь к Западу в целом и к Америке в частности. Отсюда следует, что и Америке, и Китаю в собственных разумных интересах было бы лучше проявлять взаимную идеологическую сдержанность. Оба соперника должны бороться с искушением универсализировать отличительные черты своих социоэкономических систем и демонизировать друг друга.

В долгосрочном деле обеспечения стабильности в Азии Штаты должны взять на себя роль посредника и миротворца. Поэтому им следует избегать прямого

военного вмешательства в данном регионе, вместо этого стремясь погасить давнюю вражду между ключевыми дальневосточными азиатскими силами — в частности Китаем и Японией. Основополагающий принцип политики Штатов на новом Востоке должен заключаться в том, что их вмешательство в события материковой Азии возможно лишь в ответ на враждебные действия против тех государств, где американский военный контингент уже давно стал частью международной обстановки.

В общем и целом роль Америки в Азии как опоры региональной

стабильности должна повторять роль Британии во внутриевропейской политике XIX — начала XX века. Соединённые Штаты могут и обязаны решительным образом помочь Азии избежать борьбы за региональное господство, выступая посредником в конфликтах и нивелируя неравенство сил между потенциальными соперниками. При этом Штаты должны уважать особую историческую и геополитическую роль Китая в поддержании стабильности на Дальнем Востоке материка. Налаживание серьёзного диалога с Китаем по вопросу региональной стабильности поможет снизить вероятность не только

американо-китайских конфликтов, но и просчетов во взаимоотношениях между Китаем и Японией, Китаем и Индией и даже в какой-то степени между Китаем и Россией в том, что касается ресурсов и статуса центральноазиатских государств. Таким образом, регулирующее воздействие Америки отвечает в том числе интересам Китая.

В то же время Штаты должны сознавать, что стабильность в Азии уже не может обеспечиваться извне, сторонней державой, тем более (особенно после незавершённой официально Корейской войны, проигранной Вьетнамской, нападения на Ирак в 2003 году и

участия в затяжном афганском конфликте) прямым вооружённым вмешательством США. Подобные усилия Штатов по укреплению стабильности в Азии могут пойти во вред самой Америке (вовлекая её в разорительные военные действия по аналогии с недавними кампаниями) и даже закончиться повторением европейского развития событий в XX веке. Если Америка будет активно выстраивать антикитайский альянс с Индией (и даже, возможно, с другими материковыми государствами) или пропагандировать антикитайскую милитаризацию Японии, итогом может стать опасная взаимная

неприязнь. Геополитическое равновесие в Азии XXI века должно в большей степени основываться на региональной самодостаточности и конструктивном подходе к межгосударственным отношениям и в меньшей — на сеющих раздор в регионе военных альянсах с неазиатскими странами.

Соответственно второй руководящий принцип для Америки в роли посредника на Востоке должен заключаться в том, что ей нельзя позволить втянуть себя в войну между материковыми азиатскими державами (если дело не касается обязательств перед Японией и Кореей). На самом деле, как бы ни

истощали подобные войны своих участников, жизненно важных интересов Америки они не затронут. Однако с Японией и Кореей Соединённые Штаты повязаны уже больше пятидесяти лет, как сложилось по итогам Второй мировой. В случае возникновения сомнений относительно взятых на себя Штатами долгосрочных обязательств пострадает независимость и уверенность этих стран в своих силах, а также роль Америки на Тихом океане. Более того, Япония — это островное государство, лежащее вне материковой зоны, и её отношения с Америкой напоминают в этом

аспекте связи Штатов с Великобританией, особенно периода Второй мировой и беспокойных лет «холодной войны». В эти отношения включена и Южная Корея, поэтому Штаты поставят под удар собственные долгосрочные интересы на Дальнем Востоке, если позволят усомниться в прочности своих оборонных обязательств относительно этих двух стран. Однако конструктивная роль Америки может заключаться в сдерживании ключевых игроков (и тогда защищать Японию или Корею ценой военных действий не понадобится) активной политической, дипломатической и

экономической поддержкой с целью обеспечения регионального равновесия сил. Так Америка одновременно укрепит свое политическое влияние и поспособствует обеспечению стабильности в Азии.

Особенно важное значение получит миротворческая роль Америки на Востоке — в частности в отношениях между Японией и Китаем. Японско-американские связи, послужив почвой для примирения Японии и Китая, станут основой для согласованных усилий по формированию американско-японско-китайского трехстороннего сотрудничества. Этот треугольник

обеспечит каркас для
конструктивного урегулирования
стратегических вопросов,
возникающих из растущего
регионального влияния Китая.
Подобно тому как стабильность в
Европе была бы немыслима без
перехода франко-германского
примирения в примирение между
Германией и Польшей, в свою
очередь, открывшего дорогу для
негласной координации между
Германией, Францией и Польшей в
вопросах безопасности, так и
целенаправленное поощрение
углубляющихся китайско-японских
отношений (особенно на
общественном и культурном уровне)

может стать отправной точкой для укрепления стабильности на Дальнем Востоке.

В контексте этого тройственного союза китайско-японское примирение поможет упрочить и сделать более всеобъемлющим сотрудничество между Америкой и Китаем. Китай знает, что обязательства Америки по отношению к Японии незыблемы, связывающие их узы надежны и безопасность Японии напрямую зависит от Америки. А Япония сознает, что конфликт с Китаем пагубно отразится на обеих сторонах, поэтому связи Америки с Китаем косвенным образом способствуют и

японской безопасности и благополучию. При таком развитии событий Китай не будет рассматривать оборонную поддержку Японии Америкой как угрозу, а Япония не станет опасаться стремления Америки и Китая к более тесному партнёрству, граничащему, по сути, с образованием неофициальной «большой двойки». Укрепление трехсторонних взаимоотношений может, кроме того, уменьшить опасения Японии относительно возможного получения юанем статуса третьей мировой валюты, ещё больше усиливающего позиции Китая в существующей международной системе, и снизить

беспокойство Штатов насчет будущей роли Китая.

В общем и целом активные действия Америки в Азии необходимы не только для обеспечения стабильности в регионе, но и в гораздо большей степени, чтобы создать обстановку, в которой китайско-американские отношения будут развиваться мирно и согласованно, перерастая в конечном итоге в широкомасштабное политическое и экономическое партнёрство. Отношения между Америкой и Китаем могут стать полигоном, на котором будет испытана способность самого населённого и самого экономически

динамичного континента планеты сочетать внутренние успехи с региональной стабильностью.

В ходе мировой истории Америка уже доказала свое умение не пасовать перед трудностями. Однако в XXI веке трудности носят совсем иной характер, чем прежде. Современный мир переживает почти повсеместное политическое пробуждение — миллионы людей находятся в поиске путей к светлому будущему. Кроме того, в мире наблюдается рассредоточение сил — на Востоке стремительно растут несколько новых претендентов на мировое господство. И поэтому нынешний мир гораздо менее

склонен подчиняться одной державе — даже такой мощной в военном отношении и политически влиятельной, как Соединённые Штаты. Однако, поскольку Америка ещё не Рим, а Китай ещё не Византия, стабильный глобальный порядок в конечном итоге зависит от способности Америки к обновлению и к тому, чтобы выступить для обретающего «второе дыхание» Запада проводником и гарантом, а для набирающего силу нового Востока — посредником и миротворцем.

Примечания

Peter Nolan, «*Crossroads*», London, 2009. См. также Дэниел Ергин. Добыча. «Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть». М., 2011

Всемирный банк. Ежегодные
показатели мирового развития. 25
апреля 2011 г.

По данным опроса международного Исследовательского центра Пью за 2010 год, доля положительно относящихся к Соединённым Штатам составила 17% в Турции, 17% в Египте, 21% в Иордании, 52% в Ливане и 17% в Пакистане. Доля респондентов, полагающих, что Соединённые Штаты в своих внешнеполитических действиях учитывают интересы их страны «в достаточной» или «в значительной» степени, составила (согласно опросу 2010 года) 9% в Турции, 15% в Египте, 26% в

Иордании, 19% в Ливане и 22% в Пакистане. В опросе за 2008 год доля респондентов, у которых эгоизм ассоциировался с жителями Запада, составила 81% в Индонезии, 73% в Иордании, 69% в Турции, 67% у британских мусульман, 63% в Египте, 57% среди немецких мусульман, 56% в Нигерии, 54% в Пакистане, 51% среди французских мусульман и 50% среди испанских мусульман. Согласно опросу 2008 года, доля респондентов, ассоциирующих с жителями Запада высокомерие, составила 74% в Нигерии, 72% в Индонезии, 67% в Турции, 64% среди британских мусульман, 53% в Пакистане, 49% в

Египте, 48% в Иордании, 48% среди немецких мусульман, 45% среди французских и 43% среди испанских.

Donald J. Puchala, «*The History of the Future of International Relations*», *Ethics and International Relations*, vol. 8, 1994, p. 197.

В книге Роджера Ловенстайна «Конец Уолл-стрит» (*Penguin Press, New York, 2010*) представлены следующие красноречивые данные по социально-экономическим последствиям финансового кризиса 2008-2009 гг., на который страна обрекла себя сама:

- Средний дефицит бюджета в странах «Большой двадцатки» возрос с 1% до 8%.

- К 2009 году доля национального долга на каждого американца составляла 24 000 долларов, 2500 долларов из которых

приходилось на долг Китаю.

- Национальное богатство Америки сократилось с 64 триллионов долларов до 51 триллиона долларов.

- Уровень безработицы в Америке достиг 10,2%.

- Соединённые Штаты потеряли восемь миллионов рабочих мест.

- Число отчуждений заложенной недвижимости возросло с 74 000 в месяц в 2005 году до 280 000 в месяц летом 2008 года и подскочило до 360 000 в июле 2009 года.

- В 2009 году в неделю лопалось по три банка.

- Весной 2009 года 15 миллионов американских семей

задолжали по своим закладным суммы, превышающие стоимость самой недвижимости.

- Произошло сокращение ВВП на 3,8% — самое крупное сокращение со времен демобилизации после Второй мировой войны.

- Америка пережила самый долгий экономический спад со времен 1930-х.

- Рынок ценных бумаг упал на 57% — самое большое падение со времен Великой депрессии.

Данные для Европы за 2000 и 2010 гг. охватывают 27 участников Евросоюза, данные за предыдущие годы приводятся для ЕС-15; под Россией в 1970, 1980 и 1990 гг. подразумевается Советский Союз, в 2000 и 2010 гг. — Российская Федерация; в настоящий момент доля Китая в мировом ВВП превышает долю Японии — Служба экономических исследований не успела обновить данные с тех пор, как китайская экономика обогнала японскую в конце 2010 — начале 2011 гг.

В этих двух таблицах представлен усредненный рейтинг Соединённых Штатов, Китая, России, Индии и Бразилии по нескольким международным показателям, оценивающим экономическое, социальное и политическое развитие стран мира. Если в сравнении с главными претендентами на мировое главенство Соединённые Штаты лидируют с большим отрывом как по экономическим, так и по социополитическим показателям, то в сравнении с другими странами ни

по одному из этих индексов Штаты не выходят на первое место. Из обеих таблиц следует, что, несмотря на растущую конкуренцию за глобальное первенство, ни одна из кандидаток в мировые державы не обладает тем сочетанием силовой и несиловой мощи, которое обеспечило глобальное превосходство Америки.

Михаил Бакунин, родившийся в России в 1814 году, был идеологом анархизма и ведущим пропагандистом террора в Российской империи. Его разногласия с Карлом Марксом привели к расколу между анархистским и марксистским крыльями революционного социалистического движения.

Как предлагалось в книге З. Бжезинского «*A Plan for Europe*», *Foreign Affairs*, январь 1995 г.

Отчет Латиноамериканского
отдела Исследовательского центра
Пью «*Mexican Immigrants: How many
come? How many leave?*»
(«Мексиканская иммиграция.
Количество въезжающих, количество
уезжающих»), 22 июля 2009 г.

«Предположительная оценка незаконно проживающего в США иммигрантского населения, январь 2009 г.». Министерство внутренней безопасности США, Отдел иммиграционной статистики, январь 2010.

<http://www.dhs.gov/xlibrary/assets/statis>

Clare Ribando Seelke, Mark P. Sullivan, and June S. Beittel. *Mexico-US Relations: Issues for Congress* («Американо-мексиканские отношения — задача для конгресса»). Исследовательская служба Конгресса. 3 февраля 2010 г.

Агентство США по
международному развитию. *The
Global Water Crisis* («Глобальный
водный кризис»), 18 января 2007 г.

В. Радюхин, «Стратегическая ценность Арктики для России» (*The Arctic's Strategic Value for Russia*), The Hindu, 30 октября 2010 г.

G. P. Glasby and Yu. L. Voytekhovsky. *Arctic Russia: Minerals and Mineral Resources*. («Арктическая Россия. Минералы и минеральные богатства». Geochemical News, issue 140, July 2009. The Geochemical Society.

В. Радюхин, «Стратегическая ценность Арктики для России» (*The Arctic's Strategic Value for Russia*), The Hindu, 30 октября 2010 г.

Не утратившая актуальности цитата из «Великой шахматной доски»: «Евразия является крупнейшим континентом на земном шаре и занимает осевое положение в геополитическом отношении. Государство, которое господствует в Евразии, контролировало бы два из трех наиболее развитых и экономически продуктивных мировых регионов. Один взгляд на карту позволяет предположить, что контроль над Евразией почти автоматически повлечёт за собой подчинение Африки. <...> Около 75%

мирового населения живет в Евразии, и большая часть мирового физического богатства также находится там — как в её предприятиях, так и под землей. <...> После Соединённых Штатов следующие шесть крупнейших экономик и шесть стран, имеющих самые большие затраты на вооружения, находятся в Евразии. Все, кроме одной, легальные ядерные державы и все, кроме одной, нелегальные находятся в Евразии. Два претендента на региональную гегемонию и глобальное влияние, имеющие самую высокую численность населения, находятся в Евразии». (З. Бжезинский. «Великая

шахматная доска». М.:
Международные отношения, 1998.
Перевод О. Ю. Уральской.)

Europe's Last Chance
(«Последний шанс Европы»), «Корея таймс», 13 октября 2010 года.

Более подробно данная концепция изложена в книге З. Бжезинского «*Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство*». М.: Международные отношения, 2004. Пер. с англ. Е. А. Нарочницкой, Ю. Н. Кобякова.

Эту теорию естественных границ между Европой и Азией популяризовал в своей книге *«Историко-географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии»* шведский географ Филипп Юхан ван Страленберг, путешествовавший по России в начале XVIII века.

В конце весны 2007 года Эстония, после того как в её столице был демонтирован памятник советскому воину-освободителю, подверглась массовой электронной атаке неизвестного происхождения. В 2009 году Россия проводила крупные военные учения на западных рубежах под названием «Запад-2009», где отрабатывались контрудары по западному (без конкретизации) захватчику, кульминацией которых стала отработка учебного ядерного удара по столице соседнего западного

государства (также неконкретизированного). Несмотря на периодическое заигрывание и экономическое сотрудничество с Китаем, Россия в 2010 году устроила крупные военные маневры в Восточной Сибири под названием «Восток-2010», моделируя острый конфликт с безымянным противником, угрожающим территориальной целостности дальневосточных рубежей России.

Джованни Арриги. *«Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век».*

«В ближайшие три десятилетия массовые волнения станут величайшей проблемой для руководства» (Over the next thirty years, mass incidents will be the greatest challenge to governance), Ляован Дунфан Чжоукань, 21 апреля 2010 г.